

НАРОДНЫЕ
РУССКИЕ
СКАЗКИ

из собрания
А.Н. Афанасьева

Народные русские сказки из собрания А.Н. Афанасьева //Астрель,
Москва, 2012
ISBN: 978-5-271-45006-8
FB2: , 18.05.2014, version 1.1
UUID: 1EFDBFE1-3CA9-4E90-ACB5-BEC5F8E181B4
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Николаевич Афанасьев

Народные русские сказки из собрания А.Н. Афанасьева

В этот сборник вошли самые популярные народные русские сказки из знаменитого собрания известного фольклориста, литературоведа и историка А. Н. Афанасьева.

Впервые эти сказки изданы с таким большим количеством замечательных классических иллюстраций.

Содержание

#1	0008
Лисичка-сестричка и волк	0008
Лиса, заяц и петух	0015
Старая хлеб-соль забывается	0020
Колобок	0025
Кот, кочеток и лиса	0030
Кот и лиса	0033
Напуганные медведь и волки	0041
Волк и коза	0048
Волк-дурень	0054
Медведь	0062
Медведь, собака и кошка	0064
Зимовье зверей	0071
Кочет и курица	0077
Курочка	0081
Журавль и цапля	0084
Орел и ворона	0088
Золотая рыбка	0090
Терем мухи	0099
Мизгирь	0102
Пузырь, соломинка и лапоть	0105
Репка	0106
Ведьма и Солнцева сестра	0108
Морозко	0116
Крошечка-Хаврошечка	0122

Баба-яга	0128
Василиса Прекрасная	0135
Баба-яга и Заморышек	0156
Гуси-лебеди	0163
Иван Быкович	0167
Иван крестьянский сын и мужичок сам с пёрст, усы на семь вёрст	0195
Семь Семенов	0208
Никита Кожемяка	0213
Солдат избавляет царевну	0217
Марья Моревна	0230
Иван-царевич и Белый Полянин	0254
Хрустальная гора	0270
Козьма Скоробогатый	0278
Емеля-дурачок	0291
Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о Сером Волке	0298
Жар-птица и Василиса-царевна	0328
Волшебный конь	0337
Конь, скатерть и рожок	0353
Двое из сумы	0359
Петух и жерновцы	0366
Волшебное кольцо	0371
Чудесная рубашка	0399
Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что	0410
Морской царь и Василиса Премудрая	0445
Перышко Финиста ясна сокола	0465

Елена Премудрая	0482
Соль	0495
Золотая гора	0505
Чудесная дудка	0514
Птичий язык	0517
Хитрая наука	0523
Диво	0534
Клад	0542
Скорый гонец	0548
Сестрица Аленушка, братец Иванушка	0564
Царевна сера утица	0573
Белая уточка	0580
Арысь-поле	0590
Царевна-лягушка	0593
Царевна-змея	0605
Окаменелое царство	0613
Неумойка	0619
Верлиока	0626
Горе	0636
Словарь малоупотребительных и областных слов	0649

**Александр Николаевич
Афанасьев**

**Народные русские сказки из
собрания А. Н. Афанасьева**

A. Rowland

Лисичка-сестричка и волк

Жили себе дед да баба. Дед говорит бабе: «Ты, баба, пеки пироги, а я поеду за рыбой». Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге.

Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе как мертвая.

— Вот будет подарок жене, — сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Повыбросала всю рыбу и сама ушла.

S. J. ROSEPL. D.M.

— Ну, старуха, — говорит дед, — какой воротник привез я тебе на шубу.

— Где?

— Там, на возу, — и рыба и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни ры-

бы, и начала ругать мужа:

— Ах ты!.. Такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая; погоревал, погоревал, да делать-то нечего. А лисичка собрала всю разбросанную по дороге рыбу в кучку, села и ест себе. Навстречу ей идет волк:

— Здравствуй, кумушка!

— Здравствуй, куманек!

— Дай-ка мне рыбки!

— Налови сам, да и ешь.

— Я не умею.

— Эка, ведь я же наловила; ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в прорубь — рыба сама на хвост нацепляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь.

Волк пошел на реку, опустил хвост в прорубь; дело-то было зимою. Уж он сидел-сидел, целую ночь просидел, хвост его и приморозило; попробовал было приподняться: не тут-то было.

С. ПЛОСКИЙ. 1906.

«Эка, сколько рыбы привалило, и не вытацишь!» — думает он.

Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого:

— Волк, волк! Бейте его! Бейте его!

Прибежали и начали колотить волка — кто коромыслом, кто ведром, чем кто попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

«Хорошо же, — думает, — уж я тебе отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушамши рыбки, захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу:

— Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!

— Эх, куманек, — говорит лисичка-сестричка, — у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я на силу плетусь.

— И то правда, — говорит волк, — где тебе, кумушка, уж идти; садись на меня, я тебя доведу.

Лисичка села ему на спину, он ее и понес. Вот лисичка-сестричка сидит, да потихоньку и говорит:

— Битый небитого везет, битый небитого везет.

— Что ты, кумушка, говоришь?

— Я, куманек, говорю: битый битого везет.

— Так, кумушка, так!..

Лиса, заяц и петух

Жили-были лиса да заяц. У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика лубяная; пришла весна красна — у лисицы избенка растаяла, а у зайчика стоит по-старому.

Лиса попросилась у зайчика погреться, да зайчика-то и выгнала.

Идет дорóгой зайчик да плачет, а ему навстречу собаки:

— Тяф, тяф, тяф! Про что, зайчик, плачешь?

А зайчик говорит:

— Отстаньте, собаки! Как мне не плакать?

Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала.

— Не плачь, зайчик! — говорят собаки. — Мы ее выгоним.

— Нет, не выгоните!

— Нет, выгоним!

Подошли к избенке:

— Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!

А она им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!

Собаки испугались и ушли.

Зайчик опять идет да плачет. Ему на-
встречу медведь:

— О чем, зайчик, плачешь?

А зайчик говорит:

— Отстань, медведь! Как мне не плакать?
Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледя-
ная; попросилась она ко мне, да меня и вы-
гнала.

— Не плачь, зайчик! — говорит медведь. —
Я выгоню ее.

— Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не
выгнали, и ты не выгонишь.

— Нет, выгоню!

Пошли гнать:

— Поди, лиса, вон!

А она с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут
кочечки по заулочкам!

Медведь испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему на-
встречу бык:

— Про что, зайчик, плачешь?

— Отстань, бык! Как мне не плакать? Была
у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; по-
просилась она ко мне, да меня и выгнала.

— Пойдем, я ее выгоню.

А зайчик говорит:

— Нет, бык, не выгонишь! Собаки гнали —
не выгнали, медведь гнал — не выгнал, и ты
не выгонишь.

— Нет, выгоню.

Подошли к избенке:

— Поди, лиса, вон!

А она с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, пойдут
кочечки по заулочкам!

Бык испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу петух с косой:

— Кукуреку! О чем, зайчик, плачешь?

— Отстань, петух! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала.

— Пойдем, я выгоню.

— Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, бык гнал — не выгнал, и ты не выгонишь!

— Нет, выгоню!

Подошли к избенке:

— Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!

А она услышала, испугалась, говорит:

— Одеваюсь...

Петух опять:

— Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!

А она говорит:

— Шубу надеваю.

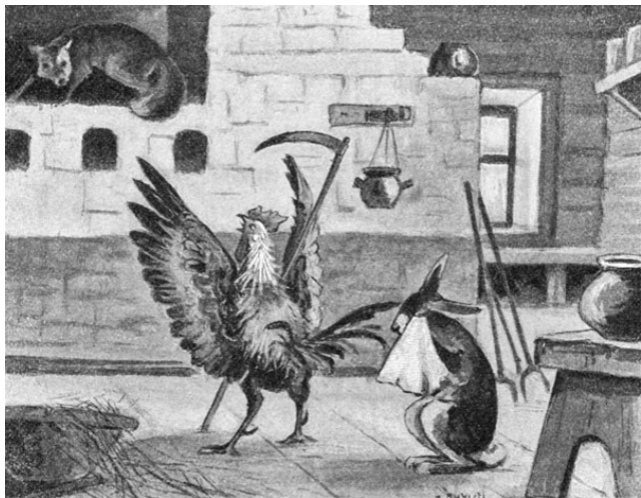
Петух в третий раз:

— Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!

Лисица убежала; он ее зарубил косой-то

и стал с зайчиком жить да поживать да добра наживать.

Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

Старая хлеб-соль забывается

Попался было бирюк[1] в капкан, да кое-как вырвался и стал пробираться в глухую сторону. Завидели его охотники и стали следить. Пришлось бирюку бежать через дорогу, а на ту пору шел по дороге с поля мужик с мешком и цепом*. Бирюк к нему:

— Сделай милость, мужичок, схорони меня в мешок! За мной охотники гонят.

Мужик согласился, запрятал его в мешок, завязал и взвалил на плечи. Идет дальше, а навстречу ему охотники.

— Не видал ли, мужичок, бирюка? — спрашивают они.

— Нет, не видал! — отвечает мужик.

Охотники поскакали вперед и скрылись из виду.

— Что, ушли мои злодеи? — спросил бирюк.

— Ушли.

— Ну, теперь выпусти меня на волю.

Мужик развязал мешок и выпустил его на вольный свет. Бирюк сказал:

— А что, мужик, я тебя съем!

— Ах, бирюк, бирюк! Я тебя из какой неволи выручил, а ты меня съесть хочешь!

— Старая хлеб-соль забывается, — отвечал бирюк.

Мужик видит, что дело-то плохо, и говорит:

— Ну, коли так, пойдем дальше, и если первый, кто с нами встретится, скажет по-твоему, что старая хлеб-соль забывается, тогда делать нечего — съешь меня!

И пошли они дальше. Повстречалась им старая кобыла. Мужик к ней с вопросом:

— Сделай милость, кобылушка-матушка, рассуди нас! Вот я бирюка из большой неволи

выручил, а он хочет меня съесть! — и рассказал ей все, что было.

Кобыла подумала-подумала и сказала:

— Я жила у хозяина двенадцать лет, принесла ему двенадцать жеребят, изо всех сил на него работала, а как стала стара и пришло мне невмоготу работать — он взял да и стащил меня под яр*; уж я лезла, лезла, насилу вылезла, и теперь вот плетусь, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!

— Видишь, моя правда! — молвил бирюк.

Мужик опечалился и стал просить бирюка, чтоб подождал до другой встречи. Бирюк согласился и на это.

Повстречалась им старая собака. Мужик к ней с тем же вопросом. Собака подумала-подумала и сказала:

— Служила я хозяину двадцать лет, оберегала его дом и скотину, а как состарилась и перестала брехать*, — он прогнал меня со двора, и вот плетусь я, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!

— Ну, видишь, моя правда!

Мужик еще пуще опечалился и упросил бирюка обождать до третьей встречи:

— А там делай как знаешь, коли хлеба-соли моей не попомнишь.

В третий раз повстречалась им лиса. Мужик повторил ей свой вопрос. Лиса стала спорить:

— Да как это можно, чтобы бирюк, этакая большая туша, мог поместиться в таком малом мешке?

И бирюк и мужик побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не верила и сказала:

— А ну-ка, мужичок, покажь, как ты сажал его в мешок-то?

Мужик расставил мешок, а бирюк всунул туда голову. Лиса закричала:

— Да разве ты одну голову прятал в мешок?

Бирюк влез совсем.

— Ну-ка, мужичок, — продолжала лиса, — покажи, как ты его завязывал?

Мужик завязал.

— Ну-ка, мужичок, как ты в поле хлеб-то молотил?

Мужик начал молотить цепом по мешку.

— Ну-ка, мужичок, как ты отворачивал?

Мужик стал отворачивать да задел лису по голове и убил ее до смерти, приговаривая: «Старая хлеб-соль забывается!»

Колобок

Жил-был старик со старухой. Просит старик: «Испеки, старуха, колобок*».

— Из чего печь-то? Муки нету.

— Э-эх, старуха! По коробу* поскреби, по сусеку* помети; авось муки и наберется.

Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, и набралось муки пригорошни с две. Замесила на сметане, изжарила в масле и положила на окошечко постудить.

Колобок полежал-полежал, да вдруг и покатился — с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.

Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц:

— Колобок, колобок! Я тебя съем!

— Не ешь меня, косой зайчик! Я тебе песенку спою, — сказал колобок и запел:

*Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон*

Да в масле пряхон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
У тебя, зайца, не хитро уйти!*

И покатился себе дальше; только заяц его и видел!..

Катится колобок, а навстречу ему волк:
— Колобок, колобок! Я тебя съем!

— Не ешь меня, серый волк! Я тебе песенку спою!

*Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон*

*Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
У тебя, волка, не хитро уйти!*

И покатился себе дальше; только волк его и видел!..

Катится колобок, а навстречу ему медведь:
— Колобок, колобок! Я тебя съем.

— Где тебе, косолапому, съесть меня

*Я по коробу скребен,
По сусеку метен,*

*На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
Я у волка ушел,
У тебя, медведь, не хитро уйти!*

И опять укатился; только медведь его и видел!..

Катится, катится колобок, а на встречу ему лиса:

— Здравствуй, колобок! Какой ты хорошенький!

А колобок запел:

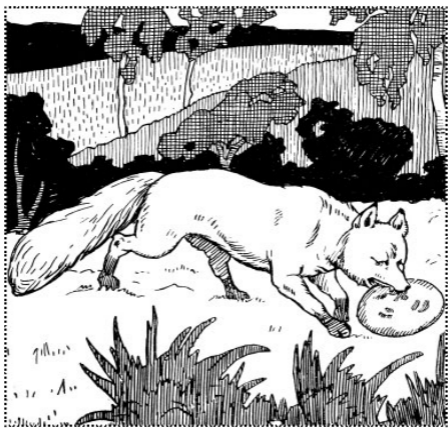
*Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
Я у волка ушел,
У медведя ушел,
У тебя, лиса, и подавно уйду!*

— Какая славная песенка! — сказала лиса. — Но ведь я, колобок, стара стала, плохо слышу; сядь-ка на мою мордочку да пропой еще разок погромче.

Колобок вскочил лисе на мордочку и запел ту же песню.

— Спасибо, колобок! Славная песенка, еще бы послушала! Сядь-ка на мой язычок да пропой в последний разок, — сказала лиса и высунула свой язык.

Колобок сдуру прыг ей на язык, а лиса — ам его! — и скушала.

Кот, кочеток и лиса

Жил кот с кочетком*. Кот идет за лыками в лес и бает* кочетку: «Если лиса придет звать в гости и станет кликать, не высовывай ей головочку, а то унесет тебя».

Вот пришла лиса звать в гости, стала кликать:

— Кочетунюшка, кочетунюшка! Пойдем на гуменцы* золоты яблочки катать.

Он глянул, она его и унесла. Вот он и стал кликать:

— Котинька, котинька! Несет меня лиса за крутые горы, за быстрые воды.

Кот услышал, пришел, избавил кочетка от лисы.

Кот опять идет за лыками и опять приказывает:

— Если лиса придет звать в гости, не высовывай головку, а то опять унесет.

Вот лиса пришла и по-прежнему стала кликать. Кочеток глянул, она его и унесла. Вот он и стал кричать:

— Котунюшка, котунюшка! Несет меня лиса за крутые горы, за быстрые воды.

Кот услышал, прибежал, опять избавил кочетка.

Кот опять скрутился* идтить за лыками и говорит:

— Ну, теперь я уйду далеко. Если лиса опять придет звать в гости, не высовывай головку, а то унесет, и не услышу, как будешь кричать.

Кот ушел; лиса опять пришла и стала опять кликать по-прежнему. Кочеток глянул, лиса опять унесла его.

Кочеток стал кричать; кричал, кричал — нет, не идет кот.

Лиса принесла кочетка домой и крутилась* уж жарить его. Тут прибежал кот, стал стучать хвостом об окно и кликать:

— Лисонька! Живи хорошенько своим подворьем: один сын — Димеша, другой — Ремеша, одна дочь — Чучилка, другая — Пачучилка, третья — Подмети-шесток, четвертая — Подай-челнок!

К коту стали выходить лисонькины дети, один за другим; он их всех поколотил; после вышла сама лиса, он и ее убил и избавил кочетка от смерти.

Пришли оба домой, стали жить да поживать да денежки наживать.

Кот и лиса

Жил-был мужик; у него был кот, только такой шkodливый*, что беда! Надоел он мужику. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок, завязал и понес в лес. Принес и бросил его в лесу: пускай пропадает!

Кот ходил, ходил и набрел на избушку, в которой лесник жил; залез на чердак и полевивает себе, а захочет есть — пойдет по лесу птичек да мышей ловить, наестся досыта и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот однажды пошел кот гулять, а навстречу ему лиса, увидала кота и дивится:

— Сколько лет живу в лесу, а такого зверя не видывала.

Поклонилась коту и спрашивает:

— Скажись, добрый молодец, кто ты таков, каким случаем сюда зашел и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть свою и говорит:

— Я из сибирских лесов прислан к вам бурмистром*, а зовут меня Котофей Иванович.

— Ах, Котофей Иванович, — говорит лиса, — не знала про тебя, не ведала: ну, пойдём же ко мне в гости.

Кот пошел к лисице; она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкою, а сама выспрашивает:

— Что, Котофей Иванович, женат ты али холост?

— Холост, — говорит кот.

— И я, лисица, — девица, возьми меня замуж.

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, чтоб было чем с молодым мужем жить; а кот остался дома. Бежит лиса, а навстречу ей попадается волк и начал с нею заигрывать:

— Где ты, кума, пропадала? Мы все норы обыскали, а тебя не видали.

— Пусти, дурак! Что заигрываешь? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена.

— За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?

— Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов прислан бурмистр Котофей Иванович? Я теперь бурмистрова жена.

— Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. Как бы на него посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты смотри, приготовь барана да принеси ему на поклон; барана-то положи, а сам схоронись, чтоб он тебя не увидел, а то, брат, туго придется!

Волк побежал за бараном.

Идет лиса, а навстречу ей медведь и стал с нею заигрывать.

— Что ты, дурак, косолапый Мишка, трогаешь меня? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена.

— За кого же ты, Лизавета Ивановна, вышла?

— А который прислан к нам из сибирских лесов бурмистром, зовут Котофей Иванович, — за него и вышла.

— Нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У! Котофей Иванович у меня такой сер-

дитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклон; волк барана хочет принести. Да смотри, быка-то положи, а сам схоронись, чтоб Котофей Иванович тебя не увидел, а то, брат, туго придется!

Медведь потащился за быком.

Принес волк барана, ободрал шкуру и стоит в раздумье: смотрит — и медведь лезет с быком.

— Здравствуй, брат Михайло Иваныч!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

— Нет, брат, давно дожидаяю.

— Ступай, зови.

— Нет, не пойду, Михайло Иваныч! Сам иди, ты посмелей меня.

— Нет, брат Левон, и я не пойду.

Вдруг откуда не взялся — бежит заяц. Медведь как крикнет на него:

— Поди-ка сюда, косо́й черт!

Заяц испугался, прибежал.

— Ну что, косо́й пострел, знаешь, где живет лисица?

— Знаю, Михайло Иваныч!

— Ступай же скорее да скажи ей, что Михайло Иваныч с братом Леоном Иванычем давно уж готовы, ждут тебя-де с мужем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю свою прыть. А медведь и волк стали думать, где бы спрятаться. Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

— А мне что же делать? Я куда денусь? — спрашивает волк. — Ведь я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Иваныч! Схорони, пожалуйста, куда-нибудь, помоги горю.

Медведь положил его в кусты и завалил сухим листьем, а сам взлез на сосну, на самую-таки макушку, и поглядывает: не идет ли Котофей с лисою? Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе, постучался и говорит лисе:

— Михайло Иваныч с братом Леоном Иванычем прислали сказать, что они давно готовы, ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косой! Сейчас будем.

Вот идет кот с лисою. Медведь увидал их и говорит волку:

— Ну, брат Левон Иваныч, идет лиса с мужем; какой же он маленький!

Пришел кот и сейчас же бросился на быка, шерсть на нем взъерошилась, и начал он рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится:

— Мало, мало!

А медведь говорит:

— Невелик, да прожорист! Нам четверым не съесть, а ему одному мало; пожалуй, и до нас доберется!

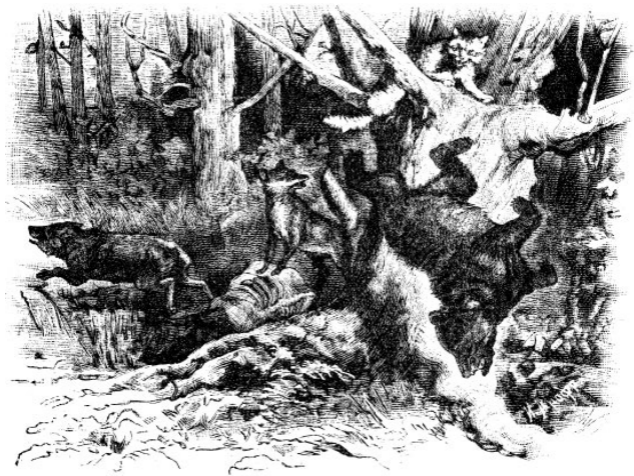
Захотелось волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать! И начал он прокапывать над глазами листья, а кот услышал, что лист шевелится, подумал, что это мышь, да как кинется и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк вскочил, да давай Бог ноги, и был таков. А кот сам испугался и бросился прямо на дерево, где медведь сидел.

«Ну, — думает медведь, — увидал меня!» Слезать-то некогда, вот он положился на Божью волю да как шмякнется с дерева оземь, все печенки отбил; вскочил — да бежать! А лисица вслед кричит:

— Вот он вам задаст! Погодите!

С той поры все звери стали кота бояться; а кот с лисой запаслись на целую зиму мясом и стали себе жить да поживать, и теперь живут, хлеб жуют.

Напуганные медведь и волки

Жили-были на одном дворе козел да баран; жили промеж себя дружно: сена клок — и тот пополам, а коли вилы в бок — так одному коту Ваське. Он такой вор и разбойник, за каждый час на промысле, и где плохо лежит — тут у него и брюхо болит.

Вот однажды лежат себе козел да баран и разговаривают промеж себя; где ни взялся котик-мурлышко, серый лобишко, идет да таково жалостно плачет. Козел да баран и спрашивают:

— Кот-коток, серенький лобок! О чем ты, ходя, плачешь, на трех ногах скачешь?

— Как мне не плакать? Била меня старая баба, била, била, уши выдирала, ноги полома-ла да еще удавку припасала.

— А за какую вину такая тебе погибель?

— Эх, за то погибель была, что себя не опознал* да сметанку слизал.

И опять заплакал кот-мурлышко.

— Кот-коток, серый лобок! О чем же ты еще плачешь?

— Как не плакать? Баба меня била да при-

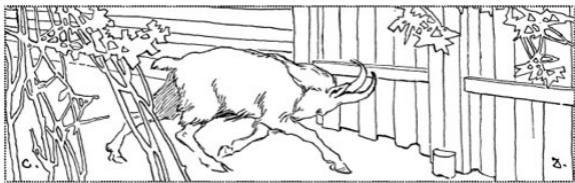
говаривала: «Ко мне придет зять, где будет сметаны взять? За неволю придется колоть козла да барана!»

Заревели козел и баран:

— Ах ты серый кот, бестолковый лоб! За что ты нас-то загубил? Вот мы тебя забодаем!

Тут мурлыко вину свою приносил и прощенья просил. Они простили его и стали втроем думу думать: как быть и что делать?

— А что, середний брат баранко, — спросил мурлыко, — крепок ли у тебя лоб: попробуй-ка о ворота.

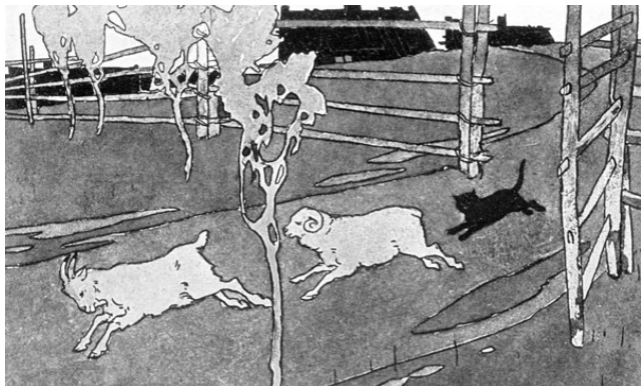

Баран с разбегу стукнулся о ворота лбом: покачнулись ворота, да не отворились. Поднялся старший брат, мрасище*-козлище, разбежался, ударился — и ворота отворились.

Пыль столбом подымается, трава к земле приклоняется, бегут козел да баран, а за ними скачет на трех ногах кот серый лоб. Устал он

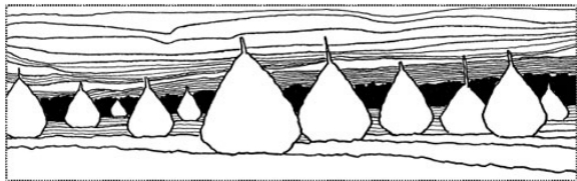
и возмолился названным братьям:

— Ни то старший брат, ни то средний брат!
Не оставьте меньшого братишку на съедение
зверям.

Взял козел, посадил его на себя, и понеслись они опять по горам, по долам, по сыпучим пескам. Долго бежали, и день и ночь, пока в ногах силы хватило.

Вот пришло крутое крутище*, станово становище*; под тем крутищем скошенное поле, на том поле стога что города стоят. Остановились козел, баран и кот отдыхать; а ночь была осенняя, холодная.

«Где огня добыть?» — думают козел да баран.

А мурлышко уже добыл бересты, обернул козлу рога и велел ему с бараном стукнуться лбами. Стукнулись козел с бараном, да таково крепко, что искры из глаз посыпались; берестечко так и зарыдало*.

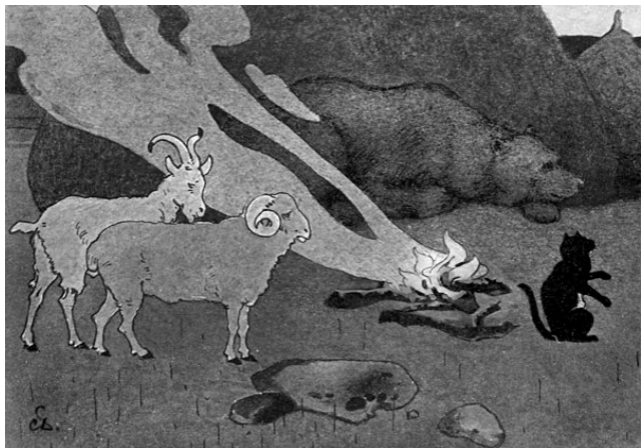
— Ладно, — молвил серый кот, — теперь обогреемся, — да за словом и затопил стог сена.

Не успели они путем обогреться, глядь — жалует незваный гость мужик-серячок Михайло Иванович.

— Пустите, — говорит, — обогреться да отдохнуть: что-то неможется.

— Добро жаловать, мужик-серячок муравейничек*! Откуда, брат, идешь?

— Ходил на пасеку да подрался с мужиками, оттого и хворь прикинулась; иду к лисе

лечиться.

Стали вчетвером темну ночь делить: медведь под стогом, мурлыко на стогу, а козел с бараном у теплины*.

Идут семь волков серых, восьмой белый — и прямо к стогу.

— Фу-фу, — говорит белый волк, — нерусским духом пахнет. Какой-токой народ здесь? Давайте силу пытаться!

Заблеяли козел и баран со страстей*, а мурлышко такую речь повел:

— Ахти, белый волк, над волками князь!
Не серди нашего старшего; он, помилуй Бог,
сердит! — как расходится, никому несдобро-
вать. Аль не видите у него бороды: в ней-то и
сила, бороною он зверей побивает, а рогами
только кожу сымает. Лучше с честью подой-
дите да попросите: хотим, дескать, поиграть
с твоим меньшим братишком, что под сто-
гом-то лежит.

Волки на том козлу кланялись, обступили
Мишку и стали его задирать. Вот он крепил-

ся, крепился, да как хватит на каждую лапу по волку; запели они Лазаря, выбрались кое-как, да, поджав хвосты, — подавай Бог ноги!

А козел да баран тем времечком подхватили мурлыку и побежали в лес и опять наткнулись на серых волков. Кот вскарабкался на самую макушку ели, козел с бараном схватились передними ногами за еловый сук и повисли.

Волки стоят под елью, зубы оскалили и воют, глядя на козла и барана. Видит кот серый лоб, что дело плохо, стал кидать в волков еловые шишки да приговаривать:

— Раз волк! Два волк! Три волк! Всего-то по волку на брата. Я, мурлышко, давеча двух волков съел, и с косточками, так еще сытехонек; а ты, большой братим*, за медведями ходил, да не изловил, бери себе и мою долю!

Только сказал он эти речи, как козел сорвался и упал прямо рогами на волка. А мурлыко знай свое кричит:

— Держи его, лови его!

Тут на волков такой страх нашел, что со всех ног припустили бежать без оглядки. Так и ушли.

Волк и коза

Жила-была коза, сделала себе в лесу избушку и нарожала деток. Часто уходила коза в бор искать корму. Как только уйдет, козлятки запрут за нею избушку, а сами никуда не выходят.

Воротится коза, постучится в дверь и запоет:

*Козлятушки, делятушки!
Отпритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;*

*Ела траву шелковую,
Пила воду студеную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка в копытечко,
Из копытечка в сыру землю!*

Козлятки тотчас отопрут двери и впустят мать. Она покормит их и опять уйдет в бор, а козлятки запрутся крепко-накрепко. Волк все это и подслушал; выждал время, и только коза в бор, он подошел к избушке и закричал своим толстым голосом:

*Вы, детушки, вы, батюшки,
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла,
Молока принесла.
Полны копытца водицы!*

А козлятки отвечают:

— Слышим, слышим — не матушкин голосок! Наша матушка поет тонким голоском и не так причитает.

Волк ушел и спрятался.

Вот приходит коза и стучится:

*Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;*

*Ела траву шелковую,
Пила воду студеную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка в копытчко,*

Из копытечка в сыру землю!

Козлятки впустили мать и рассказали ей, как приходил к ним бирюк* и хотел их поест. Коза покормила их и, уходя в бор, строго-настрого наказала: коли придет кто к избушке и станет проситься толстым голосом и не переберет всего, что она им причитывает, — того ни за что не впускать в двери.

Только что ушла коза, волк прибежал к избе, постучался и начал причитывать тоненьким голоском:

*Козлятушки, делятушки!
Отпритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шелковую,
Пила воду студеную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка в копытечко,
Из копытечка в сыру землю!*

Козлятки отперли двери, волк вбежал в избу и всех поел, только один козленочек схоронился, в печь улез.

Приходит коза; сколько ни причитывала — никто ей не отзывается. Подошла поближе к дверям и видит, что все отворено; в из-

бу — а там все пусто; заглянула в печь и нашла одного детища.

Как узнала коза о своей беде, села она на лавку, зачала горько плакать и припевать:

— Ох вы, детушки мои, козлятушки! На что отпирались-отворялись, злому волку доставались? Он вас всех поел и меня, козу, со великим горем, со кручиной сделал.

Услышал это волк, входит в избушку и говорит козе:

— Ах ты, кума, кума! Что ты на меня грешешь? Неужели-таки я сделаю это! Пойдем в лес, погуляем.

— Нет, кум, не до гулянья.

— Пойдем! — уговаривает волк.

Пошли они в лес, нашли яму, а в этой яме разбойники кашицу недавно варили, и оставалось в ней еще довольно-таки огня.

Коза говорит волку:

— Кум, давай попробуем, кто перепрыгнет через эту яму?

Стали прыгать. Волк прыгнул, да и ввалился в горячую яму; брюхо у него от огня лопнуло, и козлятки выбежали оттуда да прыг к матери.

И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избывать.

Волк-дурень

В одной деревне жил-был мужик, у него была собака; смолоду сторожила она весь дом, а как пришла тяжелая старость — и брехать* перестала. Надоела она хозяину; вот он собрался, взял веревку, зацепил собаку за шею и повел ее в лес; привел к осине и хотел было удавить, да как увидел, что у старого пса текут по морде горькие слезы, ему и жалко стало: смиловался, привязал собаку к осине, а сам отправился домой.

Остался бедный пес в лесу и начал плакать и проклинать свою долю. Вдруг идет из-за кустов большущий волк, увидел его и говорит:

— Здравствуй, пестрый кобель! Долгонько поджидал тебя в гости. Бывало, ты прогонял меня от своего дому; а теперь сам ко мне попался: что захочу, то над тобой и сделаю. Уж я тебе за все отплачу!

— А что хочешь ты, серый волчок, надо мною сделать?

— Да немного: съем тебя со всей шкурой и с костями.

— Ах ты, глупый серый волк! С жиру сам не знаешь, что делаешь; таки после вкусной говядины станешь ты жрать старое и худое песье мясо? Зачем тебе понапрасну ломать надо мною свои старые зубы? Мое мясо теперь словно гнилая колода. А вот я лучше тебя научу: поди-ка да принеси мне пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко, да тогда и делай со мною что угодно.

Волк дослушал кобеля, пошел и притащил ему половину кобылы.

— Вот тебе и говядинка! Смотри, поправ-

ляйся.

Сказал и ушел.

Собака стала прибирать мяско и все поела. Через два дня приходит серый дурак и говорит кобелю:

— Ну, брат, поправился али нет?

— Маленько поправился; коли б еще принес ты мне какую-нибудь овцу, мое мясо сделалось бы не в пример слаще!

Волк и на то согласился, побежал в чистое поле, лег в ложине* и стал караулить, когда погонит пастух свое стадо. Вот пастух гонит стадо; волк повысмотрел из-за куста овцу, которая пожирнее да побольше, вскочил и бросился на нее: ухватил за шиворот и потащил к собаке.

— Вот тебе овца, поправляйся!

Стала собака поправляться, съела овцу и почуяла в себе силу. Пришел волк и спрашивает:

— Ну что, брат, каков теперь?

— Еще немножко худ. Вот когда б ты принес мне какого-нибудь кабана, так я бы разжирел, как свинья!

Волк добыл и кабана, принес и говорит:

— Это моя последняя служба! Через два дня приду к тебе в гости.

«Ну ладно, — думает собака, — я с тобою поправлюсь».

Через два дня идет волк к откормленному псу, а пес завидел и стал на него брехать.

— Ах ты, мерзкий кобель, — сказал серый волк, — смеешь ты меня бранить? — и тут же бросился на собаку и хотел ее разорвать.

Но собака собралась уже с силами, стала с волком в дыбки и начала его так потчевать, что с серого только космы летят. Волк вырвался да бежать скорее: отбежал далече, захотел остановиться, да как услышал собачий лай — опять припустился.

Прибежал в лес, лег под кустом и начал зализывать свои раны, что дались ему от собаки.

— Ишь как обманул мерзкий кобель! — говорит волк сам с собою. — Постой же, теперь кого ни попаду, уж тот из моих зубов не вырвется!

Зализал волк раны и пошел за добычей. Смотрит, на горе стоит большой козел; он к нему — и говорит:

— Козел, а козел! Я пришел тебя съесть.

— Ах ты, серый волк! Для чего станешь ты понапрасну ломать об меня свои старые зубы? А ты лучше стань под горою и разинь свою широкую пасть; я разбежусь да таки прямо к тебе в рот, ты меня и проглотишь!

Волк стал под горою и разинул свою широкую пасть, а козел себе на уме, полетел с горы как стрела, ударил волка в лоб, да так крепко,

что он с ног свалился. А козел и был таков!

Часа через три очнулся волк, голову так и ломит ему от боли. Стал он думать: проглотил ли он козла или нет? Думал-думал, гадал-гадал.

— Коли бы я съел козла, у меня брюхо-то было бы полнехонько; кажись, он, бездельник, меня обманул! Ну, уж теперь я буду знать, что делать!

Сказал волк и пустился к деревне, увидел свинью с поросятами и бросился было схватить поросенка; а свинья не дает.

— Ах ты, свиная харя! — говорит ей волк. — Как смеешь грубить? Да я и тебя разорву, и твоих поросят за один раз проглочу.

А свинья отвечала:

— Ну, до сей поры не ругала я тебя; а теперь скажу, что ты большой дурачина!

— Как так?

— А вот как! Сам ты, серый, посуди: как тебе есть моих поросят? Ведь они недавно родились. Надо их обмыть. Будь ты моим кумом, а я твоей кумою, станем их, малых детушек, крестить.

Волк согласился.

Вот хорошо, пришли они к большой мельнице. Свинья говорит волку:

— Ты, любезный кум, становись по ту сторону заставки*, где воды нету, а я пойду, стану поросят в чистую воду окунать да тебе по одному подавать.

Волк обрадовался, думает: «Вот когда попадет в зубы добыча-то!» Пошел серый дурак под мост, а свинья тотчас схватила заставку зубами, подняла и пустила воду. Вода как хлынет, и потащила за собой волка, и почала его вертеть. А свинья с поросятами отправилась домой: пришла, наелась и с детками на мягкую постель спать повалилась.

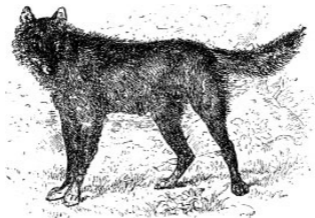
Узнал серый волк лукавство свиньи, насилу кое-как выбрался на берег и пошел с голодным брюхом рыскать по лесу. Долго издыхал он с голоду, не вытерпел, пустился опять к деревне и увидел: лежит около гумна* какая-то падла*.

«Хорошо, — думает, — вот придет ночь, наемся хоть этой падлы».

Нашло на волка неурожайное время, рад и падлюю поживиться! Все лучше, чем с голоду зубами пощелкивать да по-волчьи песенки

распевать.

Пришла ночь; волк пустился к гумну и стал уписывать падлу. Но охотник уж давно его поджидал и приготовил для приятеля пару хороших орехов*; ударил он из ружья, и серый волк покатился с разбитой головою. Так и скончал свою жизнь серый волк!

Медведь

Жил-был старик да старуха, детей у них не было. Старуха и говорит старику: «Старик, сходи по дрова». Старик пошел по дрова; попал ему навстречу медведь и сказывает:

— Старик, давай бороться.

Старик взял да и отсек медведю топором лапу; ушел домой с лапой и отдал старухе:

— Вари, старуха, медвежью лапу.

Старуха сейчас взяла, содрала кожу, села на нее и начала щипать шерсть, а лапу поставила в печь вариться.

Медведь ревел, ревел, надумался и сделал себе липовую лапу; идет к старику на деревяшке и поет:

*Скрипи, нога,
Скрипи, липовая!
И вода-то спит,
И земля-то спит,
И по селам спят,
По деревням спят;
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мою шерстку прядет,
Мое мясо варит,*

Мою кожу сушит.

В те поры* старик и старуха испугались. Старик спрятался на полати под корыто, а старуха на печь под черные* рубахи.

Медведь взошел в избу; старик со страху кряхтит под корытом, а старуха закашляла. Медведь нашел их, взял да и съел.

Медведь, собака и кошка

Жил себе мужик, у него была добрая собака, да как устарела — перестала и лаять и оберегать двор с амбарами. Не захотел мужик кормить ее хлебом, прогнал со двора. Собака ушла в лес и легла под дерево издыхать. Вдруг идет медведь и спрашивает:

— Что ты, кобель, улегся здесь?

— Пришел околевать с голоду! Видишь, нынче какая у людей правда: покуда есть си-

ла — кормят и поят, а как пропадет сила от старости — ну и погонят со двора.

— А что, кобель, хочется тебе есть?

— Еще как хочется-то!

— Ну, пойдем со мною; я тебя накормлю.

Вот и пошли. Попадается им навстречу жеребец.

— Гляди на меня! — сказал медведь собаке и стал лапами рвать землю. — Кобель, а кобель!

— Ну что?

— Посмотри-ка, красны ли мои глаза?

— Красны, медведь!

Медведь еще сердитее начал рвать землю.

— Кобель, а кобель! Что — шерсть взъерошилась?

— Взъерошилась, медведь!

— Кобель, а кобель! Что — хвост поднялся?

— Поднялся!

Вот медведь схватил жеребца за брюхо; жеребец упал наземь. Медведь разорвал его и говорит:

— Ну, кобель, ешь сколько угодно. А как приберешь все, приходи ко мне.

Живет себе кобель, ни о чем не тужит; а

как съел все да проголодался опять, побежал к медведю.

— Ну что, брат, съел?

— Съел; теперича опять пришлось голодать.

— Зачем голодать! Знаешь ли, где ваши бабы жнут?

— Знаю.

— Ну, пойдем; я подкрадусь к твоей хозяйке и ухвачу из зыбки* ее ребенка, ты догоняй меня да отнимай его. Как отнимешь, и отнеси назад; она за то станет тебя по-старому кормить хлебом.

Вот ладно, прибежал медведь, подкрался и унес ребенка из зыбки. Ребенок закричал, ба-

бы бросились за медведем, догоняли, догоняли и не могли нагнать, так и воротились; мать плачет, бабы тужат.

Откуда не взялся кобель, догнал медведя, отнял ребенка и несет его назад.

— Смотрите, — говорят бабы, — старый-то кобель отнял ребенка!

Побежали навстречу. Мать уж так рада-рада.

— Теперича, — говорит, — я этого кобеля ни за что не покину!

Привела его домой, налила молочка, крошила хлебца и дала ему:

— На, покушай!

А мужику говорит:

— Нет, муженек, нашего кобеля надо беречь да кормить; он моего ребенка у медведя отнял. А ты сказывал, что у него силы нет!

Поправился кобель, отъелся.

— Дай Бог, — говорит, — здоровья медведю! Не дал помереть с голоду, — и стал медведю первый друг.

Раз у мужика была вечеринка. На ту пору медведь пришел к собаке в гости:

— Здорово, кобель! Ну как поживаешь — хлеб поедаеть?

— Слава Богу! — отвечает собака. — Не жисть, а масленица. Чем же тебя потчевать? Пойдем в избу. Хозяева загуляли и не увидят, как ты пройдешь; а ты войди в избу да поскорей под печку. Вот я что добуду, тем и стану тебя потчевать.

Ладно, забрались в избу. Кобель видит, что гости и хозяева порядком перепились, и ну угощать приятеля. Медведь выпил стакан, другой, и поразобрало его. Гости затянули песни, и медведю захотелось, стал свою заводить; а кобель уговаривает:

— Не пой, а то беда будет.

Куды! Медведь не утихает, а все громче заводит песню. Гости услышали вой, похватали колья и давай бить медведя; он вырвался да бежать, еле-еле жив уплелся.

Была у мужика еще кошка; перестала ловить мышей и ну проказить: куда ни полезет, а что-нибудь разобьет или из кувшина прольет. Мужик прогнал кошку из дому, а собака видит, что она бедствует без еды, и начала потихоньку носить к ней хлеба да мяса и кормить ее. Хозяйка стала присматривать; как узнала про это, принялась кобеля бить; била, била, а сама приговаривала:

— Не таскай кошке говядины, не носи кошке хлеба!

Вот дня через три вышел кобель со двора и видит, что кошка совсем с голоду издыхает.

— Что с тобой?

— С голоду помираю; потуда и сыта была, покуда ты меня кормил.

— Пойдем со мною.

Вот и пошли. Приходит кобель к табуну и начал копать землю лапами, а сам спрашивает:

— Кошка, а кошка! Что — глаза красны?

— Ничего не красны!

— Говори, что красны!

Кошка и говорит:

— Красны.

— Кошка, а кошка! Что — шерсть оцетинилась?

— Нет, не оцетинилась.

— Говори, дура, что оцетинилась.

— Ну, оцетинилась.

— Кошка, а кошка! Что — хвост поднялся?

— Ничего не поднялся.

— Говори, дура, что поднялся!

— Ну, поднялся.

Кобель как бросится на кобылу, а кобыла как ударит его задом: у кобеля и дух вон!

А кошка и говорит:

— Вот теперича и впрямь глаза кровью налились, шерсть взъерошилась и хвост завился. Прощай, брат кобель! И я пойду помирать.

Зимовье зверей

Шел бык лесом; попадаетя ему навстречу баран. «Куды, баран, идешь?» — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — говорит баран.

— Пойдем со мною!

Вот пошли вместе; попадаетя им навстречу свинья.

— Куды, свинья, идешь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — отвечает свинья.

— Иди с нами!

Пошли втроем дальше; навстречу им попадаетя гусь.

— Куды, гусь, идешь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — отвечает гусь.

— Ну, иди за нами!

Вот гусь и пошел за ними. Идут, а на-
встречу им петух.

— Куды, петух, идешь? — спросил бык.

— От зимы лета ищу, — отвечает петух.

— Иди за нами!

Вот идут они путем-дорогою и разговари-
вают промеж себя:

— Как же, братцы-товарищи? Время при-
ходит холодное: где тепла искать?

Бык и сказывает:

— Ну, давайте избу строить, а то и впрямь
зимою позамерзнем.

Баран говорит:

— У меня шуба тепла — вишь какая
шерсть! Я и так прозимую.

Свинья говорит:

— А по мне хоть какие морозы — я не бо-
юсь: зарюся в землю и без избы прозимую.

Гусь говорит:

— А я сяду в середину ели, одно крыло по-
стелю, а другим оденуся, — меня никакой хо-
лод не возьмет; я и так прозимую.

Петух говорит:

— И я тож!

Бык видит — дело плохо, надо одному хлопотать.

— Ну, — говорит, — вы как хотите, а я стану избу строить.

Выстроил себе избушку и живет в ней.

Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран — делать нечего — приходит к быку:

— Пусти, брат, погреться.

— Нет, баран, у тебя шуба тепла; ты и так перезимуешь. Не пущу!

— А коли не пустишь, то я разбежуся и вышибу из твоей избы бревно; тебе же будет холоднее.

Бык думал-думал: «Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозит», — и пустил барана.

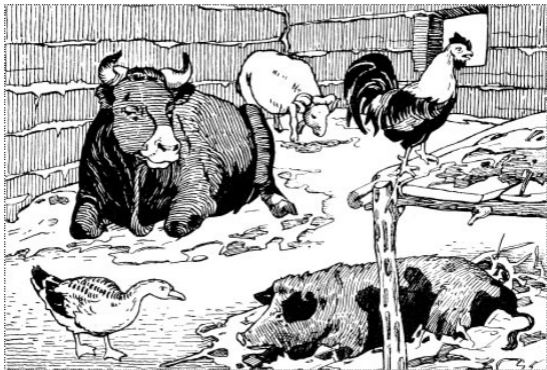
Вот и свинья прозябла, пришла к быку:

— Пусти, брат, погреться.

— Нет, не пущу; ты в землю зароешься и так прозимуешь!

— А не пустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу уроню.

Делать нечего, надо пустить; пустил и свинью. Тут пришли к быку гусь и петух:

— Пусти, брат, к себе погреться.

— Нет, не пущу. У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; и так прозимуете!

— А не пустишь, — говорит гусь, — так я весь мох из твоих стен повыщиплю; тебе же холоднее будет.

— Не пустишь? — говорит петух. — Так я взлечу на верх*, всю землю с потолка сгребу; тебе же холоднее будет.

Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся и петуха.

Вот живут они себе да поживают в избуш-

ке.

Отогрелся в тепле петух и зачал песенки распевать. Услышала лиса, что петух песенки распевает, захотелось петушком полакомиться, да как достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала:

— Ну, любезные куманьки, я нашла для всех поживу: для тебя, медведь, быка; для тебя, волк, барана, а для себя петуха.

— Хорошо, кумушка, — говорят медведь и волк, — мы твоих услуг никогда не забудем! Пойдем же, приколем да поедим!

Лиса привела их к избушке.

— Кум, — говорит она медведю, — отвори дверь, я наперед пойду, петуха съем.

Медведь отворил дверь, а лисица вскочила в избушку. Бык увидел ее и тотчас прижал к стене рогами, а баран зачал осаживать по бокам; из лисы и дух вон.

— Что она там долго с петухом не может управиться? — говорит волк. — Отпирай, брат Михайло Иванович! Я пойду.

— Ну ступай.

Медведь отворил дверь, а волк вскочил в избушку. Бык и его прижал к стене рогами, а баран ну осаживать по бокам, и так его приняли, что волк и дышать перестал.

Вот медведь ждал-ждал:

— Что он до сих пор не может управиться с бараном? Дай я пойду.

Вошел в избушку, а бык да баран и его так же приняли. Насилу вон вырвался и пустился бежать без оглядки.

Кочет и курица

Жили курочка с кочетком*, и пошли они в лес по орехи. Пришли к орешне; кочеток залез на орешню рвать орехи, а курочку оставил на земле подбирать орехи: кочеток кидает, а курочка подбирает.

Вот кинул кочеток орешек, и попал курочке в глазок, и вышиб глазок.

Курочка пошла — плачет. Вот едут бояре и спрашивают:

— Курочка, курочка! Что ты плачешь?

— Мне кочеток вышиб глазок.

— Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?

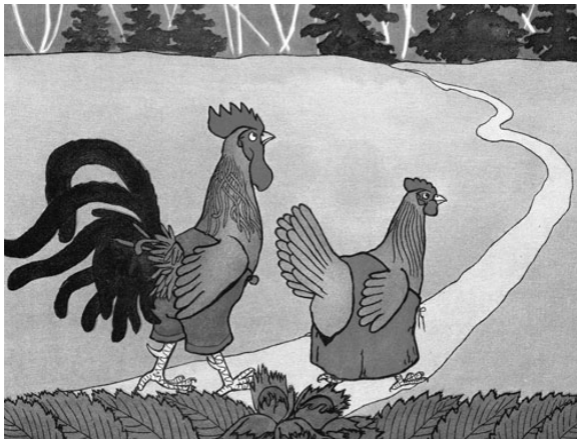
— Мне орешня портки раздрала.

— Орешня, орешня! На что ты кочетку портки раздрала?

— Меня козы подглодали.

— Козы, козы! На что вы орешню подглодали?

— Нас пастухи не берегут.

— Пастухи, пастухи! Что вы коз не бережете?

— Нас хозяйка блинами не кормит.

— Хозяйка, хозяйка! Что ты пастухов блинами не кормишь?

— У меня свинья опару* пролила.

— Свинья, свинья! На что ты у хозяйки
опару пролила?

— У меня волк поросеночка унес.

— Волк, волк! На что ты у свиньи поросе-
ночка унес?

— Я есть захотел, мне Бог повелел.

Курочка

Жил-был старик со старушкою, у них была курочка-татарушка, снесла яичко в куте* под окошком: пестро, остро, костяно, мудро-но!

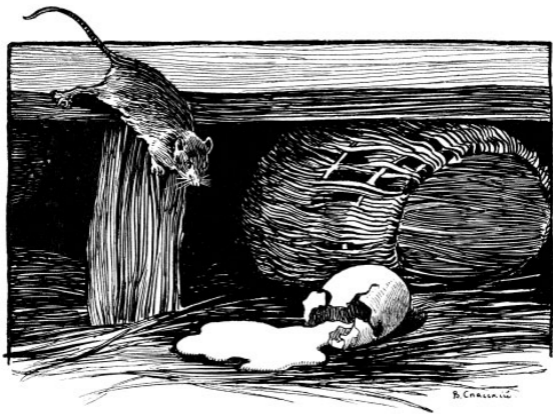
Положила на полочку; мышка шла, хвостиком тряхнула, полочка упала, яичко разбилось. Старик плачет, старуха възрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась. Идет просвирня*, спрашивает: что они так плачут?

Старики начали пересказывать:

— Как нам не плакать? Есть у нас курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, остро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком тряхнула, полочка упала, яичко и разбилось! Я, старик, плачу, старуха възрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась.

Просвирня как услышала — все просвиры изломала и побросала. Подходит дьячок и спрашивает у просвирни: зачем она просвиры побросала?

Она пересказала ему все горе; дьячок побегал на колокольню и перебил все колокола.

Идет поп, спрашивает у дьячка: зачем колокола перебил?

Дьячок пересказал все горе попу, а поп побежал, все книги изорвал.

Журавль и цапля

Летала сова — веселая голова; вот она летала, летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела; летала-летала и села, хвостиком повертела да по сторонам посмотрела... Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля, построили себе по концам избушки.

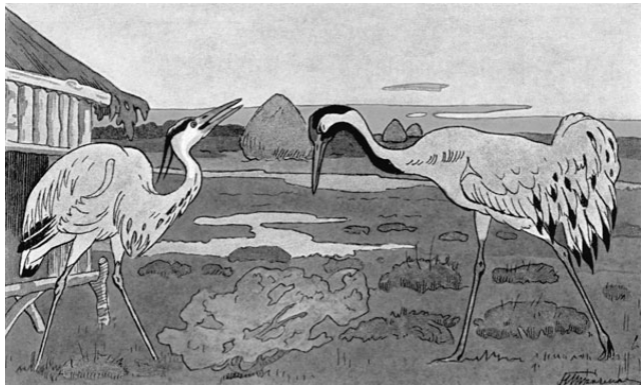
Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться.

— Дай пойду посватаюсь на цапле!

Пошел журавль — тяп, тяп, тяп! Семь верст болото месил; приходит и говорит:

— Дома ли цапля?

— Дома.

— Выдь за меня замуж!

— Нет, журавль, нейдю за тя* замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то меня тебе нечем! Ступай прочь, долговязый!

Журавль как не солоно похлебал, ушел домой.

Цапля после раздумалась и сказала:

— Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля.

Приходит к журавлю и говорит:

— Журавль, возьми меня замуж!

— Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу

жениться, не беру тебя замуж. Убирайся!

Цапля заплакала со стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал:

— Напрасно не взял за себя цаплю; ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж.

Приходит и говорит:

— Цапля! Я вздумал на тебе жениться; по-ди за меня.

— Нет, журавль, нежду за тя замуж!

Пошел журавль домой.

Тут цапля раздумалась:

— Зачем отказала? Что одной-то жить?

Лучше за журавля пойду!

Приходит свататься, а журавль не хочет.

Вот так-то и ходят они по сю пору один на другом свататься, да никак не женятся.

Орел и ворона

Жила-была на Руси ворона, с няньками, с мамками, с малыми детками, с ближними соседками. Прилетели гуси-лебеди, нанесли яичек; а ворона стала их забижать, стала у них яички таскать.

Случилось лететь мимо сычу; видит он, что ворона больших птиц забижает, и полетел к сизому орлу. Прилетел и просит:

— Батюшка сизый орел! Дай нам праведный суд на шельму ворону.

Сизый орел послал за вороной легкого посла воробья. Воробей тотчас полетел, захватил ворону; она было упираться, воробей давай ее пинками и привел-таки к сизому орлу. Орел стал судить.

— Ах ты, шельма ворона, шаловая* голова, непотребный нос, г... хвост! Про тебя говорят, что ты на чужое добро рот разеваешь, у больших птиц яички таскаешь.

— Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!

— Про тебя же сказывают: выйдет мужичок сеять, а ты выскочишь со всем своим со-

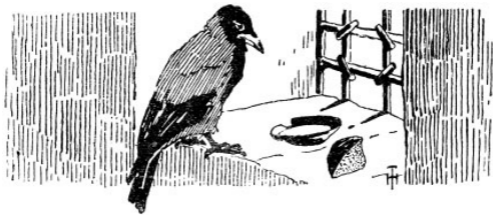
домом и ну разгребать.

— Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!

— Да еще сказывают: станут бабы жать, нажнут и покладут снопы в поле, а ты выскочишь со всем содомом и опять-таки ну разгребать да ворошить.

— Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!

Осудили ворону в острог посадить.

Золотая рыбка

На море на океане, на острове на Буяне стояла небольшая ветхая избушка; в той избушке жили старик да старуха. Жили они в великой бедности; старик сделал сеть и стал ходить на море да ловить рыбу: тем только и

добывал себе дневное пропитание. Раз как-то закинул старик свою сеть, начал тянуть, и показалось ему так тяжело, как доселева никогда не бывало: еле-еле вытянул. Смотрит, а сеть пуста; всего-навсего одна рыбка попала, зато рыбка не простая — золотая. Взмолилась ему рыбка человеческим голосом:

— Не бери меня, старичок! Пусти лучше в сине море; я тебе сама пригожусь: что пожелаешь, то и сделаю.

Старик подумал-подумал и говорит:

— Мне ничего от тебя не надобно: ступай гуляй в море!

Бросил золотую рыбку в воду и воротился домой. Спрашивает его старуха:

— Много ли поймал, старик?

— Да всего-навсего одну золотую рыбку, и ту бросил в море; крепко она взмолилась: отпусти, говорила, в сине море; я тебе в пригону стану: что пожелаешь, все сделаю! Пожалел я рыбку, не взял с нее выкупу, даром на волю пустил.

Ах ты, старый черт! Попалось тебе в руки большое счастье, а ты и владать не сумел.

Озлилась старуха, ругает старика с утра до

вечера, не дает ему покоя:

— Хоть бы хлеба у ней выпросил! Ведь скоро сухой корки не будет; что жрать-то станешь?

Не выдержал старик, пошел к золотой рыбке за хлебом; пришел на море и крикнул громким голосом:

— Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Рыбка приплыла к берегу:

— Что тебе, старик, надо?

— Старуха осерчала, за хлебом прислала.

— Ступай домой, будет у вас хлеба вдоволь.

Воротился старик:

— Ну что, старуха, есть хлеб?

— Хлеба-то вдоволь; да вот беда: корыто расколось, не в чем белье мыть; ступай к золотой рыбке, попроси, чтоб новое дала.

Пошел старик на море:

— Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Приплыла золотая рыбка:

— Что тебе надо, старик?

— Старуха прислала, новое корыто просит.

— Хорошо, будет у вас корыто.

Воротился старик — только в дверь, а старуха опять на него накинулась:

— Ступай, — говорит, — к золотой рыбке, попроси, чтоб новую избу построила; в нашей жить нельзя, того и смотри что развалится!

Пошел старик на море:

— Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Рыбка приплыла, стала к нему головой, в море хвостом и спрашивает:

— Что тебе, старик, надо?

— Построй нам новую избу; старуха ругается, не дает мне покою; не хочу, говорит, жить в старой избушке: она того и смотри вся развалится!

— Не тужи, старик! Ступай домой да молись Богу, все будет сделано.

Воротился старик — на его дворе стоит изба новая, дубовая, с вырезными узорами. Выбегает к нему навстречу старуха, пуще прежнего сердится, пуще прежнего ругается:

— Ах ты, старый пес! Не умеешь ты счастьем пользоваться. Выпросил избу и, чай, думаешь — дело сделал! Нет, ступай-ка опять к золотой рыбке да скажи ей: не хочу я быть

крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтоб меня добрые люди слушались, при встречах в пояс кланялись.

Пошел старик на море, говорит громким голосом:

— Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Приплыла рыбка, стала в море хвостом, к нему головой:

— Что тебе, старик, надо?

Отвечает старик:

— Не дает мне старуха покою, совсем вздурилась: не хочет быть крестьянкою, хочет быть воеводихой.

— Хорошо, не тужи! Ступай домой да молись Богу, все будет сделано.

Воротился старик, а вместо избы каменный дом стоит, в три этажа выстроен; по двору прислуга бегают, на кухне повара стучат, а старуха в дорогом парчовом платье на высоких креслах сидит да приказы отдает.

— Здравствуй, жена! — говорит старик.

— Ах ты, невежа этакой! Как смел обозвать меня, воеводиху, своею женою? Эй, люди! Взять этого мужичонка на конюшню и ото-

драть плетьюми как можно больнее.

Тотчас прибежала прислуга, схватила старика за шиворот и потащила в конюшню; начали конюхи угощать его плетьюми, да так угостили, что еле на ноги поднялся. После того старуха поставила старика дворником; велела дать ему метлу, чтоб двор убирал, а кормить и поить его на кухне. Плохое житье старику: целый день двор убирай, а чуть где нечисто — сейчас на конюшню! «Экая ведьма! — думает старик. — Далось ей счастье, а она как свинья зарылась, уж и за мужа меня не считает!»

Ни много ни мало прошло времени, придокучило старухе быть воеводихой, потребовала к себе старика и приказывает:

— Ступай, старый черт, к золотой рыбке, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею.

Пошел старик на море:

— Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой!

Приплыла золотая рыбка:

— Что тебе, старик, надо?

— Да что, вздурилась моя старуха пуще

прежнего: не хочет быть воеводихой, хочет быть царицею.

— Не тужи! Ступай домой да молись Богу, все будет сделано.

Воротился старик, а вместо прежнего дома высокий дворец стоит под золотою крышею; кругом часовые ходят да ружьями выкидывают; позади большой сад раскинулся, а перед

самым дворцом — зеленый луг; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балкон с генералами да с боярами и начала делать тем войскам смотр и развод*: барабаны бьют, музыка гремит, солдаты «ура» кричат!

Ни много ни мало прошло времени, придоучило старухе быть царицею, велела разыскать старика и представить пред свои очи светлые. Поднялась суматоха, генералы суеются, бояре бегают:

— Какой такой старик?

Насилу нашли его на заднем дворе, повели к царице.

— Слушай, старый черт! — говорит ему старуха. — Ступай к золотой рыбке да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы все моря и все рыбы меня слушались.

Старик было отнекиваться; куда тебе! коли не пойдешь — голова долой! Скрепя сердце пошел старик на море, пришел и говорит:

— Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Золотой рыбки нет как нет! Зовет старик в

другой раз — опять нету! Зовет в третий раз — вдруг море зашумело, взволновалось; то было светлое, чистое, а тут совсем почернело. Приплывает рыбка к берегу:

— Что тебе, старик, надо?

— Старуха еще пуще вздурилася; уж не хочет быть царицею, хочет быть морскою владычицей, над всеми водами властвовать, над всеми рыбами повелевать.

Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла в глубину моря. Старик воротился назад, смотрит и глазам не верит: дворца как не бывало, а на его месте стоит небольшая ветхая избушка, а в избушке сидит старуха в изодранном сарафане. Начали они жить по-прежнему, старик опять принялся за рыбную ловлю; только как часто ни закидывал сетей в море, не удалось больше поймать золотой рыбки.

Терем мухи

Ехал мужик с горшками, потерял большой кувшин. Залетела в кувшин муха и стала в нем жить-поживать. День живет, другой живет. Прилетел комар и стучится:

— Кто в хоромах, кто в высоких?

— Я, муха-шумиха; а ты кто?

— А я комар-пискун.

— Иди ко мне жить.

Вот и стали вдвоем жить.

Прибежала к ним мышь и стучится:

— Кто в хоромах, кто в высоких?

— Я, муха-шумиха, да комар-пискун; а ты кто?

— Я из-за угла хмыстень*.

— Иди к нам жить.

И стало их трое. Прискакала лягушка и стучится:

— Кто в хоромах, кто в высоких?

— Я, муха-шумиха, да комар-пискун, да из-за угла хмыстень; а ты кто?

— Я на воде балагта*.

— Иди к нам жить.

Вот и стало их четверо.

Пришел заяц и стучится:

— Кто в хоромах, кто в высоких?

— Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта; а ты кто?

Пришла еще лисица и стучится:

— Кто в хоромах, кто в высоких?

— Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свер-тень; а ты кто?

— Я на поле краса.

— Ступай к нам.

Прибрела собака и стучится:

— Кто в хоромах, кто в высоких?

— Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свер-

тень, да на поле краса; а ты кто?

— А я гам-гам!

— Иди к нам жить.

Собака влезла. Прибежал еще волк:

— Кто в хоромах, кто в высоких?

— Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свер-тень, на поле краса, да гам-гам; а ты кто?

— Я из-за кустов хап.

— Иди к нам жить.

Вот живут себе все вместе.

Спознал про эти хоромы медведь, прихо-дит и стучится — чуть хоромы живы:

— Кто в хоромах, кто в высоких?

— Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свер-тень, на поле краса, гам-гам, да из-за кустов хап; а ты кто?

— А я лесной гнёт!

Сел на кувшин и всех раздавил.

Мизгирь

Стары годы, в старопрежние, в красну вёсну, в теплые лета сделалась такая соморота*, в мире тягота: стали появляться комары да мошки, людей кусать, горячую кровь пропускать.

Проявился мизгирь*, удалой добрый молодец, стал ножками трясти да мерёжки* плести, ставить на пути, на дорожки, куда летают комары да мошки.

Муха грязна, строка* некошна, полетела, да чуть не пала, да к мизгирю в сеть попала; то* ее мизгирь стал бить, да губить, да за горло давить.

Муха мизгирю возмолилася:

— Батюшка мизгирь! Не бей ты меня, не губи ты меня; у меня много будет детей сиротать*, по дворам ходить и собак дразнить.

То ее мизгирь опустил; она полетела, забунчала*, известила всем комарам и мошкам:

— Ой еси вы, комары и мошки! Убирайтесь под осиново корище*: проявился мизгирь, стал ножками трясти, мерёжки плести, ставить на пути, на дорожки, куда летают комары да мошки; всех изловит!

Они полетели, забились под осиново кори-

ще, лежат яко мертвы.

Мизгирь пошел, нашел сверчка, таракана и клопа:

— Ты, сверчок, сядь на кочок* испивать табачок; а ты, таракан, ударь в барабан; а ты, клоп-блинник, поди под осиново корище, проложь про меня, мизгиря-борца, добра молодца, такую славу, что мизгиря-борца, добра молодца, вживе нет: в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе и плаху раскололи.

Сверчок сел на кочок испивать табачок, а таракан ударил в барабан; клоп-блинник пошел под осиново корище, говорит:

— Что запали, лежите яко* мертвы? Ведь мизгиря-борца, добра молодца, вживе нет: в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе и плаху раскололи.

Они возрадовались и возвеселились, по трою* перекрестились, полетели, чуть не падали, да к мизгирю все в сеть попали.

Он и говорит:

— Что вы очень мелки! Почаще бы ко мне в гости бывали, пивца-винца испивали и нам бы подавали!

Пузырь, соломинка и лапоть

Жили-были пузырь, соломинка и лапоть; пошли они в лес дрова рубить, дошли до реки, не знают: как через реку перейти?

Лапоть говорит пузырю:

— Пузырь, давай на тебе переплывем!

— Нет, лапоть, пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, а мы перейдем по ней.

Соломинка перетянулась; лапоть пошел по ней, она и переломилась. Лапоть упал в воду, а пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул!

Репка

Посеял дедка репку; пошел репку рвать, захватился за репку: тянет-потянет, вытянуть не может! Сózвал дедка бабуку; бабука за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла внучка; внучка за бабуку, бабука за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла сучка; сучка за внучку, внучка за бабуку, бабука за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытя-

нуть не могут! Пришла но́га (?). Но́га за сучку, сучка за внучку, внучка за бабу, бабу за деду, деду за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла дру́га но́га; дру́га но́га за но́гу, но́га за сучку, сучка за внучку, внучка за бабу, бабу за деду, деду за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! (и так далее до пятой но́ги). Пришла пята но́га. Пять ног за четыре, четыре но́ги за три, три но́ги за две, две но́ги за но́гу, но́га за сучку, сучка за внучку, внучка за бабу, бабу за деду, деду за репку, тянут-потянут: вытянули репку!

Ведьма и Солнцева сестра

В некотором царстве, далеком государстве, жил-был царь с царицей, у них был сын Иван-царевич, с роду немой. Было ему лет двенадцать, и пошел он раз в конюшню к любимому своему конюху. Конюх этот сказывал ему всегда сказки, и теперь Иван-царевич пришел послушать от него сказочки, да не то услышал.

— Иван-царевич! — сказал конюх. — У твоей матери скоро родится дочь, а тебе сестра; будет она страшная ведьма, съест и отца, и мать, и всех подначальных людей; так ступай, попроси у отца что ни есть наилучшего коня — будто покататься, и поезжай отсюда куда глаза глядят, коли хочешь от беды избавиться.

Иван-царевич прибежал к отцу и с роду впервой заговорил с ним; царь так этому возрадовался, что не стал и спрашивать: зачем ему добрый конь надобен? Тотчас приказал что ни есть наилучшего коня из своих табунов оседлать для царевича. Иван-царевич сел и поехал куда глаза глядят.

Долго-долго он ехал; наезжает на двух старых швей и просит, чтоб они взяли его с собой жить. Старухи сказали:

— Мы бы рады тебя взять, Иван-царевич, да нам уж немного жить. Вот доломаем сундук иглою да изошьем сундук ниток — тотчас и смерть придет!

Иван-царевич заплакал и поехал дальше. Долго-долго ехал, подъезжает к Вертодубу и просит:

— Прими меня к себе!

— Рад бы тебя принять, Иван-царевич, да мне жить остается немного. Вот как повыдерну все эти дубы с кореньями — тотчас и смерть моя!

Пуще прежнего заплакал царевич и поехал все дальше да дальше. Подъезжает к Вертогору; стал его просить, а он в ответ:

— Рад бы принять тебя, Иван-царевич, да мне самому жить немного. Видишь, поставлен я горы ворочать; как справлюсь с этими последними — тут и смерть моя!

Залился Иван-царевич горькими слезами и поехал еще дальше.

Долго-долго ехал; приезжает, наконец, к

Солнцевой сестрице. Она его приняла к себе, кормила-поила, как за родным сыном ходила. Хорошо было жить царевичу, а все нет-нет да и сгрустнется: захочется узнать, что в родном доме делается? Взойдет, бывало, на высокую гору, посмотрит на свой дворец и видит, что все съедено, только стены остались! Вздохнет и заплачет.

Раз этак посмотрел да поплакал — воротился, а Солнцева сестра спрашивает:

— Отчего ты, Иван-царевич, нонче заплаканный?

Он говорит:

— Ветром в глаза надуло.

В другой раз опять то же; Солнцева сестра взяла да и запретила ветру дуть.

И в третий раз воротился Иван-царевич заплаканный; да уж делать нечего — пришлось во всем признаваться, и стал он просить Солнцеву сестрицу, чтоб отпустила его, добра молодца, на родину понаведаться. Она его не пускает, а он ее упрашивает; наконец упрощил-таки, отпустила его на родину понаведаться и дала ему на дорогу щетку, гребенку да два молодежьих яблочка: какой бы ни был

стар человек, а съест яблочко — вмиг помолодеет!

Приехал Иван-царевич к Вертогору, всего одна гора осталась; он взял свою щетку и бросил во чисто поле; откуда ни взялись — вдруг выросли из земли высокие-высокие горы, верхушками в небо упираются; и сколько тут их — видимо-невидимо! Вертогор обрадовался и весело принялся за работу.

Долго ли, коротко ли — приехал Иван-царевич к Вертодубу, всего три дуба осталось; он взял гребенку и кинул во чисто поле; откуда что — вдруг зашумели, поднялись из земли густые дубовые леса, дерево дерева толще! Вертодуб обрадовался, благодарствовал царевичу и пошел столетние дубы выворачивать.

Долго ли, коротко ли — приехал Иван-царевич к старухам, дал им по яблочку; они съели, вмиг помолодели и подарили ему хусточку*: как махнешь хусточкой — станет позади целое озеро!

Приезжает Иван-царевич домой. Сестра выбежала, встретила его, приголубила:

— Сядь, — говорит, — братец, поиграй на гусях, а я пойду — обед приготовлю.

Царевич сел и брэнчит на гусях; выполз из норы мышонок и говорит ему человеческим голосом:

— Спасайся, царевич, беги скорее! Твоя сестра ушла зубы точить.

Иван-царевич вышел из горницы, сел на коня и поскакал назад; а мышонок по струнам бегаёт: гусли брэнчат, а сестра и не ведает, что братец ушел. Наточила зубы, бросилась в горницу, глядь — нет ни души, только мышонок в нору скользнул. Разозлилась ведьма, так и скрипит зубами, и пустилась в погоню.

Иван-царевич услышал шум, оглянулся — вот-вот нагонит сестра; махнул хусточкой — и стало глубокое озеро. Пока ведьма переплыла озеро, Иван-царевич далеко уехал.

Понеслась она ещё быстрее... вот уж близко! Вертодуб угадал, что царевич от сестры спасается, и давай вырывать дубы да валить на дорогу; целую гору накидал! Нет ведьме проходу! Стала она путь прочищать, грызла, грызла, насилу продралась, а Иван-царевич уж далеко. Бросилась догонять, гнала-гнала, ещё немножко... и уйти нельзя! Вертогор уви-

дал ведьму, ухватился за самую высокую гору и повернул ее как раз на дорогу, а на ту гору поставил другую. Пока ведьма карабкалась да лезла, Иван-царевич ехал да ехал и далеко очутился.

Перебралась ведьма через горы и опять погнала за братом... Завидела его и говорит:

— Теперь не уйдешь от меня!

Вот близко, вот нагонит! В то самое время подскакал Иван-царевич к теремам Солнцева сестрицы и закричал:

— Солнце, Солнце! Отвори оконце.

Солнцева сестрица отворила окно, и царевич вскочил в него вместе с конем.

Ведьма стала просить, чтоб ей выдали брата головою; Солнцева сестра ее не послушала и не выдала. Тогда говорит ведьма:

— Пусть Иван-царевич идет со мной на весы, кто кого перевесит! Если я перевешу — так я его съем, а если он перевесит — пусть меня убьет!

Пошли; сперва сел на весы Иван-царевич,
а потом и ведьма полезла; только ступила но-
гой, так Ивана-царевича вверх и подбросило,

да с такою силою, что он прямо попал на небо, к Солнцевой сестре в терема; а ведьма-змея осталась на земле.

Морозко

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сделает, за все ее гладят по головке да приговаривают: «Умница!» А падчерица как ни угождает — ничем не угодит, все не так, все худо; а надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках она бы

как сыр в масле купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймется, все будет придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать:

— Вези, вези, старик, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши об ней не слышали; да не вози к родным в теплую хату, а во чисто поле на трескун-мороз!

Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой — и то побоялся; повез бездомную во чисто поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась, бедненькая, трясется и тихонько молитву творит. Приходит Мороз, попрыгивает, поскакивает, на красную девушку поглядывает:

— Девушка, девушка, я Мороз Красный Нос!

— Добро пожаловать, Мороз; знать, Бог тебя принес по мою душу грешную.

Мороз хотел ее тукнуть* и заморозить; но

полюбились ему ее умные речи, жаль стало! Бросил он ей шубу. Одедась она в шубу, подождала ножки, сидит.

Опять пришел Мороз Красный Нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает:

— Девушка, девушка, я Мороз Красный Нос!

— Добро пожаловать, Мороз; знать, Бог тебя принес по мою душу грешную.

Мороз пришел совсем не по душу, он принес красной девушке сундук высокий да тяжелый, полный всякого приданого. Уселась она в шубочке на сундучке, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришел Мороз Красный Нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает. Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром и золотом. Надела она и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает.

А мачеха по ней поминки справляет; напекла блинов.

— Ступай, муж, вези хоронить свою дочь. Старик поехал. А собачка под столом:

— Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!

— Молчи, дура! На́ блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!

Собачка съела блин да опять:

— Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!

Старуха и блины давала, и била ее, а собачка все свое:

— Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не возьмут!

Скрипнули ворота, растворилися двери, несут сундук высокий, тяжелый, идет падчерица — панья паньей сияет! Мачеха глянула — и руки врозь!

— Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место.

Повез старик на то же поле, посадил на то же место.

Пришел и Мороз Красный Нос, поглядел на свою гостью, попрыгал-поскакал, а хороших речей не дождал; рассердился, хватил ее и убил.

— Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!

А собачка под столом:

— Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возь-

мут, а старухиной в мешке косточки везут!

— Не ври! На́ пирог, скажи: старухину в
злате, в серебре везут!

Растворились ворота, старуха выбежала
встретить* дочь, да вместо ее обняла холодное
тело. Заплакала, заголосила, да поздно!

Крошечка-Хаврошечка

Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые Бога не боятся, своего брата не стыдятся: к таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли ее эти люди, выкормили и на свет Божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили; она и подает, и прибирает, и за всех и за все отвечает.

А были у хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала. Вот то-то и больно — ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да приохотить нет никого!

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

— Коровушка-матушка! Меня бьют, жуют, хлеба не дают, плакать не велят. К завтраму дали пять пудов напярсть, наткать, побелить,

в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано.

Так и сбывалось. Вылезет красная девица из ушка — все готово: и наткано, и побелено, и покато.

Отнесет к мачехе; та поглядит, побряхтит, спрячет в сундук, а ей еще больше работы задаст. Хаврошечка опять придет к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет принесет.

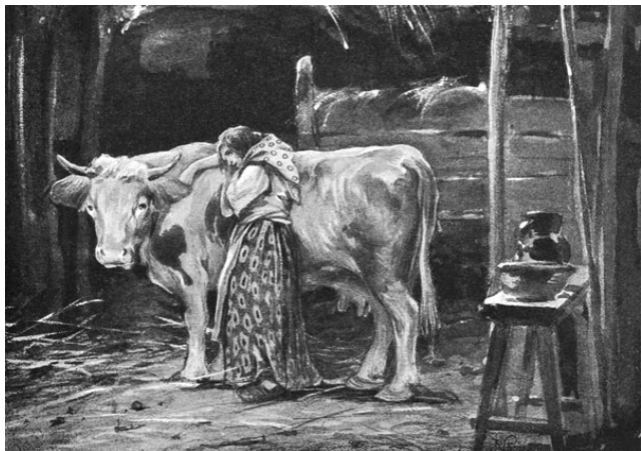
Дивится старуха, зовет Одноглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Доглядись, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?

Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке; а Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок заснул; пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке раз-

леглась, матернино приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Коровушка наткала, побелила, в трубы покатала; а Двуглазка все еще спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте еще больше работы дала. И Триглазка, как ее старшие сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошечка поет:

— Спи, глазок, спи, другой! — а об третьем

забыла.

Два глаза заснули, а третий глядит и все видит, все — как красная девица в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Все, что видела, Триглазка матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

— Режь рябую корову!

Старик так-сяк:

— Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

Режь, да и только! Наточил ножик...

Побежала Хаврошечка к коровушке:

— Коровушка-матушка! Тебя хотят резать.

— А ты, красная девица, не ешь моего мяса; косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их расседи и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай.

Хаврошечка все сделала, что коровушка завещала: голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки каждый день в саду поливала, и выросла из них яблонька, да какая — Боже мой! Яблочки на ней висят наливные, листвицы* шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо — останавлива-

ется, кто проходит близко — тот заглядывается.

Случилось раз — девушки гуляли по саду; на ту пору ехал по полю барин — богатый, кудреватый, молоденький. Увидел яблочки, затрогал девушек:

— Девуцы-красавицы! — говорит он. — Которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет.

И бросились три сестры одна перед другой к яблоньке. А яблочки то висели низко, под руками были, а то вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами стали. Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучья косы расплетают; как ни бились, ни метались — ручки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка, и веточки приклонились, и яблочки опустились. Барин на ней женился, и стала она в добре поживать, лиха не знаять.

Баба-яга

Жили себе дед да баба; дед овдовел и женился на другой жене, а от первой жены осталась у него девочка. Злая мачеха ее не любила, била ее и думала, как бы вовсе извести.

Раз отец уехал куда-то, мачеха и говорит девочке:

— Поди к своей тетке, моей сестре, попроси у нее иголочку и ниточку — тебе рубашку сшить.

А тетка эта была Баба-яга Костяная Нога.

Вот девочка не была глупа да зашла прежде к своей родной тетке.

— Здравствуй, тетушка!

— Здравствуй, родимая! Зачем пришла?

— Матушка послала к своей сестре попросить иголочку и ниточку — мне рубашку сшить.

Та ее и научает:

— Там тебя, племянушка, будет березка в глаза стегать — ты ее ленточкой перевяжи; там тебе ворота будут скрипеть и хлопать — ты подлей им под пяточки маслица; там тебя

собаки будут рвать — ты им хлебца брось; там тебе кот будет глаза драть — ты ему ветчины дай.

Пошла девочка; вот идет, идет и пришла.

Стоит хатка, а в ней сидит Баба-яга Костяная Нога и ткет.

— Здравствуй, тетушка!

— Здравствуй, родимая!

— Меня матушка послала попросить у тебя иголку и ниточку — мне рубашку сшить.

— Хорошо, садись покуда ткать.

Вот девочка села за кросна*, а Баба-яга вышла и говорит своей работнице:

— Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри, хорошенько; я хочу ею позавтракать.

Девочка сидит ни жива ни мертва, вся перепуганная, и просит она работницу:

— Родимая моя! Ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, решетом воду носи, — и дала ей платочек.

Баба-яга дожидается; подошла она к окну и спрашивает:

— Ткешь ли, племяннушка, ткешь ли, милая?

— Тку, тетушка, тку, милая!

Баба-яга и отошла, а девочка дала коту ветчинки и спрашивает:

— Нельзя ли как-нибудь уйти отсюда?

— Вот тебе гребешок и полотенце, — говорит кот, — возьми их и убежи; за тобою будет гнаться Баба-яга, ты приклони ухо к земле и, как заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце — сделается широкая-широкая река; если ж Баба-яга перейдет через реку и станет догонять тебя, ты опять приклони ухо к земле и, как услышишь, что она близко, брось гребешок — сделается дремучий-дремучий лес, сквозь него она уже не проберется!

Девочка взяла полотенце и гребешок и побежала; собаки хотели ее рвать — она бросила им хлебца, и они ее пропустили; ворота хотели захлопнуться — она подлила им под пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотела ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А кот сел за кросна и ткёт: не столько наткал, сколько напутал. Баба-яга подошла к окну и спрашивает:

— Ткешь ли, племянушка, ткешь ли, ми-

лая?

— Тку, тетка, тку, милая! — отвечает грубо кот.

Баба-яга бросилась в хатку, увидела, что девочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачем не выцарапал девочке глаза.

— Я тебе сколько служу, — говорит кот, — ты мне косточки не дала, а она мне ветчинки дала.

Баба-яга накинулась на собак, на ворота, на березку и на работницу, давай всех ругать и колотить. Собаки говорят ей:

— Мы тебе сколько служим, ты нам горелой корочки не бросила, а она нам хлебца дала.

Ворота говорят:

— Мы тебе сколько служим, ты нам водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица подлила.

Березка говорит:

— Я тебе сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала.

Работница говорит:

— Я тебе сколько служу, ты мне тряпочки

не подарила, а она мне платочек подарила.

Баба-яга Костяная Нога поскорей села на ступу, толкачом погоняет, помелом след замечает и пустилась в погоню за девочкой. Вот девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба-яга гонится, и уж близко, взяла да и бросила полотенце: сделалась река, такая широкая-широкая! Баба-яга приехала к реке и от злости зубами заскрипела; воротилась домой, взяла своих быков и пригнала к реке; быки выпили всю реку дочиستا.

Баба-яга пустилась опять в погоню. Девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба-яга близко, бросила гребешок: сделался лес, такой дремучий да страшный! Баба-яга стала его грызть, но сколько ни старалась — не могла прогрызть и воротилась назад.

А дед уже приехал домой и спрашивает:

— Где же моя дочка?

— Она пошла к тетушке, — говорит мачеха.

Немного погодя и девочка прибежала домой.

— Где ты была? — спрашивает отец.

— Ах, батюшка! — говорит она. — Так и

так — меня матушка послала к тетке попросить иголку с ниточкой — мне рубашку сшить, а тетка, Баба-яга, меня съесть хотела.

— Как же ты ушла, дочка?

Так и так — рассказывает девочка. Дед, как

узнал все это, рассердился на жену и расстрелил ее; а сам с дочкою стал жить да поживать да добра наживать, и я там был, мед-пиво пил: по усам текло, в рот не попало.

Василиса Прекрасная

Жил-был в некотором царстве купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

— Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе

вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла. После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в годах, имела своих двух дочерей, почти одноленок Василисе, — стало быть, и хозяйка и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то что они всегда

сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала ее куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчевает ее, приговаривая:

— На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у бабушки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

Куколка покушает, да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвет цветочки, а у нее уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажет Василисе и травку от загару. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе при сватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пу-

ще прежнего и всем женихам отвечает:

— Не выдам меньшей прежде старших!

А проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила Баба-яга; никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-

нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке Бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всем доме, оставила одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке; одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

— Что теперь нам делать? — говорили девушки. — Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к Бабе-яге!

— Мне от булавок светло! — сказала та, что плела кружево. — Я не пойду.

— И я не пойду, — сказала та, что вязала чулок. — Мне от спиц светло!

— Тебе за огнем идти, — закричали обе. — Ступай к Бабе-яге! — и вытолкали Василису

из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

— На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к Бабе-яге; Баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки.

— Не бойся, Василисушка! — сказала она. — Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не случится с тобой у Бабы-яги.

Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идет она и дрожит. Вдруг скачет мимо ее всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, — на дворе стало рассветать.

Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, — стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на по-

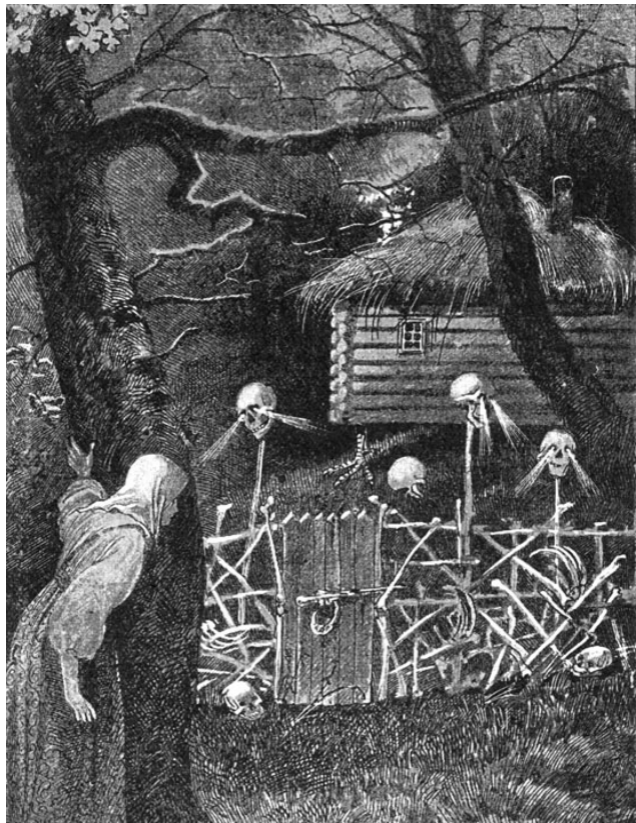
лянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человечесьих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо верей* у ворот — ноги человечесьи, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне; подскакал к воротам Бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, — настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу Баба-яга — в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:

— Фу-фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

— Это я, бабушка! Мачехины дочери при-

слали меня за огнем к тебе.

— Хорошо, — сказала Баба-яга, — знаю я их, поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!

Потом обратилась к воротам и вскрикнула:

— Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!

Ворота отворились, и Баба-яга въехала, по-свистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять все заперлось.

Войдя в горницу, Баба-яга растянулась и говорит Василисе:

— Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу.

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говорит:

— Когда завтра я уеду, ты смотри — двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, белье приготовь да пойди в закром, возьми четверть пшеницы и очисти ее от чернушки*. Да чтоб все было сделано, а не то — съем тебя!

После такого наказа Баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила:

— На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мне яга-баба работу и грозитя съесть меня, коли всего не исполню; помоги мне!

Кукла ответила:

— Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро мудреней вечера!

Ранешенько проснулась Василиса, а Баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник — и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула — перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник — взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна,

осмотрела дом Бабы-яги, подивилась изобилию во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зерна чернушки.

— Ах ты, избавительница моя! — сказала Василиса куколке. — Ты от беды меня спасла.

— Тебе осталось только обед состряпать, — отвечала куколка, влезая в карман Василисы. — Состряпай с Богом, да и отдыхай на здоровье!

К вечеру Василиса собрала на стол и ждет Бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник — и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья — едет Баба-яга. Василиса встретила ее.

— Все ли сделано? — спрашивает яга.

— Изволь посмотреть сама, бабушка! — молвила Василиса.

Баба-яга все осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться, и сказала:

— Ну, хорошо!

Потом крикнула:

— Верные мои слуги, сердечные друзья,

смелите мою пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу

и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе:

— Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зернышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

— Молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!

Наутро Баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела все и крикнула:

— Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло!

Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча.

— Что ж ты ничего не говоришь со мною? — сказала Баба-яга. — Стоишь как немая!

— Не смела, — отвечала Василиса, — а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем.

— Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состареешься!

— Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде; кто он такой?

— Это день мой ясный, — отвечала Баба-яга.

— Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?

— Это мое солнышко красное! — отвечала Баба-яга.

— А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

— Это ночь моя темная — всё мои слуги верные!

Василиса вспомнила о трех парах рук и молчала.

— Что ж ты еще не спрашиваешь? — молвила Баба-яга.

— Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состареешься.

— Хорошо, — сказала Баба-яга, — что ты спрашиваешь только о том, что видала за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

— Мне помогает благословение моей матери, — отвечала Василиса.

— Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных.

Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала:

— Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и послали.

Бегом пустилась Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и, наконец, к вечеру другого дня добра-

лась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп. «Верно, дома, — думает себе, — уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа:

— Не бросай меня, неси к мачехе!

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от сосе-

дей — тот погасал, как только входили с ним в горницу.

— Авось твой огонь будет держаться! — сказала мачеха.

Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросаются — глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живет себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке:

— Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду.

Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у нее, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканье приниматься, да таких берд* не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берется и сделать-то. Василиса стала просить

свою куколку, та и говорит:

— Принеси-ка мне какое-нибудь старое бердо, да старый челнок, да лошадиной гривы; я все тебе смастерю.

Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

— Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

— Нет, дитяtko! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец.

Пошла старуха к царским палатам да все мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил:

— Что тебе, старушка, надобно?

— Ваше царское величество, — отвечает старуха, — я принесла диковинный товар; никому, кроме тебя, показать не хочу.

Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно — вздивовался.

— Что хочешь за него? — спросил царь.

— Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла.

Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскрыили, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал:

— Умела ты напрясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить.

— Не я, государь, пряла и соткала полотно, — сказала старуха, — это работа приема-ша моего — девушки.

— Ну так пусть и сошьет она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всем Василисе.

— Я знала, — говорит ей Василиса, — что эта работа моих рук не минует.

Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладывая рук, и скоро дюжина сороче была готова.

Старуха понесла к царю сорочки а Василиса умылась, причесалась, оде лась и села под окном. Сидит себе ждет, что будет. Видит: на двор к стару хе идет царский слуга; вошел в

горниц и говорит:

— Царь-государь хочет видеть ис кусницу, что работала ему сорочки и наградить ее из своих царских рук.

Пошла Василиса и явилась пре очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в нее без памяти.

— Нет, — говорит он, — красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою.

Тут взял царь Василису за белые руки, посадил ее подле себя, а там и свадебку сыграли. Скоро воротился отец Василисы, порадовался

об ее судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

Баба-яга и Заморышек

Жил-был старик да старуха; детей у них не было. Уж чего они ни делали, как ни молились Богу, а старуха все не рожала. Раз пошел старик в лес за грибами; попадаетея ему дорогою старый дед.

— Я знаю, — говорит, — что у тебя на мыслях; ты все об детях думаешь. Поди-ка по деревне, собери с каждого двора по яичку и посади на те яйца клушку*; что будет, сам увидишь!

Старик воротился в деревню; в ихней деревне был сорок один двор; вот он обошел все дворы, собрал с каждого по яичку и посадил клушку на сорок одно яйцо.

Прошло две недели, смотрит старик, смотрит и старуха — а из тех яичек народились мальчики; сорок крепких, здоровеньких, а один не удался — хил да слаб! Стал старик давать мальчикам имена; всем дал, а последнему не достало имени.

— Ну, — говорит, — будь же ты Заморышек!

Растут у старика со старухой детки, растут

не по дням, а по часам; выросли и стали работать, отцу с матерью помогать: сорок молодых в поле берутся, а Заморышек дома управляется. Пришло время сенокосное; братья траву косили, стога ставили, поработали с неделю и вернулись на деревню; поели, что Бог послал, и легли спать. Старик смотрит и говорит:

— Молодо-зелено! Едят много, спят крепко, а дела, поди, ничего не сделали!

— А ты прежде посмотри, батюшка! — отзывается Заморышек.

Старик снарядился и поехал в луга; глянул — сорок стогов сметано.

— Ай да молодцы ребята! Сколько за одну неделю накосили и в стога сметали.

На другой день старик опять собрался в луга, захотелось на свое добро полюбоваться; приехал — а одного стога как не бывало! Вернулся домой и говорит:

— Ах, детки! Ведь один стог-то пропал.

— Ничего, батюшка! — отвечает Заморышек. — Мы этого вора поймаем; дай-ка мне сто рублей, а уж я дело сделаю.

Взял у отца сто рублей и пошел к кузнецу:

— Можешь ли сковать мне такую цепь, чтоб хватило с ног до головы обвить человека?

— Отчего не сковать!

— Смотри же, делай покрепче; коли цепь выдержит — сто рублей плачу, а коли лопнет — пропал твой труд!

Кузнец сковал железную цепь; Заморышек обвил ее вокруг себя, потянул — она и лопнула. Кузнец вдвое крепче сделал; ну, та годилась. Заморышек взял эту цепь, заплатил сто рублей и пошел сено караулить; сел под стоги и дожидается. Вот в самую полночь поднялась погода, всколыхалось море, и выходит из морской глубины чудная кобылица, подбежала к первому стогу и принялась пожирать сено. Заморышек подскочил, обротал* ее железной цепью и сел верхом. Стала его кобылица мыкать, по долам, по горам носить; нет, не в силах седока сбить! Остановилась она и говорит ему:

— Ну, добрый мóлодец, когда сумел ты усидеть на мне, то возьми-владей моими жеребятками.

Подбежала кобылица к синю морю и заржала; тут сине море всколыхалось, и вышли на́ берег сорок один жеребец; конь коня лучше! Весь свет изойди, нигде таких не найдешь! Утром слышит старик на дворе ржанье, топот; что такое? а это Заморышек целый табун пригнал.

— Здорово, — говорит, — братцы! Теперь у

всех у нас по коню есть; поедемте невест себе искать.

— Поедем!

Отец с матерью благословили их, и поехали братья в путь-дорогу далекую.

Долго они ездили по белому свету, да где столько невест найти? Порознь жениться не хочется, чтоб никому обидно не было; а какая мать похвалится, что у ней как раз сорок одна дочь народилась?

Заехали мóлодцы за тридевять земель; смотрят: на крутой горе стоят белокаменные палаты, высокой стеной обведены, у ворот железные столбы поставлены. Сосчитали — сорок один столб. Вот они привязали к тем столбам своих богатырских коней и идут на двор. Встречает их Баба-яга:

— Ах вы, незваные-непрошеные! Как вы смели лошадей без спросу привязывать?

— Ну, старая, чего кричишь? Ты прежде напой-накорми, в баню своди, да после проведи и спрашивай.

Баба-яга накормила их, напоила, в баню сводила и стала спрашивать:

— Что, добрые мóлодцы, дела пытаете иль

от дела лытаете*?

— Дела пытаем, бабушка!

— Чего ж вам надобно?

— Да невест ищем.

— У меня есть дочери, — говорит Баба-яга, бросилась в высокие терема и вывела сорок одну дэвицу.

Тут они сосватались, начали пить, гулять, свадьбы справлять. Вечером пошел Заморышек на своего коня посмотреть. Увидел его добрый конь и промолвил человеческим голосом:

— Смотри, хозяин! Как ляжете вы спать с молодыми женами, нарядите их в свои платья, а на себя наденьте женины; не то все пропадем!

Заморышек сказал это братьям; нарядили они молодых жен в свои платья, а сами оделись в женины и легли спать. Все заснули, только Заморышек глаз не смыкает. В самую полночь закричала Баба-яга зычным голосом:

— Эй вы, слуги мои верные! Рубите незваным гостям буйны головы.

Прибежали слуги верные и отрубили буйны головы дочерям Бабы-яги. Заморышек раз-

будил своих братьев и рассказал все, что было; взяли они отрубленные головы, воткнули на железные спицы кругом стены, потом оседлали коней и поехали наскоро.

Поутру встала Баба-яга, глянула в окошечко — кругом стены торчат на спицах дочерние головы; страшно она озлобилась, приказала подать свой огненный щит, поскакала в погоню и начала палить щитом на все четыре стороны. Куда мóлодцам спрятаться? Впереди сине море, позади Баба-яга — и жжет и палит! Помирать бы всем, да Заморышек догадлив был: не забыл он захватить у Бабы-яги платочек, махнул тем платочком перед собою — и вдруг перекинулся мост через все сине море; переехали добрые мóлодцы на другую сторону. Заморышек махнул платочком в иную сторону — мост исчез, Баба-яга воротилась назад, а братья домой поехали.

Гуси-лебеди

Жили старичок со старушкою; у них была дочка да сынок маленький.

— Дочка, дочка! — говорила мать. — Мы пойдем на работу, принесем тебе булочку, сошьем платице, купим платочек; будь умна, береги братца, не ходи со двора.

Старшие ушли, а дочка забыла, что ей при-

казывали; посадила братца на травке под окошком, а сама побежала на улицу, заигралась, загулялась. Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылышках.

Пришла девочка, глядь — братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда — нету! Кликала, заливалась слезами, причитывала, что худо будет от отца и матери, — братец не откликнулся! Выбежала в чистое поле; метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом.

Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шkodили и маленьких детей крадывали; девочка угадала, что они унесли ее братца, бросилась их догонять. Бежала, бежала, стоит печка.

— Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?

— Съешь моего ржаного пирожка — скажу.

— О, у моего батюшки пшеничные не едят-ся!

Печь не сказала.

Побежала дальше, стоит яблонь.

— Яблонь, яблонь, скажи, куда гуси полетели?

— Съешь моего лесного яблока — скажу.

— О, у моего батюшки и садовые не едятся!

Побежала дальше, стоит молочная речка, кисельные берега.

— Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели?

— Съешь моего простого киселика с молоком — скажу.

— О, у моего батюшки и сливочки не едятся!

И долго бы ей бегать по полям да бродить по лесу, да, к счастью, попался еж; хотела она его толкнуть, побоялась наколоться и спрашивает:

— Ежик, ежик, не видал ли, куда гуси полетели?

— Вон туда-то! — указал.

Побежала — стоит избушка на курьих ножках, стоит-поворачивается. В избушке сидит Баба-яга, морда жилиная, нога глиняная; сидит и братец на лавочке, играет золотыми яблочками. Увидела его сестра, подкралась, схватила и унесла; а гуси за нею в погоню летят; нагонят злодеи, куда деваться? Бежит молочная речка, кисельные берега.

— Речка-матушка, спрячь меня!

— Съешь моего киселика!

Нечего делать, съела. Речка ее посадила под бережок, гуси пролетели. Вышла она, сказала: «Спасибо!» и опять бежит с братцем; а гуси воротились, летят навстречу. Что делать? Беда! Стоит яблонь.

— Яблонь, яблонь-матушка, спрячь меня!

— Съешь мое лесное яблочко!

Поскорей съела. Яблонь ее заслонила веточками, прикрыла листиками; гуси пролетели. Вышла и опять бежит с братцем, а гуси увидели — да за ней; совсем налетают, уж крыльями бьют, того и гляди — из рук вырвут! К счастью, на дороге печка.

— Сударыня печка, спрячь меня!

— Съешь моего ржаного пирожка!

Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь, села в устьецо. Гуси полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели. А она прибежала домой, да хорошо еще, что успела прибежать, а тут и отец и мать пришли.

Иван Быкович

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Стали они Бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на прокормление; помолились, легли спать и уснули крепким сном.

Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златоперый ерш плавает; коли царица его скушает, сейчас может забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться.

Царь призвал рыбаков и строго наказал поймать ерша златоперого.

На заре пришли рыбаки на тихий пруд, закинули сети, и на их счастье с первою ж тонею* попался златоперый ерш. Вынули его, принесли во дворец; как увидела царица, не могла на месте усидеть, скоро к рыбакам подбегала, за руки хватала, большой казной* награждала; после позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша златоперого с рук на руки:

— На, приготовь к обеду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся.

Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на двор выставила; по двору ходила корова, те помои выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала.

И вот разом забрюхатели: и царица, и ее любимая кухарка, и корова, и разрешились все в одно время тремя сыновьями: у царицы родился Иван-царевич, у кухарки — Иван кухаркин сын, у коровы — Иван Быкович.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам; как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три молодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто — кухаркино и кто от коровы народился. Только по тому и различали их: как воротятся с гулянья, Иван-царевич просит белье переменить, кухаркин сын норовит съесть что-нибудь, а Иван Быкович прямо на отдых ложится.

По десятому году пришли они к царю и говорят:

— Любезный наш батюшка! Сделай нам железную палку в пятьдесят пудов.

Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов; те принялись за работу и в неделю сделали. Никто палки за один край приподнять не может, а Иван-царевич, да Иван кухаркин сын, да Иван Быкович между пальцами ее повертывают, словно перо гусиное.

Вышли они на широкий царский двор.

— Ну, братцы, — говорит Иван-царевич, — давайте силу пробовать: кому быть большим братом.

— Ладно, — отвечал Иван Быкович, — бери палку и бей нас по плечам.

Иван-царевич взял железную палку, ударил Ивана кухаркина сына да Ивана Быковича по плечам и вбил того и другого по колена в землю. Иван кухаркин сын ударил — вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю; а Иван Быкович ударил — вбил обоих братьев по самую шею.

— Давайте, — говорит царевич, — еще силу попытаем: станем бросать железную палку кверху; кто выше забросит — тот будет больший брат.

— Ну что ж, бросай ты!

Иван-царевич бросил — палка через четверть часа назад упала, Иван кухаркин сын бросил — палка через полчаса упала, а Иван Быкович бросил — только через час воротилась.

— Ну, Иван Быкович, будь ты большой* брат.

После того пошли они гулять по саду и нашли громадный камень.

— Ишь какой камень! Нельзя ль его с места сдвинуть? — сказал Иван-царевич, уперся

в него руками, возился, возился — нет, не берет сила.

Попробовал Иван кухаркин сын — камень чуть-чуть подвинулся. Говорит им Иван Быкович:

— Мелко же вы плаваете! Пойдите, я попробую.

Подошел к камню да как двинет его ногою — камень ажно* загудел, покотился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев. Под тем камнем подвал открылся, в подвале стоят три коня богатырские, по стенам висит сбруя ратная: есть на чем добрым молодцам разгуляться!

Тотчас побежали они к царю и стали проситься:

— Государь-батюшка! Благослови нас в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать.

Царь их благословил, на дорогу казной наградил; они с царем простились, сели на богатырских коней и в путь-дорогу пустились.

Ехали по долам, по горам, по зеленым лугам и приехали в дремучий лес; в том лесу стоит избушка на курячьих ножках, на бара-

ных рожках, когда надо — повертывается.

— Избушка, избушка, повернись к нам передом, к лесу задом; нам в тебя лезти, хлеба-соли ести.

Избушка повернулась. Добрые молодцы входят в избушку — на печке лежит Баба-яга Костяная Нога, из угла в угол, нос в потолок.

Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится.

— Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси: куда едем мы? Я добренько скажу.

Баба-ягаслезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко:

— Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?

— Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно Чудо-юдо живет.

— Ай да Ванюша! За дело хватился; ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покати.

Братья переночевали у Бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу.

Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено! Увидали они избушку, вошли в нее — пустехонька, и вздумали тут остановиться.

Пришло дело к вечеру. Говорит Иван Быкович:

— Братцы! Мы заехали в чужедальную сторону, надо жить нам с осторожкою; давайте по очереди на дозор ходить.

Кинули жеребий — доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую — Ивану кухаркину сыну, а третью — Ивану Быковичу. Отправился Иван-царевич на дозор, залез в кусты и крепко заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь — он тотчас готов был, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост. Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали — выезжает Чудо-юдо шестиглавое; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт* оцетинился. Говорит Чудо-юдо шестиглавое:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты,

воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, оцетинилась? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый молодец, еще не родился, а коли родился — так на войну не сгодился: я его на одну руку посажу, другой прихлопну — только мокренько будет!

Выскочил Иван Быкович:

— Не хвались, нечистая сила! Не поймав ясна сокола, рано перья щипать; не отведав добра молодца, нечего хулить его. А давай лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

Вот сошлись они — поравнялись, так жестоко ударились, что кругом земля простонала. Чуду-юду не посчастливилось: Иван Быкович с одного размаху сшиб ему три головы.

— Стой, Иван Быкович! Дай мне роздыху.

— Что за роздых! У тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем.

Снова они сошлись, снова ударились; Иван Быкович отрубил Чуду-юду и последние головы, взял туловище — рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку

вернулся. Поутру приходит Иван-царевич.

— Ну что, не видал ли чего?

— Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала.

На другую ночь отправился на дозор Иван кухаркин сын, забрался в кусты и заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь — он тотчас снарядился, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает Чудо-юдо девятиглавое; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт оцетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорта по ушам:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился — так на войну не сгодился: я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван Быкович:

— Погоди — не хвались, прежде Богу помолись, руки умой да за дело примись! Еще

неведомо — чья возьмет!

Как махнет богатырь своим острым мечом раз-два, так и снес у нечистой силы шесть голов; а Чудо-юдо ударил — по колена его в сыру землю вогнал.

Иван Быкович захватил горсть земли и бросил своему супротивнику прямо в очи. Пока Чудо-юдо протирал свои глазища, богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище — рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил.

Наутро приходит Иван кухаркин сын.

— Что, брат, не видал ли за́ ночь чего?

— Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал!

Иван Быкович повел братьев под калиновый мост, показал им на мертвые головы и стал стыдить:

— Эх вы, сони, где вам воевать? Вам бы дома на печи лежать!

На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович; взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям:

— Я на страшный бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит — ладно дело, если полная миска набежит — все ничего, а если через край польет — тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помощь мне.

Вот стоит Иван Быкович под калиновым мостом; пошло время за полночь, на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает Чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебряная, хвост и грива — золотые. Едет Чудо-юдо; вдруг под ним конь споткнулся; черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт оцетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорту по ушам:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился — так на войну не стодился: я только дуну — его и праху не останется!

Выскочил Иван Быкович:

— Погоди — не хвались, прежде Богу помолись!

— А, ты здесь! Зачем пришел?

— На тебя, нечистая сила, посмотреть, твоей крепости испробовать.

Куда тебе мою крепость пробовать? Ты муха передо мной!

Отвечает Иван Быкович:

— Я пришел с тобой не сказки рассказывать, а насмерть воевать.

Размахнулся своим острым мечом и срубил Чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватил эти головы, черкнул по ним своим огнен-

ным пальцем — и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали! Плохо пришлось Ивану Быковичу; Чудо-юдо стал одолевать его, по колена вогнал в сыру землю.

— Стой, нечистая сила! Цари-короли сражаются, и те замиренье делают; а мы с тобой ужли* будем воевать без роздыху? Дай мне роздыху хоть до трех раз.

Чудо-юдо согласился; Иван Быкович снял правую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица все окна побила, а его братья спят, ничего не слышат. В другой раз размахнулся Иван Быкович сильнее прежнего и срубил Чудо-юду шесть голов; Чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем — и опять все головы на местах, а Ивана Быковича забил он по пояс в сыру землю.

Запросил богатырь роздыху, снял левую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица крышу пробилла, а братья всё спят, ничего не слышат. В третий раз размахнулся он еще сильнее и срубил Чудо-юду девять голов; Чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем — головы опять приросли, а Ивана Быковича вогнал он в сыру землю по самые плечи.

Иван Быкович запросил роздыху, снял с себя шляпу и пустил в избушку; от того удара избушка развалилася, вся по бревнам раскатилася.

Тут только братья проснулись, глянули — кровь из миски через край льется, а богатырский конь громко ржет да с цепей рвется. Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами на помочь спешат.

— А! — говорит Чудо-юдо. — Ты обманом живешь; у тебя помочь есть.

Богатырский конь прибежал, начал бить его копытами; а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсек Чудо-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы: сшиб все до единой, туловище на мелкие части разнял и побросал все в реку Смородину.

Прибегают братья.

— Эх вы, сони! — говорит Иван Быкович. — Из-за вашего сна я чуть-чуть головой не поплатился.

Поутру ранешенько вышел Иван Быкович в чистое поле, ударился оземь и сделался воробышком, прилетел к белокаменным пала-

там и сел у открытого окошечка. Увидала его старая ведьма, посыпала зернышков и стала сказывать:

— Воробышек-воробей! Ты прилетел зернышков покушать, моего горя послушать. Насмеялся надо мной Иван Быкович, всех зятьев моих извел.

— Не горюй, матушка! Мы ему за все оплатим, — говорят Чудо-юдовы жены.

— Вот я, — говорит меньшая, — напущу голод, сама выйду на дорогу да сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорвет — тот сейчас лопнет.

— А я, — говорит середняя, — напущу жажду, сама сделаюсь колодезем; на воде будут две чаши плавать: одна золотая, другая серебряная; кто за чашу возьмется — того я утоплю.

— А я, — говорит старшая, — сон напущу, а сама перекинусь золотой кроваткою; кто на кроватке ляжет — тот огнем сгорит.

Иван Быкович выслушал эти речи, полетел назад, ударился оземь и стал по-прежнему добрым молодцем.

Собрались три брата и поехали домой.

Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь — стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками; Иван-царевич да Иван кухаркин сын пустились было яблочки рвать, да Иван Быкович наперед заскакал и давай рубить яблоню крест-накрест — только кровь брызжет! То же сделал он и с колодезем и с золотою кроваткою. Сгибли Чудо-юдовы жены.

Как проведала о том старая ведьма, нарядилась нищенкой, выбежала на дорогу и стоит с котомкою. Едет Иван Быкович с братьями; она протянула руку и стала просить милостыни.

Говорит царевич Ивану Быковичу:

— Братец! Разве у нашего батюшки мало золотой казны? Подай этой нищенке святую милостыню.

Иван Быкович вынул червонец и подает старухе; она не берет за деньги, а берет его за руку и вмиг с ним исчезла. Братья оглянулись — нет ни старухи, ни Ивана Быковича, и со страху поскакали домой, хвосты поджавши. А ведьма утащила Ивана Быковича в подземелье и привела к своему мужу — старому

старику.

— На тебе, — говорит, — нашего погубителя!

Старик лежит на железной кровати, ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают. Позвал он двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать:

— Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы черные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?

Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами; старик взглянул:

— Ай да молодец Ванюша! Дак это ты взял смелость с моими детьми управиться! Что ж мне с тобою делать?

— Твоя воля, что хочешь, то и делай; я на все готов.

— Ну да что много толковать, ведь детей не поднять; сослужи-ка мне лучше службу: съезди в невиданное царство, в небывалое государство и достань мне царицу золотые кудри, я хочу на ней жениться.

Иван Быкович про себя подумал: «Куда тебе, старому черту, жениться, разве мне,

мóлодцу!»

А старуха взбесилась, навязала камень на шею, бултых в воду и утопилась.

— Вот тебе, Ванюша, дубинка, — говорит старик, — ступай ты к такому-то дубу, стукни в него три раза дубинкою и скажи: «Выйди, корабль! Выйди, корабль! Выйди, корабль!» Как выйдет к тебе корабль, в то самое время отдай дубу трижды приказ, чтобы он затворился; да смотри не забудь! Если этого не сделаешь, причинишь мне обиду великую.

Иван Быкович пришел к дубу, ударяет в него дубинкою бессчетное число раз и призывает:

— Все, что есть, выходи!

Вышел первый корабль; Иван Быкович сел в него, крикнул:

— Все за мной! — и поехал в путь-дорогу.

Отъехав немного, оглянулся назад — и видит: сила несметная кораблей и лодок! Все его хвалят, все благодарят.

Подъезжает к нему старичок в лодке:

— Батюшка Иван Быкович, много лет тебе здравствовать! Прими меня в товарищи.

— А ты что умеешь?

— Умею, батюшка, хлеб есть.

Иван Быкович сказал:

— Фу, прѳпасть! Я и сам на это горазд; однако садись на корабль, я добрым товарищам рад.

Подъезжает в лодке другой старичок:

— Здравствуй, Иван Быкович! Возьми меня с собой.

— А ты что умеешь?

— Умею, батюшка, вино-пиво пить.

— Нехитрая наука! Ну да полезай на корабль.

Подъезжает третий старичок:

— Здравствуй, Иван Быкович! Возьми и меня.

— Говори: что умеешь?

— Я, батюшка, умею в бане париться.

— Фу, лихая те побери! Эки, подумаешь, мудрецы!

Взял и этого; а тут еще лодка подъехала; говорит четвертый старичок:

— Много лет здравствовать, Иван Быкович! Прими меня в товарищи.

— Да ты кто такой?

— Я, батюшка, звездочет.

— Ну, уж на это я не горазд; будь моим товарищем.

Принял четвертого, просится пятый старичок.

— Прах вас возьми! Куды мне с вами деваться? Сказывай скорей: что умеешь?

— Я, батюшка, умею ершом плавать.

— Ну, милости просим!

Вот поехали они за царицей золотые кудри.

Приезжают в невиданное царство, небывалое государство; а там уже давно сведали, что Иван Быкович будет, и целые три месяца хлеб

пекли, вино курили, пиво варили. Увидал Иван Быкович несчетное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива; удивляется и спрашивает:

— Что б это значило?

— Это все для тебя наготовлено.

— Фу, про́пасть! Да мне столько в целый год не съесть, не выпить.

Тут вспомнил Иван Быкович про своих товарищей и стал вызывать:

— Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас пить-есть понимает?

Отзываются Обьедайло да Опивайло:

— Мы, батюшка! Наше дело ребячье.

— А ну, принимайтесь за работу!

Подбежал один старик, начал хлеб поедать: разом в рот кидает не то что караваями, а целыми возами. Все приел и ну кричать:

— Мало хлеба; давайте еще!

Подбежал другой старик, начал пиво-вино пить, всё выпил и бочки проглотил.

— Мало! — кричит. — Подавайте еще!

Засуетилась прислуга, бросилась к царице с докладом, что ни хлеба, ни вина не достало.

А царица золотые кудри приказала вести Ивана Быковича в баню париться. Та баня топилась три месяца и так накалена была, что за пять верст нельзя было подойти к ней. Стали звать Ивана Быковича в баню париться; он увидал, что от бани огнем пышет, и говорит:

— Что вы, с ума сошли? Да я сторю там!
Тут ему опять вспомнилось:

— Ведь со мной товарищи есть! Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас умеет в бане париться?

Подбежал старик:

— Я, батюшка! Мое дело ребячье.

Живо вскочил в баню, в угол дунул, в другой плюнул — вся баня остыла, а в углах снег лежит.

— Ох, батюшки, замерз, топите еще три года! — кричит старик что есть мочи.

Бросилась прислуга с докладом, что баня совсем замерзла, а Иван Быкович стал требовать, чтоб ему царицу золотые кудри выдали. Царица сама к нему вышла, подала свою белую руку, села на корабль и поехала. Вот плывут они день и другой; вдруг ей сделалось грустно, тяжело — ударила себя в грудь, оборотилась звездой и улетела на небо.

— Ну, — говорит Иван Быкович, — совсем пропала! — Потом вспомнил: — Ах, ведь у меня есть товарищи. Эй, старички-молодцы! Кто из вас звездочет?

— Я, батюшка! Мое дело ребячье, — отвечал старик, ударился оземь, сделался сам звездой, полетел на небо и стал считать звезды; одну нашел лишнюю и ну толкать ее! Сорвалась звездочка с своего места, быстро покатила по небу, упала на корабль и оберну-

лась царицею золотые кудри.

Опять едут день, едут другой; нашла на царицу грусть-тоска, ударила себя в грудь, оборотилась щукою и поплыла в море. «Ну, теперь пропала!» — думает Иван Быкович, да вспомнил про последнего старичка и стал его спрашивать:

— Ты, что ль, горазд* ершом плавать?

— Я, батюшка, мое дело ребячье! — ударился оземь, оборотился ершом, поплыл в море за щукою и давай ее под бока колоть.

Щука выскочила на корабль и опять сделалась царицею золотые кудри.

Тут старички с Иваном Быковичем распростились, по своим домам пустились; а он поехал к Чудо-юдову отцу.

Приехал к нему с царицею золотые кудри; тот позвал двенадцать могучих богатырей, велел принести вилы железные и поднять ему брови и ресницы черные. Глянул на царицу и говорит:

— Ай да Ванюша! Молодец! Теперь я тебя прощу, на белый свет отпущу.

— Нет, погоди, — отвечает Иван Быкович, — не подумавши сказал!

— А что?

— Да у меня приготовлена яма глубокая, через яму лежит жердочка; кто по жердочке пройдет, тот за себя и царицу возьмет!

— Ладно, Ванюша! Ступай ты наперед.

Иван Быкович пошел по жердочке, а царица золотые кудри про себя говорит: «Легче пуху лебединого пройди!»

Иван Быкович прошел — и жердочка не погнулась; а старый старик пошел — только на середину ступил, так и полетел в яму.

Иван Быкович взял царицу золотые кудри и воротился домой; скоро они обвенчались и задали пир на весь мир. Иван Быкович сидит за столом да своим братьям похваляется:

— Хоть долго я воевал, да молодую жену достал! А вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи!

На том пиру и я был, мед-вино пил, по усам текло, да в рот не попало; тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча́. Я не пил, не ел, вздумал утираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!

Иван крестьянский сын и мужичок сам с пёрст, усы на семь вёрст

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя на дворе был столб, а в этом столбе три кольца: одно золотое, другое серебряное, а третье медное. В одну ночь царю привиделся такой сон: будто

у золотого кольца был привязан конь — что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц. Поутру встал он и приказал клич кликать: кто этот сон рассудит и коня того достанет, за того свою дочь отдам и половину царства в придачу. Собралось на царский клич множество князей, бояр и всяких господ; думали-думали — никто не может сна растолковать, никто не берется коня достать.

Наконец доложили царю, что у такого-то нищего старичка есть сын Иван, который может сон растолковать и коня достать. Царь приказал призвать его. Призвали Ивана. Спрашивает его царь:

— Рассудишь ли ты мой сон и достанешь ли коня?

Иван отвечает:

— Расскажи наперед, что за сон и какой тебе конь надобен?

Царь говорит:

— В прошлой ночи привиделось мне, будто у золотого кольца на моем дворе был привязан конь — что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц.

— Это не сон, а быль; потому что в про-

шлюю ночь на этом коне приезжал к тебе двенадцатиглавый змей и хотел царевну украсть.

— А можно ли достать этого коня?

Иван отвечает:

— Можно — только тогда, как минет мне пятнадцать лет.

В то время было Ивану только двенадцать годочков; царь взял его во дворец, кормил и поил до пятнадцати.

Вот как минуло Ивану пятнадцать лет, сказал он царю:

— Давай, государь, мне коня, на котором можно б доехать до того места, где змей находится.

Царь повел его в конюшни и показал всех своих лошадей; только он не мог ни одной выбрать по своей силе и тяжести: как наложит на которую лошадь свою богатырскую руку, та и упадет. И сказал он царю:

— Пусти меня в чистое поле поискать себе под силу коня.

Царь его отпустил.

Иван крестьянский сын три года искал, нигде не мог сыскать. Идет со слезами обрат-

но к царю. Попадается ему навстречу старичок и спрашивает:

— Что ты, парень, плачешь?

Он ему на спрос грубо отвечал, просто-напросто от себя прогнал; старик молвил:

— Смотри, малый, не помяни меня.

Иван немного отошел от старика, подумал сам с собою: «За что я старика обидел? Старые люди много знают». Воротился, догнал старика, упал ему в ноги и сказал:

— Дедушка, прости меня, со кручины тебя обидел. Я плачу вот о чем: три года ходил я по полю по разным табунам — нигде не мог сыскать по себе коня.

Старик отвечает:

— Поди в такое-то село, там у мужичка на конюшне стоит кобыла, а от той кобылы родился паршивый жеребенок; ты возьми его и выкорми: он тебе будет под силу.

Иван поклонился старику и пошел в село.

Приходит к мужику прямо в конюшню, увидал кобылу с паршивым жеребенком и наложил на того жеребенка руку. Жеребенок нимало не поробил*; взял он его у крестьянина, покормил несколько времени, приехал к

царю и рассказал ему, как добыл себе коня. Потом стал сряжаться в гости к змею. Царь спросил:

— Сколько тебе, Иван крестьянский сын, надобно силы?

Отвечает Иван:

— На что мне твоя сила? Я один могу достать; разве только для посылок дай человек шесть.

Дал ему царь шесть человек; вот они собрались и поехали.

Долго ли, коротко ли они ехали — никому не ведомо; ведомо только то, что приехали они к огненной реке, через реку мост лежит, а кругом реки огромный лес. В том лесу раскинули они шатер, достали разных напитков, начали пить, есть, веселиться. Иван крестьянский сын говорит товарищам:

— Давайте, ребята, каждую ночь поочередно караулить: не будет ли кто проезжать через эту реку?

И случилось так: кто ни пойдет из его товарищей караул держать, всякий напьется с вечера пьян и ничего не видит.

Наконец пошел караулить Иван крестьян-

ский сын; смотрит: в самую полночь едет через реку змей о трех головах и подает голос:

— Нет мне ни спорщика, ни наговорщика: есть разве один спорщик и наговорщик — Иван крестьянский сын, да и того ворон в пузыре* костей не заносил!

Иван крестьянский сын из-под моста выскочил:

— Врешь ты! Я здесь.

— А если здесь, то давай поспорим.

И выехал змей против Ивана на коне, а Иван выступил пеший, размахнулся своей саблею и срубил змею все три головы, а коня себе взял и привязал у шатра.

На другую ночь Иван крестьянский сын убил шестиглавого змея, на третью ночь девятиглавого и побросал их в огненную реку. А как пошел караулить на четвертую ночь, то приехал к нему двенадцатиглавый змей и стал говорить гневно:

— Кто таков Иван крестьянский сын? Сейчас выходи ко мне! Зачем побил моих сыновей?

Иван крестьянский сын выступил и сказал:

— Позволь мне наперед сходить к своему шатру; а после сражаться будем.

— Хорошо, ступай!

Иван побежал к товарищам:

— Ну, ребята, вот вам таз, смотрите в него; когда он полон нальется крови, приезжайте ко мне.

Воротился и стал против змея, и когда они разошлись и ударились, то Иван с первого раза срубил у змея четыре головы, а сам по колена в землю ушел; во второй раз разошлись — Иван три головы срубил, а сам по пояс в землю ушел; в третий раз разошлись — еще три головы отсек, сам по грудь ушел; наконец одну срубил — по шейку ушел. Тогда только вспомянули про него товарищи, посмотрели в таз и увидели, что кровь через край льется; прибежали и срубили у змея последнюю голову, а Ивана из земли вытащили. Иван крестьянский сын взял змеиного коня и увел к шатру.

Вот прошла ночь, настает утро; начали добрые молодцы пить, есть, веселиться. Иван крестьянский сын встал от веселья и сказал своим товарищам:

— Вы, ребята, меня подождите! — а сам оборотился котом, пошел по мосту через огненную реку, пришел в тот дом, где змеи жили, и стал дружить с тамошними кошками. А в целом доме осталось в живых только сама змеиха да три ее снохи; сидят они в горнице и говорят между собою:

— Как бы нам злодея Ивана крестьянского сына сгубить?

Малая сноха говорит:

— Куда бы ни поехал Иван крестьянский сын, сделаю на пути голод, а сама оборочусь яблоней; как он съест яблочко, сейчас разорвет его!

Средняя сказала:

— А я на пути их сделаю жажду и оборочусь колодцем; пусть попробует выпить!

Старшая сказала:

— А я наведу сон, а сама сделаюсь кроватью; если Иван крестьянский сын ляжет, то сейчас помрет!

Наконец сама свекровь сказала:

— А я разину пасть свою от земли до неба и всех их пожру!

Иван крестьянский сын выслушал все, что

они говорили, вышел из горницы, оборотился человеком и пришел к своим товарищам:

— Ну, ребята, сряжайтесь в путь!

Собрались, поехали в путь, и в первый раз на пути сделался ужасный голод, так что нечего было перекусить; видят они — стоит яблоня; товарищи Ивановы хотели нарвать яблоков, но Иван не велел.

— Это, — говорит, — не яблоня! — и начал ее рубить; из яблони кровь пошла.

Во второй раз напала на них жажда; Иван увидал колодец, не велел пить, начал его рубить — из колодца кровь потекла. В третий раз напал на них сон; стоит на дороге кровать, Иван и ее изрубил. Подъезжают они к пасти, разинутой от земли до неба; что делать? Вздумали с разлету через пасть скакать. Никто не мог перескочить; только перескочил один Иван крестьянский сын: вынес его из беды чудесный конь — что ни шерстинка, то серебрянка, а во лбу светел месяц.

Приехал он к одной реке; у той реки стоит избенка. Тут попадается ему навстречу мужичок сам с пёрст, усы на семь вёрст и говорит ему:

— Отдай мне коня; а коли не отдашь честью, то насилкой возьму!

Отвечает Иван:

— Отойди от меня, проклятый гад, покуда ва тебя конем не раздавил!

Мужичок сам с пёрст, усы на семь вёрст сшиб его наземь, сел на коня и уехал. Входит Иван в избенку и сильно о коне тужит. В той избенке лежит на печи безногий-безрукий и говорит Ивану:

— Послушай, добрый молодец — не знаю, как тебя по имени назвать, — зачем ты связывался с ним бороться? Я не этакий был богатырь, как ты; да и то он у меня и руки и ноги отъел!

— За что?

— А за то, что я у него на столе хлеб поел!

Иван начал спрашивать, как бы назад коня достать? Говорит ему безногий-безрукий:

— Ступай на такую-то реку, сними перевоз, три года перевозки, ни с кого денег не бери; разве тогда достанешь!

Иван крестьянский сын поклонился ему, пошел на реку, снял перевоз и целых три года перевозил безденежно. Однажды случилось

ему перевозить трех старичков, они дают ему денег, он не берет.

— Скажи, добрый молодец, почему ты денег не берешь?

Он отвечает:

— По обещанию.

— По какому?

— У меня ехидный человек коня отбил; так меня добрые люди научили, чтоб я перевоз снял да три года ни с кого денег не брал.

Старички сказали:

— Пожалуй, Иван крестьянский сын, мы готовы тебе услужить — твоего коня достать.

— Помогите, родимые!

Старички были не простые люди: это был Студенец, Обжора и колдун. Колдун вышел на берег, нарисовал на песке лодку и говорит:

— Ну, братцы, видите вы эту лодку?

— Видим!

— Садитесь в нее.

Сели все четверо в эту лодку. Говорит колдун:

— Ну, легкая лодочка, сослужи мне службу, как прежде служила.

Вдруг лодка поднялась по воздуху и мигом,

словно стрела, из лука пущенная, привезла их к большой каменистой горе. У той горы дом стоит, а в доме живет сам с пёрст, а усы на семь вёрст. Послали старики Ивана коня спрашивать. Иван начал коня просить; мужичок сам с пёрст, усы на семь вёрст сказал ему:

— Украдь у царя дочь и привези ко мне, тогда отдам коня.

Иван сказал про то своим товарищам, и тотчас они его оставили, а сами к царю отправились. Приезжают; царь узнал, почто они приехали, и приказал слугам баню истопить, докрасна накалить: пусть де задóхнутся! После попросил гостей в баню: они поблагодарили и пошли. Колдун велел наперед Студенцу идти. Студенец вошел в баню и прохладил; вот они вымылись, выпарились и пошли к царю. Царь приказал большой обед подавать; множество всяких яств на стол было подано. Обжора принялся и всё поел. Ночью собрались гости потихоньку, украли царевну, привезли к мужику сам с пёрст, усы на семь вёрст; царевну ему отдавали, а коня выручали.

Иван крестьянский сын поклонился ста-

ричкам, сел на коня и поехал к царю. Ехал-ехал, остановился в чистом поле отдохнуть, разбил шатер и лег опочив держать. Проснулся, хватъ — подле него царевна лежит. Он обрадовался, начал ее спрашивать:

— Как сюда угодила?

Царевна сказала:

— Я оборотилась булавкою да в твой воротник воткнулась.

В ту ж минуту оборотилась она опять булавкою; Иван крестьянский сын воткнул ее в воротник и поехал дальше. Приезжает к царю; царь увидал чуждого коня, принимает доброго молодца с честью и рассказывает, как у него дочь украли. Иван говорит:

— Не горюй, государь! Я ее назад привез.

Вышел в другую комнату; царевна оборотилась красной девицей. Иван взял ее за руку и привел к царю. Царь еще больше возрадовался, взял себе коня, а дочь отдал замуж за Ивана крестьянского сына. Иван и поныне живет с молодой женою.

Семь Семенов

В одном месте у мужика было семь сынов, Семь Семенов — все молодец молодца лучше, а такие лентяи, неработицы — во всем свете поискать! Ничего не делали. Отец мучился, мучился с ними и повез к царю; привозит туда, сдает всех в царскую службу. Царь поблагодарил его за таких молодцов и спросил, что они умеют делать.

— У самих спросите, ваше царско величество!

Царь наперво созвал большого Семена, спросил:

— Чего ты умеешь делать?

— Воровать, ваше царско величество.

— Ладно; мне такой человек на время надобен.

Созвал второго:

— А ты чего?

— Я умею ковать всяки дороги вещи.

— Мне и такой человек надобен.

Созвал третьего Семена, спрашивает:

— А ты чего умеешь делать?

— Я умею стрелять на лету птицу, ваше

царско величество.

— Ладно!

Спрашивает четвертого:

— А ты чего?

— Если стрелец подстрелит птицу, я вместо собаки сплаваю за ней и притащу.

— Ладно! — говорит царь. — А ты чему мастер? — спросил пятого.

— Я буду смотреть с высокого места во все царства и стану сказывать, где чего делается.

— Хорошо, хорошо!

Спросил шестого.

— Я знаю делать корабли; только тяп-ляп, у меня и будет корабль.

— Хорошо, а ты чего знаешь? — спросил седьмого.

— Я умею лечить людей.

— Ладно!

Царь отпустил их. Живут долго уж; царь и вздумал попытать одного Семена:

— Ну-ка, Семен, узнай, где чего делается?

Семен забился куда-то наверх, посмотрел по сторонам и рассказал:

— Тут вот то-то делается, там — то-то.

После сличили с газетами — точно так!

Прошло опять много время; царь вздумал жениться на одной царевне: как ее достать? Не знат, некого послать! И вспомнил семь Семенов, сóзвал их, дал службу: достать эту царевну; дал им сколько-то солдатства.

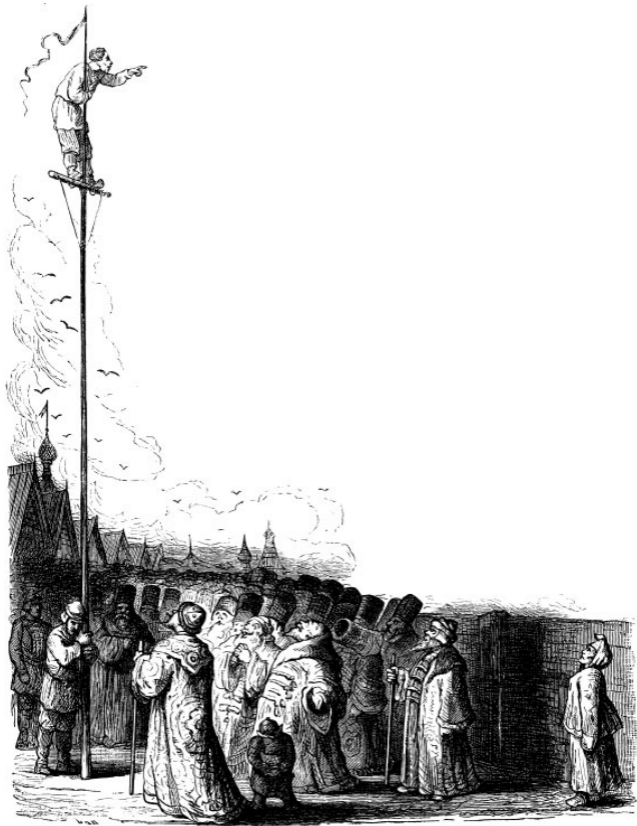
Семены скоро собрались, все мастера — тят да ляп, и сделали корабь, сели и поплыли.

Подплывают под то царство, где была невеста-царевна; один посмотрел с высокого шеста, сказал, что царевна теперь одна — украсть можно; другой сковал какие-то самые дорогие вещи, и пошли с вором продавать: только дошли, вор тотчас и украл царевну. Отсекли якоря, поплыли.

Царевна видит, что ее везут, обернулась белой лебедью и полетела с корабля.

Стрелец не оробел, схватил ружье, стрелил и попал ей в левое крыло; вместо собаки кинулся другой Семен, схватил лебедь на́ море и принес на корабь. Лебедь обернулась опять царевной, только левая рука у нее была подстрелена. Лекарь у них свой, тотчас руку у царевны вылечил.

Приехали к своему царству здоровы, благополучны, выстрелили из пушки. Царь услы-

шал, и забыл уж про Семенов — думат: что за корабль пришел там?

— Поди-ка, — говорит, — сбегайте, узнайте там.

Кто-то сбегал ли, съездил ли; сколь скоро доложили царю о семи Семенах вместе с царской невестой — он обрадовался Семеновым трудам, приказал встретить их с честью, с пушечной пальбой, с барабанным боем.

Только царевна не пошла за царя взамуж: он был уж стар. Он ее и спросил, за кого она хочет выйти. Царевна говорит:

— За того, кто меня воровал! — а вор Сенька был бравый детина, царевне поглянулся*.

Царь, не говоря больше ни слова, приказал их обвенчать; потом сам захотел на покой, Семена поставил на свое место, а братовой его сделал всех большими боярами.

Никита Кожемяка

Около Киева проявился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмет девку да и съест ее. Пришел черед идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил ее к себе в берлогу, а есть ее не стал: красавица собой была, так за жену себе взял. Полетит змей на свои промыслы, а царевну завалит бревнами, чтоб не ушла. У той царевны была собачка, увязалась с нею из дому. Напишет, бывало, царевна записочку к батюшке с матушкой, навяжет собачке на шею; а та побежит куда надо, да и ответ еще принесет.

Вот раз царь с царицею и пишут к царевне: узнай, кто сильнее змея?

Царевна стала приветливей к своему змею, стала у него допытываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и проболтался, что живет в городе Киеве Кожемяка — тот и его сильнее.

Услыхала про то царевна, написала к батюшке: сыщите в городе Киеве Никиту Кожемяку да пошлите его меня из неволи выру-

чать.

Царь, получивши такую весть, сыскал Никиту Кожемяку да сам пошел просить его, чтобы освободил его землю от лютого змея и выручил царевну.

В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож; как увидал он, что к нему пришел сам царь, задрожал со страху, руки у него затряслись — и разорвал он те двенадцать кож. Да сколько ни упрашивал

царь с царицею Кожемяку, тот не пошел супротив змея.

Вот и придумали собрать пять тысяч детей малолетних, да и заставили их просить Кожемяку: авось на их слезы сжалобится!

Пришли к Никите малолетние, стали со слезами просить, чтоб шел он супротив змея. Прослезился и сам Никита Кожемяка, на их слезы глядя. Взял триста пуд пеньки, насмолил смолою и весь-таки обмотался, чтобы змей не съел, да и пошел на него.

Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей заперся и не выходит к нему.

— Выходи лучше в чистое поле, а то и берлогу размечу! — сказал Кожемяка и стал уже двери ломать.

Змей, видя беду неминуемую, вышел к нему в чистое поле.

Долго ли, коротко ли бился с змеем Никита Кожемяка, только повалил змея. Тут змей стал молить Никиту:

— Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильней нас с тобой в свете нет; разделим всю землю, весь свет поровну: ты будешь жить в одной половине, а я в другой.

— Хорошо, — сказал Кожемяка, — надо между проложить.

Сделал Никита соху в триста пуд, запряг в нее змея, да и стал от Киева между пропахивать; Никита провел борозду от Киева до моря Кавстрийского.

— Ну, — говорит змей, — теперь мы всю землю разделили!

— Землю разделили, — проговорил Никита, — давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут.

Взъехал змей на середину моря. Никита Кожемяка убил и утопил его в море.

Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двух сажен. Кругом ее пашут, а борозды не трогают; а кто не знает, от чего эта борозда, — называет ее валом.

Никита Кожемяка, сделавши святое дело, не взял за работу ничего, пошел опять кожи мять.

Солдат избавляет царевну

Загнали солдата на дальние границы; прослужил он положенный срок, получил чистую отставку и пошел на родину. Шел он чрез многие земли, чрез разные государства; приходит в одну столицу и останавливается на квартире у бедной старушки. Начал ее расспрашивать:

— Как у вас, баушка, в государстве — все ли здорово?

— И-и, служивый! У нашего царя есть дочь-красавица Марфа-царевна; сватался за нее чужестранный принц; царевна не захотела за него идти, а он напустил на нее нечистую силу. Вот уж третий год не может*! Не дает ей нечистая сила по ночам покою; бьется сердечная и кричит без памяти... Уж чего царь не делает: и колдунов и знахарей приводил — никто не избавил!

Выслушал это солдат и думает сам с собой: «Дай пойду, счастья попытаю; может, и избавлю царевну! Царь хоть что-нибудь на дорогу пожалует». Взял шинель, вычистил пуговицы мелом, надел и марш во дворец. Увидала его придворная прислуга, узнала, зачем идет, подхватила под руки и привела к самому ца-

рю.

— Здравствуй, служба! Что хорошего скажешь? — говорит царь.

— Здравия желаю, ваше царское величество! Слышал я, что у вас Марфа-царевна хворает; я могу ее вылечить.

— Хорошо, братец! Коли вылечишь, я тебя с ног до головы золотом осыплю.

— Только прикажите, ваше величество, выдавать мне все, что требовать стану.

— Говори, что тебе надобно?

— Да вот дайте мне меру чугунных пуль, меру грецких орехов, фунт свечей и две колоды карт да изладьте мне чугунный прут, чугунную царапку о пяти зубьях да чугунное подобие человека с пружинами.

— Ну, хорошо; к завтраму все будет готово.

Вот изготовили, что надо; солдат запер во дворце все окна и двери накрепко и закрестил их православным крестом, только одну дверь оставил незапертой и стал возле нее на часах; комнату осветил свечами, на стол положил карты, а в карманы насыпал чугунных пуль да грецких орехов. Управился и ждет. Вдруг в самую полночь прилетел нечистый

дух: куда ни сунется — не может войти! Летал-летал кругом дворца и увидал, наконец, отворёну дверь; скинулся* человеком и хочет войти.

— Кто идет? — окликнул солдат.

— Пусти, служивый! Я придворный лакей.

Где же ты, халдейская харя, до сих пор таскался?

— А где был, там теперь нету! Дайка мне орешков погрызть!

— Много вас тут, халдеев! Всех по ореху оделить, самому ничего не останется.

— Дай, пожалуйста!

— Ну, возьми! — и дает ему пулю.

Черт взял в рот пулю, давил, давил зубами, в лепешку ее смял, а разгрызть — не разгрыз. Пока он с чугунною пулей возился, солдат орехов с двадцать разгрыз да съел.

— Эх, служивый, — говорит черт, — крепки у тебя зубы!

— Плох ты, я вижу! — отвечал солдат. — Ведь я двадцать пять лет царю прослужил, над сухарями зубы притупил, а ты б посмотрел, каков с молодых годов я был!

— Давай, служивый, в карты играть.

— А на что играть-то станем?

— Известно — на деньги.

— Ах ты, халдейская харя! Ну, какие у солдата деньги? Он всего жалованья — три денежки в сутки получает, а надо ему и мыла, и ваксы, и мелу, и клею купить и в баню сходить. Хочешь — на щелчки играть?

— Пожалуй!

Начали на щелчки играть. Черт наиграл на солдата три щелчка.

— Давай, — говорит, — бить стану!

— Догоняй до десятку, тогда и бей; из трех щелчков нечего и рук марать!

— Ладно!

Стали опять играть; пришел солдату крестовый хлюст*, и нагнал он на нечистого десять щелчков.

— Ну-ка, — говорит черту, — подставляй свой лоб; я покажу тебе, каково с нашим братом на щелчки играть! По-солдатски урежу! И другу и недругу закажешь!..

Черт взмолился, просит, чтоб солдат полегче его бил.

— То-то! С вами, халдеями, только свяжись, сам не рад будешь; как дело к расче-

ту — так сейчас и отлынивать! А мне никоим способом нельзя тебя пощадить; я — солдат и давал присягу всегда поступать верою-правдою.

— Возьми, служивый, деньгами!

— А на что мне твои деньги? Я играл на щелчки — щелчками и плати. Разве вот что: есть у меня меньшей брат, пойдём-ка к нему — он пробьёт тебе щелчки потише моего; а если не хочешь, давай я сам стану бить!

— Нет, служивый, веди лучше к меньшому брату.

Солдат привел нечистого к чугунному человеку, тронул за пружину да как щелкнет черта по лбу — тот ажно* в другую стену отлетел; а солдат ухватил его за руку:

— Стой! Еще девять щелчков за тобою.

Тронул в другой раз пружину да так урезал, что черт кубарем покатился да чуть-чуть стены не пробил! А в третий раз отбросило нечистого прямо в окно; вышиб он раму, выскочил вон и наострил лыжи.

— Помни, проклятый, — кричит солдат, — за тобой еще семь щелчков осталось!

А черт-то улепетывает, аж пятками в зад

достаает.

Наутро спрашивает царь Марфу-царевну:

— Ну что — какво ночь проводила?

— Спокойно, государь-батюшка!

На другую ночь отрядил Сатана во дворец иного черта; вишь, они ходили стращать да мучить царевну по очереди. Досталось и этому на орехи! В тринадцать ночей перебивало у солдата тринадцать нечистых в переделке, и всем равно туго пришлось! Ни один в другой раз идти не хочет.

— Ну, внучки, — говорит им дедушка-Сатана, — я сам теперь пойду.

Пришел Сатана во дворец и ну с солдатом разговаривать; то-другое, пятое-десятое, стали в карты играть; солдат обыграл его и повел к меньшому брату щелчками угощать. Привел, подавил пружины, меньшей брат обхватил Сатану чугунными руками да так-таки плотно, что ему ни взад, ни вперед нельзя пошевелиться. Солдат схватил чугунный прут и давай хлестать; бьет Сатану да приговаривает:

— Вот тебе в карты играть! Вот тебе Марфу-царевну мучить!

Исхлестал чугунный прут и взялся царап-

кой строгать: Сатана благим матом ревет, а солдат знай себе дерет, и так его донял, что тот как вырвался — без оглядки убежал! Вернулся в свое болото, охает:

— Ах, внушки, чуть было солдат до смерти не убил!

— То-то, дедушка! Вишь он какой мудреный! Вот уж две недели, как я во дворце был, а все голова трещит! Да еще спасибо, что не сам бил, а меньшого брата заставлял!

Вот стали черти придумывать, как бы выжить им из дворца этого солдата. Думали-думали и решились золотом откупиться. Прибежали к солдату разом все; тот увидал, испугался и закричал громким голосом:

— Эй, брат, ступай сюда скорее, должники пришли, надо щелчки давать.

— Полно, полно, служивый! Мы пришли к тебе о деле потолковать; сколько хочешь возьми с нас золота — только выйди из дворца!

— Нет! Что мне золото! Уж коли хотите услужить мне, так полезайте все в ранец; я слышал, что нечистая сила больно хитра — хоть в щель, и то влезет! Вот коли это сделае-

те — право слово, уйду из дворца!

Черти обрадовались:

— Ну, служивый, открывай свой ранец.

Солдат открыл; они и полезли туда все до единого, Сатана сверху лег.

— Укладывайтесь плотнее, — говорит солдат, — чтоб можно было на все пряжки застегнуть.

— Застегивай, не твоя печаль!

— Счастье вам, коли застегну! А не то не прогневайтесь, ни за что из дворца не выйду.

Вот солдат взял застегнул ранец на все пряжки, перекрестил его, надел на себя и пошел к царю:

— Ваше царское величество! Прикажете изготовить тридцать железных молотов, каждый молот в три пуда.

Царь отдал приказ; сейчас изготовили тридцать молотов. Солдат принес ранец в кузницу, положил на наковальню и велел бить как можно сильнее. Плохо пришлось чертям, а вылезть никак нельзя! Угостил их солдат на славу!

— Теперь довольно!

Вскинул ранец на плечи и явился к царю с

докладом: «Служба-де моя кончена; больше нечистая сила не станет царевны тревожить».

Царь поблагодарил его:

— Молодец, служивый! Ступай гуляй по всем кабакам и трактирам, требуй, что только душе угодно; ни в чем тебе нет запрету!

И приставил к нему царь двух писарей, чтобы всюду за ним ходили да записывали на казенный счет, где сколько солдат нагуляет. Вот он гулял-гулял, целый месяц прогулял и пошел к царю.

— Что, служба, нагулялся?

— Нагулялся, ваше величество! Хочу домой идти.

— Что ты! Оставайся-ка у нас; я тебя первым человеком сделаю.

— Нет, государь, хочется повидать своих сродников*.

— Ну, ступай с Богом! — сказал царь, дал ему повозку, лошадей и денег столько, что в целый век не прожить.

Поехал солдат на родину; пристал* дорогою в какой-то деревне и увидал знакомого солдата — в одном полку служили.

— Здравствуй, брат!

— Здравствуй!

— Как поживаешь?

— Все по-старому!

— А мне Господь счастье дал: вдруг разбогател! На радостях надо бы выпить: сбегай-ка, брат, купи ведерку вина.

— Рад бы сбегать, да, вишь, у меня скотинка еще не убрана; потрудись, сходи сам — кабак вот, недалече!

— Ладно; а ты возьми мой ранец, положи в избе да накажи бабам, чтоб не трогали!

Отправился наш солдат за вином, а земляк его принес ранец в избу и говорит бабам:

— Не трожьте!

Пока убирал он скотину, бабам не терпится:

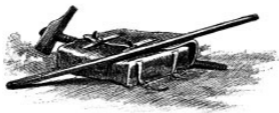
— Дай посмотрим, что такое в ранце наложено?

Принялись расстегивать — как выскочат оттуда черти с шумом да с треском; двери с крючьев посбивали и ну бежать! А навстречу им солдат с ведеркою:

— Ах, проклятые! Кто вас выпустил?

Черти испугались и бросились в буковиче* под мельницу, да там навсегда и остались. Солдат пришел в избу, разбранил баб и давай гулять со старым товарищем; а после

приехал на родину и зажил богато и счастливо.

Марья Моревна

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич; у него было три сестры: одна — Марья-царевна, другая — Ольга-царевна, третья — Анна-царевна. Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали: «Кто первый за твоих сестер станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго!»

Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад погулять.

Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная.

— Пойдемте, сестрицы, домой! — говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол; ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

Коли люб ты сестрице, я ее не унимаю — пусть с Богом идет!

Марья-царевна согласилась; сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало; пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Пойдемте, сестрицы, домой! — говорит царевич.

Только пришли во дворец — как ударил гром, распалася крыша, раздвоился потолок,

и влетел орел; ударился об пол и сделался добрым молодцем.

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом.

И посватал Ольгу-царевну. Отвечает Иван-царевич:

— Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет; я с нее воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

— Пойдем, во зеленом саду погуляем!

Погуляли немножко; опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Вернемся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок, и влетел ворон; ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем: прежние были хороши собой, а этот еще лучше.

— Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом; отдай за меня Анну-царевну.

— Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство.

Остался Иван-царевич один; целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно.

— Пойду, — говорит, — искать сестриц.

Собрался в дорогу, шел-шел и видит — лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

— Коли есть тут жив человек — отзовися! Кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

— Все это войско великое разбила Марья Моревна, прекрасная королевна.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королевна:

— Здравствуй, царевич, куда тебя Бог несет — по воле аль по неволе?

Отвечал ей Иван-царевич:

— Добрые молодцы по неволе не ездят!

— Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад, две ночи в шат-

рах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в свое государство; пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает:

— Везде ходи, за всем присматривай; только в этот чулан не моги заглядывать!

Он не вытерпел: как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.

Просит Кощей у Ивана-царевича:

— Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло!

Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил:

— Мне одним ведром не залить жажды; дай еще!

Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро — взял свою прежнюю силу, потрянул цепя-

ми и сразу все двенадцать порвал.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал Кощей

Бессмертный. — Теперь тебе никогда не видеть Марьи Моревны, как ушей своих! — и страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватил ее и унес к себе.

А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу:

— Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Ах, шурин мой любезный! Как тебя Господь милует?

Выбежала Марья-царевна, встрела* Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Погостил у них царевич три дня и говорит:

— Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву.

— Трудно тебе сыскать ее, — отвечает сокол. — Оставь здесь на всякий случай свою се-

ребряную ложку: будем на нее смотреть, про
тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою се-

ребряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит. Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идет.

Ольга-царевна тотчас прибежала навстречу, стала его целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Дольше гостить мне некогда; я иду искать жену мою, Марию Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает орел:

— Трудно тебе сыскать ее; оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух, возле

дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идет.

Выбежала Анна-царевна, встрела его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Прощайте! Пойду жену искать — Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает ворон:

— Трудно тебе сыскать ее; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, а на третий добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

— Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил

Кощея Бессмертного?

— Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного; авось не догонит!

Собрались и уехали.

А Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Можно пшеницы засеять, дожждаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича.

— Ну, — говорит, — первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись — на куски изрублю!

Отнял у него Марью Моревну и увез; Иван-

царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною; Кощея Бессмертного дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич! Он нас догонит.

— Пускай догонит; мы хоть часок-другой проведем вместе.

Собрались и уехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

— А можно ли догнать их?

— Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выспаться, да тогда вдогонь поехать — и то поспеем!

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича:

— Ведь я же говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!

Отнял ее и увез к себе.

Оставался Иван-царевич один, запла-

кал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною; на ту пору Кощея дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит.

— Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу.

Собрались и поехали.

Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты спотыкаешься? Али чуешь какую

невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и поклат в смоленую бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело.

— Ах, — говорят они, — видно, беда приключилась!

Орел бросился на синее море, схватил и вытащил бочку на берег, сокол полетел за живой водою, а ворон за мертвою.

Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и складили как надобно. Ворон брызнул мертвой водою — тело срослось, соединилось; сокол брызнул живой водою — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

— Ах, как я долго спал!

— Еще бы дольше проспал, если б не мы! — отвечали зятья. — Пойдем теперь к нам в гости.

— Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну.

Приходит к ней и просит:

— Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выпрашивать. Кощей сказал:

— За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет Баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у ней и других славных кобылиц; я у ней три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то Баба-яга дала мне одного жеребеночка.

— Как же ты через огненную реку переправился?

— А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, делается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!

Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к Бабе-яге. Долго шел он не

пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыши детками. Иван-царевич говорит:

— Съем-ка я одного цыпленочка.

— Не ешь, Иван-царевич! — просит заморская птица. — В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошел он дальше; видит в лесу улей пчел.

— Возьму-ка я, — говорит, — сколько-нибудь меда.

Пчелиная матка отзывается:

— Не тронь моего меда, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошел дальше; попадает ему навстречу львица со львенком.

— Съем я хоть этого львенка; есть так хочется, ажно* тошно стало!

— Не тронь, Иван-царевич, — просит львица. — В некоторое время я тебе пригожусь.

— Хорошо, пусть будет по-твоему!

Побрел голодный, шел-шел — стоит дом Бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечесьей голове, только один незанятый.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, Иван-царевич! Почто пришел — по своей доброй воле аль по нужде?

— Пришел заслужить у тебя богатырского коня.

— Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня; если упасешь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся — торчат твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился; Баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься.

Только что выгнал он кобылиц в поле, ко-

былицы задрали хвосты и все врознь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул. Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, воротился домой; а Баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем вы домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыпьте по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич; наутро Баба-яга ему говорит:

— Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте!

Погнал он кобылиц в поле, они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал, плакал да и уснул. Солнышко село за лес; прибежала львица:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошел домой; Баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем домой воротились?

— Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

— Ну, вы завтра забегите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич, наутро посылает его Баба-яга кобылиц пасти:

— Если не упасешь — быть твоей буйной

головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул. Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит:

— Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротишься домой, Баба-яге на глаза не показывайся, пойди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок — в навозе валяется; ты украдь его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улегся за яслями; Баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем воротились?

— Как же нам было не воротиться? Налетело пчел видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич украл у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост.

Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький!

Поутру пробудилась Баба-яга — паршивого жеребенка видом не видать! Бросилась в погоню; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает.

Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост!»

Поехала по мосту, только добралась до середины — мост обломился, и Баба-яга чубурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась!

Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах; стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне; она выбежала, бросилась к нему на шею:

— Как тебя Бог воскресил?

— Так и так, — говорит. — Поедем со мной.

— Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену.

— Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали.

Кощей Бессмертный домой ворочается,

под ним конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься?
Али чуешь какую невзгуду?

— Иван-царевич приезжал, Марью Морев-

ну увез.

— А можно ли их догнать?

— Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

— Нет, не утерплю, — говорит Кощей Бессмертный, — поеду в погоню.

Долго ли, коротко ли — нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблею; в те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и размозжил ему голову, а царевич доконал его палицей. После того наклал царевич груды дров, развел огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

— Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать — другой не найти!

Погостили они, попиروвали и поехали в

свое царство; приехали и стали себе жить-по-
живать, добра наживать да медок попивать.

Иван-царевич и Белый Полянин

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя было три дочери и один сын, Иван-царевич. Царь состарился и помер, а корону принял Иван-царевич. Как узнали про то соседние короли, сейчас собрали несчетные войска и пошли на него войною.

Иван-царевич не знает, как ему быть; приходит к своим сестрам и спрашивает:

— Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Все короли поднялись на меня войною.

— Ах ты, храбрый воин! Чего убоялся? Как же Белый Полянин воует с Бабой-ягою Золотой Ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает? А ты, ничего не видя, испугался!

Иван-царевич тотчас оседлал своего доброго коня, надел на себя сбрую ратную, взял меч-кладенец, копье долгомерное и плетку шелковую, помолился Богу и выехал против неприятеля; не столько мечом бьет, сколько

конем топчет; перебил все воинство вражее, воротился в город, лег спать и спал трое суток беспробудным сном.

На четвертые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле — короли больше того войск собрали и опять под самые стены подступили.

Запечалился царевич, идет к своим сестрам:

— Ах, сестрицы! Что мне делать? Одну силу истребил, другая под городом стоит, пуще прежнего грозит.

— Какой же ты воин! Сутки воевал, да трое суток без просыпа спал. Как же Белый Полянин воюет с Бабой-ягою Золотой Ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?

Иван-царевич побежал в белокаменные конюшни, оседлал доброго коня богатырского, надел сбрую ратную, опоясал меч-кладенец, в одну руку взял копье долгомерное, в другую плетку шелковую, помолился Богу и выехал против неприятеля.

Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц, нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько сам бьет,

сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лег спать и спал непробудным сном шесть суток.

На седьмые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле — короли больше того войск собрали и опять весь город обступили.

Идет Иван-царевич к сестрам:

— Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Две силы истребил, третья под стенами стоит, еще пуще грозит.

— Ах ты, храбрый воин! Одни сутки воевал, да шестеро без просыпа спал. Как же Белый Полянин воюет с Бабой-ягою Золотой Ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?

Горько показалось то царевичу; побежал он в белокаменные конюшни, оседлал своего доброго коня богатырского, надел на себя сбрую ратную, опоясал меч-кладенец, в одну руку взял копье долгомерное, в другую плетку шелковую, помолился Богу и выехал против неприятеля.

Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц, нападает Иван-царе-

вич на войско вражее; не столько сам бьет, сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лег спать и спал непробудным сном девять суток.

На десятые сутки проснулся, призвал всех министров и сенаторов.

— Господа мои министры да сенаторы! Вздумал я в чужие страны ехать, на Бела Полянина посмотреть; прошу вас судить и рядить, все дела разбирать в правду.

Затем попрощался с сестрами, сел на коня и поехал в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли — заехал он в темный лес; видит — избушка стоит, в той избушке стар человек живет. Иван-царевич зашел к нему:

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, русский царевич! Куда Бог несет?

— Ищу Белого Полянина; не знаешь ли, где он?

— Сам я не ведаю, а вот подожди, соберу своих верных слуг и спрошу у них.

Старик выступил на крылечко, заиграл в серебряную трубу — и вдруг начали к нему со всех сторон птицы слетаться. Налетело их видимо-невидимо, черной тучею все небо покрыли.

Крикнул стар человек громким голосом, свистнул молодецким посвистом:

— Слуги мои верные, птицы перелетные!

Не видали ль, не слышали ль чего про Белого Полянина?

— Нет, видом не видали, слыхом не слыхали!

— Ну, Иван-царевич, — говорит стар человек, — ступай теперь к моему старшему брату; может, он тебе скажет. На, возьми клубочек, пусти перед собою; куда клубочек покажется, туда и коня управляй.

Иван-царевич сел на своего доброго коня, покатил клубочек и поехал вслед за ним; а лес все темней да темней.

Приезжает царевич к избушке, входит в

двери; в избушке старик сидит — седой как лунь.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, русский царевич! Куда путь держишь?

— Ищу Белого Полянина; не знаешь ли, где он?

— А вот погоди, соберу своих верных слуг и спрошу у них.

Старик выступил на крылечко, заиграл в серебряную трубу — и вдруг собрались к нему со всех сторон разные звери. Крикнул им громким голосом, свистнул молодецким по-свистом:

— Слуги мои верные, звери прыскучие! Не видали ль, не слыхали ль чего про Белого Полянина?

— Нет, — отвечают звери, — видом не видали, слыхом не слыхали.

— А ну, рассчитайтесь промеж себя; может, не все пришли.

Звери рассчитались промеж себя — нет кривой волчицы.

Старик послал искать ее; тотчас побежали гонцы и привели ее.

— Сказывай, кривая волчица, не знаешь ли ты Белого Полянина?

— Как мне его не знать, коли я при нем всегда живу; он войска побивает, а я мертвым трупом питаюсь.

— Где же он теперь?

— В чистом поле, на большом кургане, в шатре спит. Воевал он с Бабой-ягою Золотой Ногою, а после бою залег на двенадцать суток спать.

— Проводи туда Ивана-царевича.

Волчица побежала, а вслед за нею поскакал царевич.

Приезжает он к большому кургану, входит в шатер — Белый Полянин крепким сном поживает. «Вот сестры мои говорили, что Белый Полянин без роздыху воует, а он на двенадцать суток спать залег! Не заснуть ли и мне пока?»

Подумал-подумал Иван-царевич и лег с ним рядом.

Тут прилетела в шатер малая птичка, вьется у самого изголовья и говорит таковые слова:

— Встань-пробудись, Белый Полянин, и

предай злой смерти моего брата Ивана-царевича; не то встанет — сам тебя убьет!

Иван-царевич вскочил, поймал птичку, оторвал ей правую ногу, выбросил за шатер и опять лег возле Белого Полянина.

Не успел заснуть, как прилетает другая птичка, вьется у изголовья и говорит:

— Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти моего брата Ивана-царевича; не то встанет — сам тебя убьет!

Иван-царевич вскочил, поймал птичку, оторвал ей правое крыло, выбросил ее из шатра и опять лег на то же место.

Вслед за тем прилетает третья птичка, вьется у изголовья и говорит:

— Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти брата моего Ивана-царевича; не то он встанет да тебя убьет!

Иван-царевич вскочил, изловил ту птичку и оторвал ей клюв; птичку выбросил вон, а сам лег и крепко заснул.

Пришла пора — пробудился Белый Полянин, смотрит — рядом с ним незнамо какой богатырь лежит; схватился за острый меч и хотел было предать его злой смерти, да удер-

жался вовремя. «Нет, — думает, — он наехал на меня на сонного, а меча не хотел кровавить, не честь, не хвала и мне, доброму молодцу, загубить его! Сонный что мертвый! Лучше разбужу его». Разбудил Ивана-царевича и спрашивает:

— Добрый ли, худой ли человек? Говори: как тебя по имени зовут и зачем сюда заехал?

— Зовут меня Иваном-царевичем, а приехал на тебя посмотреть, твоей силы попытаться.

— Больно смел ты, царевич! Без спросу в шатер вошел, без доклада выспался, можно тебя за то смерти предать!

— Эх, Белый Полянин! Не перескочил через ров, да хвастаешь; подожди — может, споткнешься! У тебя две руки, да и меня мать не с одной родила.

Сели они на своих богатырских коней, съехались и ударились, да так сильно, что их копья вдребезги разлетелись, а добрые кони на колени попадали.

Иван-царевич вышиб из седла Белого Полянина и занес над ним острый меч. Взмолился ему Белый Полянин:

— Не дай мне смерти, дай мне живот*! Назовусь твоим меньшим братом, вместо отца почитать буду.

Иван-царевич взял его за руку, поднял с земли, поцеловал в уста и назвал своим меньшим братом:

— Слышал я, брат, что ты тридцать лет с Бабой-ягою Золотой Ногою воюешь, за что у вас война?

— Есть у нее дочь-красавица, хочу добыть да жениться.

— Ну, — сказал царевич, — коли дружбу водить, так в беде помогать! Поедем воевать вместе.

Сели на коней, выехали в чистое поле; Баба-яга Золотая Нога выставила рать-силу несметную. То не ясные соколы налетают на стадо голубиное, напускаются сильномогучие богатыри на войско вражее! Не столько мечами рубят, сколько конями топчут; прирубили, притоптали целые тысячи.

Баба-яга наутек бросилась, а Иван-царевич за ней вдогонку. Совсем было нагонять стал — как вдруг прибежала она к глубокой пропасти, подняла чугунную доску и скры-

лась под землю.

Иван-царевич и Белый Полянин накупили быков многое множество, начали их бить, кожи сымать да ремни резать; из тех ремней канат свили — да такой длинный, что один ко-

нец здесь, а другой на тот свет достанет.

Говорит царевич Белому Полянину:

— Опускай меня скорей в пропасть, да назад каната не вытаскивай, а жди: как я за канат дерну, тогда и тащи!

Белый Полянин опустил его в пропасть на самое дно. Иван-царевич осмотрелся кругом и пошел искать Бабу-ягу.

Шел, шел, смотрит — за решеткой портные сидят.

— Что вы делаете?

— А вот что, Иван-царевич: сидим да войско шьем для Бабы-яги Золотой Ноги.

— Как же вы шьете?

— Известно как: что кольнешь иглою, то и казак с пикою, на лошадь садится, в строй становится и идет войной на Белого Полянина.

— Эх, братцы! Скоро вы делаете, да не крепко; становитесь-ка в ряд, я вас научу, как крепче шить.

Они тотчас выстроились в один ряд; а Иван-царевич как махнет мечом, так и полетели головы. Побил портных и пошел дальше.

Шел, шел, смотрит — за решеткою сапожники сидят.

— Что вы тут делаете?

— Сидим да войско готовим для Бабы-яги Золотой Ноги.

— Как же вы, братцы, войско готовите?

— А вот как: что шилом кольнем, то и солдат с ружьем, на коня садится, в строй становится и идет войной на Белого Полянина.

— Эх, ребята! Скоро вы делаете, да не споро. Становитесь-ка в ряд, я вас лучше научу.

Вот они стали в ряд; Иван-царевич махнул мечом, и полетели головы. Побил сапожников и опять в дорогу.

Долго ли, коротко ли — добрался он до большого прекрасного города; в том городе царские терема выстроены, в тех теремах сидит дэвица красоты неописанной. Увидала она в окно добра мóлодца; полюбились ей кудри черные, очи соколиные, брови соболиные, ухватки богатырские; зазвала к себе царевича, расспросила, куда и зачем идет.

Он ей сказал, что ищет Бабу-ягу Золотую Ногу.

— Ах, Иван-царевич, ведь я ее дочь; она теперь спит непробудным сном, залегла отдыхать на двенадцать суток.

Вывела его из города и показала дорогу.

Иван-царевич пошел к Бабе-яге Золотой Ноге, застал ее сонную, ударил мечом и отрубил ей голову. Голова покатилась и промолвила:

— Бей еще, Иван-царевич!

— Богатырский удар и один хорош! — отвечал царевич, воротился в терема к красной дэвице, сел с нею за столы дубовые, за скатерти браные. Наелся-напился и стал ее спрашивать:

— Есть ли на свете сильнее меня и краше тебя?

— Ах, Иван-царевич! Что я за красавица! Вот как за тридевять земель, в тридесятом царстве живет у царя-змея королевна, так та подлинно красота несказанная: она только ноги помыла, а я тою водою умылась!

Иван-царевич взял красную дэвицу за белую руку, привел к тому месту, где канат висел, и подал знак Белому Полянину. Тот ухватился за канат и давай тянуть; тянул, тянул и

вытащил царевича с красной дэвицей.

— Здравствуй, Белый Полянин, — сказал Иван-царевич, — вот тебе невеста; живи, веселись, ни о чем не крушись! А я в змеиное царство поеду.

Сел на своего богатырского коня, попрощался с Белым Полянином и его невестою и поскакал за тридевять земель.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается — приехал он в царство змеиное, убил царя-змея, освободил из неволи прекрасную королеву и женился на ней; после того воротился домой и стал с молодой женою жить-поживать да добра наживать.

Хрустальная гора

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у царя было три сына. Вот дети и говорят ему: «Милостивый государь-батюшка! Благослови нас, мы на охоту поедем». Отец благословил, и они поехали в разные стороны.

Малый сын ездил, ездил и заплутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палая* лошадь; около этой падали собралось много всякого зверя, птицы и гаду.

Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит:

— Иван-царевич, раздели нам эту лошадь; лежит она здесь тридцать три года, а мы всё спорим, а как поделить — не придумаем.

Царевич слез с своего доброго коня и разделил падаль: зверям — кости, птицам — мясо, кожа — гадам, а голова — муравьям.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал сокол. — За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьем всякий раз, как захочешь.

Иван-царевич ударился о сырую землю,

сделался ясным соколом, взвился и полетел в тридесятое государство; а того государства больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору.

Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем и спрашивает придворную стражу:

— Не возьмет ли ваш государь меня на службу к себе?

— Отчего не взять такого молодца?

Вот он поступил к тому царю на службу и живет у него неделю, другую и третью.

Стала просить царевна:

— Государь мой батюшка! Позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять.

Царь позволил. Сели они на добрых коней и поехали.

Подъезжают к хрустальной горе, вдруг откуда ни возьмись — выскочила золотая коза. Царевич погнался за ней, скакал-скакал, козы не добыл, а воротился назад — и царевны нету! Что делать? Как к царю на глаза показаться?

Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя; пришел во дворец и говорит царю:

— Ваше величество! Найми меня стадо пасты.

— Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трех головах — дай ему три коровы, коли о шести головах — дай шесть коров, а коли о двенадцати головах — то отсчитывай двенадцать коров.

Иван-царевич погнал стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трех головах:

— Эх, Иван-царевич, за какое ты дело взялся? Где бы сражаться доброму молодцу, а он стадо пасет! Ну-ка, — говорит, — отгони мне трех коров.

— Не жирно ли будет? — отвечает царевич.

вич. — Я сам в суточки ем по одной уточке; а ты трех коров захотел... Нет тебе ни одной!

Змей осерчал и вместо трех захватил шесть коров; Иван-царевич тотчас обернулся ясным соколом, снял у змея три головы и погнал стадо домой.

— Что, дедушка? — спрашивает царь. — Прилетал ли трехглавый змей, дал ли ему трех коров?

— Нет, ваше величество, ни одной не дал!

На другой день гонит царевич стадо по горам, по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров.

— Ах ты, чудо-юдо обжорливое! Я сам в суточки ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни единой!

Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров; а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял шесть голов у него.

Пригнал домой стадо; царь и спрашивает:

— Что, дедушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли мое стадо поубавилось?

— Прилетать-то прилетал, да ничего не взял!

Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещинку заполз в хрустальную гору; смотрит — в хрустальной горе сидит царевна.

— Здравствуй, — говорит Иван-царевич, — как ты сюда попала?

— Меня унес змей о двенадцати головах; живет он на батюшкином озере; в том змее сундук таится, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яичко, в яичке — семечко; коли ты убьешь его да достанешь это семечко, в те поры* можно хрустальную гору извести и меня избавить.

Иван-царевич вылез из той горы, снаряжился пастухом и погнал стадо.

Вдруг прилетает змей о двенадцати головах:

— Эх, Иван-царевич! Не за свое ты дело взялся; чем бы тебе, доброму мóлодцу, сражаться, а ты стадо пасешь... Ну-ка отсчитай мне двенадцать коров!

— Жирно будет! Я сам в суточки ем по одной уточке; а ты чего захотел!

Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались — Иван-царевич победил змея

О двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой стороне нашел сундук; в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — семечко.

Взял он семечко, зажег и поднес к хрустальной горе — гора скоро растаяла.

Иван-царевич вывел оттуда царевну и привез ее к отцу; отец возрадовался и говорит царевичу:

— Будь ты моим зятем!

Тут их и обвенчали; на той свадьбе и я был, мед-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.

Козьма Скоробогатый

Жил-проживал Кузенька один-одинешек в темном лесу; у него был худой домишко, да один петушок, да пять курочек. К этому Кузеньке повадилась ходить лисичка; пошел он раз на охоту, и только из дому, а лисичка как тут; прибежала, заколола одну ку-

рочку, изжарила и скушала. Воротился Кузенька, хватать — нет курочки! И думает: верно, коршун утащил. На другой день пошел опять на охоту. Попадается ему навстречу лисичка и спрашивает:

— Куда, Кузенька, идешь?

— На охоту, лисичка!

— Ну, прощай! — и тотчас же побежала к нему в избу, заколола курочку, изжарила и скушала.

Пришел домой Кузенька, хватился курочки — нету! Пало ему в догадку: «Уж не лисичка ли кушает моих курочек?» Вот на третий день он крепко-накрепко заколотил у себя в избе окна и двери, а сам пустился на промысел. Неоткуль взялась лисичка и спрашивает:

— Куда идешь, Кузенька?

— На охоту, лисичка!

Лисичка тут же и побежала к дому Кузеньки, а он поворотил да вслед за нею. Прибежала лисичка, обошла кругом избу, видит: окна и двери заколочены крепко-накрепко, как попасть в избу? Взяла да и спустилась в трубу. Тут Кузенька и поймал лисичку.

— Ба, — говорит, — вот какой вор ко мне

жалует. Постой-ка, сударушка, я тебя теперь живу из рук не выпущу!

Лисичка стала просить Кузеньку:

— Не убивай меня! Я тебя сделаю Козьмою Скоробогатым, только изжарь для меня одну курочку с масличком пожирнее.

Кузенька согласился, а лисонька, накушавшись такого жирного обеда, побежала на царские заповедные луга и стала на тех заповедных лугах кататься.

Бежит волк и говорит:

— Эх ты, проклятая лиса! Где так жирно обтрескалась?

— Ах, любезный волченёк-куманек! Ведь я была у царя на пиру. Неужели тебя, куманек, не звали? А нас там было всяких разных зверей, куниц, соболей, видимо-невидимо!

Волк и просит:

— Лисонька, не сведешь ли и меня к царю на обед?

Лисичка обещалась и велела собрать сорок сороков серых волков и привести с собою.

Волк согнал сорок сороков серых волков. Лиса повела их к царю; как привела, сейчас же вошла в белокаменные палаты и поклонилась.

лась царю сороком сороков серых волков от Козьмы Скоробогатого.

Царь весьма тому обрадовался, приказал всех волков загнать в ограду и запереть накрепко.

А лисичка бросилась к Кузеньке: прибежала, велела зажарить еще одну курочку; пообедала сытно и пустилась на заповедные луга и стала кататься по траве.

Бежит медведь мимо, увидел лисоньку и говорит:

— Эх ведь ты, проклятая хвостомеля, как обтрескалась!

Она отвечает:

— Я была у царя в гостях; нас там было всяких разных зверей, куниц, соболей, видимо-невидимо! Да и теперь еще остались — пируют волки. Ты знаешь, любезный куманек, какие они объедалы! По сию пору всё обедают.

Мишка и просит:

— Лисонька, не сведешь ли и меня на царский обед?

Лисичка согласилась и велела ему собрать сорок сороков черных медведей:

— Для одного тебя царь-де и беспокоиться не захочет.

Мишка собрал сорок сороков черных медведей. Лиса повела их к царю; привела и поклонилась ему сороком сороков черных медведей от Козьмы Скоробогатого.

Царь тому и рад, приказал загнать их и запереть накрепко.

А лисичка отправилась к Кузеньке; прибежала и велела зажарить последнюю курочку с петушком.

Кузенька не пожалел, зажарил ей последнюю курочку с петушком; лисичка скушала на здоровье и пустилась на заповедные луга и стала валяться по зеленой траве.

Бежит мимо соболь с куницею и спрашивает:

— Эх ты, лукавая лиса, где так жирно накушалась?

— Ах вы, соболь и куница! Я у царя в превеликом почете. У него нынче пир и обед на всяких зверей; я что-то порадела*, таки много жирного поела; а что зверей на обеде-то было, видимо-невидимо! Только вас там и недоставало. Вы сами знаете волков, как они завист-

ливы, будто сроду жирного не едали, о сю пору трескают у царя! А про косолапого Мишку и говорить нечего: он потуль* ест, что чуть дышит!

Соболь и куница стали лису упрашивать:

— Кумушка, своди ты нас к царю; мы хоть посмотрим!

Лиса согласилась и велела им согнать к себе сорок сороков соболей и куниц.

Согнали; лиса привела их во дворец и поклонилась царю Сроком сороков соболей и куниц от Козьмы Скоробогатого.

Царь не может надивиться богатству Козьмы Скоробогатого, с радостью принял дар и приказал всех зверей перебить и поснимать с них шкуры.

На другой день лисичка опять прибежала к царю и говорит:

— Ваше царское величество! Козьма Скоробогатый приказал тебе низко кланяться и попросить пудовки*; нужно размеривать серебряны деньги. Свои-то пудовки все запростаны* у него золотом.

Царь без отказу дал лисе пудовку.

Она прибежала к Кузеньке и велела ме-

рить пудовкою песок, чтобы высветлить у ней бочок! Как высветлило, она заткнула в за-
уторы* сколько-то мелких денег и понесла на-
зад к царю.

Пришла и стала сватать у него прекрасную
царевну за Козьму Скоробогатого.

Царь не отказывает, велит Козьме совсем
изготовиться и приезжать.

Поехал Кузенька к царю, а лисичка забе-
жала вперед и подрядила работников подпи-
лить мостик. Кузенька только что въехал на
мостик — мостик вместе с ним и рушился в
воду.

Лисичка стала кричать:

— Ахти! Пропал Козьма Скоробогатый!

Царь услышал и тотчас же послал людей
перехватить Козьму. Вот они перехватили
его, переодели в нарядное платье и привели к
царю.

Обвенчался он на царевне и живет у царя
неделю и две.

— Ну, — говорит царь, — пойдем теперь,
любезный зять, к тебе в гости.

Козьме делать нечего, надо собираться. За-
прягли лошадей и поехали.

А лисичка отправилась вперед. Бежала, бежала, глядит: пастухи пасут стадо овец; она спрашивает их:

— Пастухи, пастухи! Чье стадо пасете?

Пастухи отвечают:

— Стадо царя Змиулана.

Лисичка начала их учить:

— Сказывайте всем, что это стадо Козьмы Скоробогатого, а не Змиулана-царя; а то едут царь Огонь да царица Маланьица, коли не скажете им, что это стадо Козьмы Скоробогатого, — они всех вас и с овцами-то сожгут и спалят.

Пастухи видят, что дело неминуемое, надо слушаться, и обещаются всякому сказывать про Козьму Скоробогатого, как лиса учила.

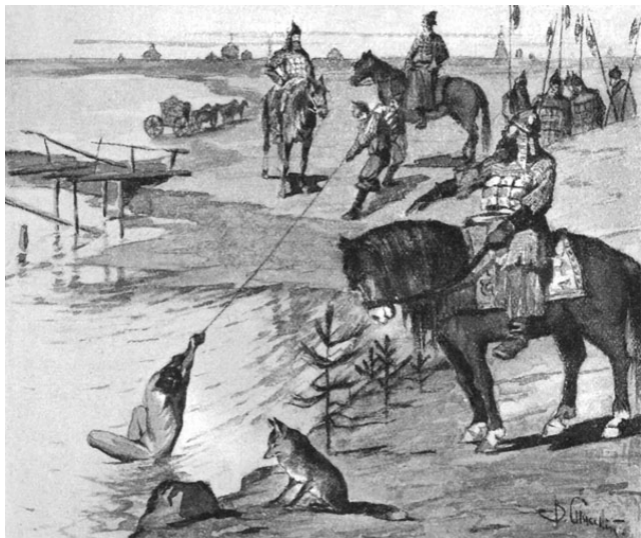
А лисичка пустилась вперед; видит — пастухи стерегут свиней, и спрашивает:

— Пастухи, пастухи! Чье стадо пасете?

— Царя Змиулана.

— Сказывайте, что стадо это Козьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Маланьица; они всех вас сожгут и спалят, коли станете поминать царя Змиулана.

Пастухи согласились. Лиса опять побежала

вперед; добегают до коровьего стада царя Змиулана, потом до конского стада и велит пастухам сказывать, что эти стада Козьмы Скоробогатого, а о царе же Змиулане ничего не говорить.

Добегают лиса и до стада верблюдов.

— Пастухи, пастухи! Чье стадо пасете?

— Царя Змиулана.

Лиса строго запретила им сказывать о ца-

ре Змиулане, а велела говорить, что это стадо Козьмы Скоробогатого; а то царь Огонь и царица Маланьица сожгут и спалят все стадо!

Лисонька опять побежала вперед, прибегает в царство царя Змиулана и прямо в белокаменные палаты.

— Что скажешь, лисонька?

— Ну, царь Змиулан, теперь-то надо скоро-наскоро спрятаться. Едет грозный царь Огонь и царица Маланьица, всё жгут и палят. Стада твои и с пастухами прижгли; сначала овечье, потом свиное, а тут коровье и конское. Я не стала мешкать, пустилась к тебе сказать и чуть от дыма не задохнулась!

Царь Змиулан закручинился-запечалился:

— Ах, лисонька, куда же я подеваюсь?

— Есть в твоём саду старый заповедный дуб, середина вся повыгнила; беги и схоронись в дупло, пока они мимо не проедут.

Царь Змиулан вмиг собрался и по сказанному, как по писаному, сделал так, как лиса научила. А Козьма Скоробогатый едет себе да едет с женою и тестем. Доезжают они до стада овечьего. Молодая княгиня и спрашивает:

— Пастушки, пастушки, чье стадо пасете?

— Козьмы Скоробогатого, — отвечают пастухи.

Царь тому и рад:

— Ну, любезный зять, много же у тебя овец.

Едут они дальше, доезжают до стада свиного.

— Пастушки, пастушки, — спрашивает молодая княгиня, — чье стадо пасете?

— Козьмы Скоробогатого.

— Ну, любезный зять, много же у тебя свиной.

Едут они все дальше и дальше; тут пасется стадо коров, там конское, а там и верблюжье. Спросят у пастухов: «Чье стадо пасете?» — они знай отвечают одно: «Козьмы Скоробогатого».

Вот приехали к царскому дворцу; лисонька встречает и вводит их в палаты белокаменные. Царь вошел и задивился: столь хорошо было убрано! Давай пировать, пить-есть и веселиться!

Живут они день, живут и неделю.

— Ну, Кузенька, — говорит лисонька, — перестань гулять, надо дело исправлять. Ступай

с тестем в зеленый сад; в том саду стоит старый дуб, а в том дубе сидит царь Змиулан — от вас спрятался. Расстреляйте дерево на мелкие части!

Тогда Кузенька по сказанному, как по писаному, пошел вместе с тестем в зеленый сад, и стали они в тот дуб стрелять и убили царя Змиулана до смерти.

Козьма Скоробогатый воцарился в том государстве, и стал он с царевною жить да поживать, и теперь живут — хлеб жуют. Лисоньку всякий день угощали они курочками, и она до тех пор у них гостила, докуда всех кур не испакостила*.

Емеля-дурачок

Жили три брата, два-то умных, а третий дурак: умные братья поехали в нижние города товаров закупать и говорят дураку:

— Ну, смотри, дурак, слушай наших жен и почитай так, как родных матерей; мы тебе купим сапоги красные, и кафтан красный, и рубашку красную.

Дурак сказал им:

— Ладно, буду почитать.

Они отдали дураку приказание, а сами поехали в нижние города; а дурак лег на печь и лежит. Невестки говорят ему:

— Что же ты, дурак! Братья велели тебе нас почитать и за это хотели тебе по подарку привезти, а ты на печи лежишь, ничего не работаешь; сходи хоть за водой.

Дурак взял ведра и пошел за водой; зачерпнул воды, и попала ему щука в ведро. Дурак и говорит:

— Слава Богу! Теперь я наварю хоть этой щуки, сам наемся, а невесткам не дам; я на них сердит!

Говорит ему щука человеческим голосом:

— Не ешь, дурак, меня; пусти опять в воду, счастлив будешь!

Дурак спрашивает:

— Какое ж от тебя счастье?

— А вот какое счастье: что скажешь, то и будет! Вот скажи: по щучьему веленью, по моему прошенью — ступайте, ведра, сами домой и поставьтесь на место.

Как только дурак сказал это, ведра тотчас пошли сами домой и поставились на место.

Невестки глядят и дивуются. «Что он за дурак! — говорят. — Вишь какой хитрый, что у него ведра сами домой пришли и поставились на свое место».

Дурак пришел и лег на печку; невестки стали опять говорить ему:

— Что ж ты, дурак, улегся на печку! Дров нет, ступай за дровами.

Дурак взял два топора, сел в сани, лошади не запряг.

— По щучьему, — говорит, — веленью, по моему прошенью — катитесь, сани, в лес!

Сани покатались скоро да шибко, словно кто погоняет их. Надо было дураку ехать мимо города, и он без лошади столько придавил народу, что ужас! Тут все закричали:

— Держи его! Лови его! — однако не поймали.

Дурак въехал в лес, вышел из саней, сел на колодину и сказал:

— Один топор, руби с корня, другой — дрова коли!

Вот дрова нарубились и наклались в сани. Дурак говорит:

— Ну, один топор, теперь поди и сруби мне

кукову*, чтоб было чем носило* поднять.

Топор пошел и срубил ему кукову; кукова пришла, на воз легла. Дурак сел и поехал; едет мимо города, а в городе народ собрался, давно его караулит. Тут дурака поймали, начали одерживать да пощипывать; дурак и говорит:

— По щучьему веленью, по моему прошенью — ступай, кукова, похлопочи-ка!

Вскочила кукова и пошла ломать, колотить и прибила народу многое множество; люди, словно снопы, так наземь и сыплются! Отделался от них дурак и приехал домой, дрова сложил, а сам на печь сел.

Вот горожане стали бить на него челом и донесли королю: «Так-де его не взять, надобно обманом залучить, а всего лучше обещать ему красную рубаху, красный кафтан и красные сапоги».

Пришли за дураком королевские гонцы.

— Ступай, — говорят, — к королю; он тебе даст красные сапоги, красный кафтан и красную рубаху.

Вот дурак и сказал:

— По щучьему веленью, по моему прошенью

нью — печка, ступай к королю!

Сам сел на печь, печка и пошла. Приехал дурак к королю. Король уж хотел казнить его, да у того короля была дочь, и больно понравился ей дурак; стала она отца просить, чтобы отдал ее за дурака замуж. Отец рассердился, обвенчал их и велел посадить обоих в бочку, бочку засмолить и пустить на воду. Так и сделано.

Долгое время плыла бочка по морю; стала жена дурака просить:

— Сделай так, чтобы нас на берег выкинуло.

Дурак сказал:

— По щучьему веленью, по моему прошенью — выкинь эту бочку на берег и разорви ее!

Вышли они из бочки; жена опять стала дурака просить, чтобы он построил какую-нибудь избушку. Дурак сказал:

— По щучьему веленью, по моему прошенью — постройся мраморный дворец, и чтобы этот дворец был как раз против королевского дворца!

Сейчас все исполнилось; король увидел по-

утру новый дворец и послал узнать, кто такой живет в нем? Как только узнал, что там живет его дочь, в ту же минуту потребовал ее с

мужем к себе. Они приехали; король их простил, и стали вместе жить-поживать да добра наживать.

Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о Сером Волке

В некотором было царстве, в некотором государстве был-жил царь по имени Выслав Андронович. У него было три сына-царевича: первый — Димитрий-царевич, другой — Василий-царевич, а третий — Иван-царевич. У того царя Выслава Андроновича был сад такой богатый, что ни в котором государстве лучше того не было; в том саду росли разные доро-

гие деревья с плодами и без плодов, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблоне росли яблочки все золотые.

Повадилась к царю Выславу в сад летать Жар-птица; на ней перья золотые, а глаза восточному хрусталу подобны. Летала она в тот сад каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала с нее золотые яблочки и опять улетала. Царь Выслав Андронович весьма крушился о той яблоне, что Жар-птица много яблок с нее сорвала; почему призывал к себе трех своих сыновей и сказал им:

— Дети мои любезные! Кто из вас может поймать в моем саду Жар-птицу? Кто изловит ее живую, тому еще при жизни моей отдам половину царства, а по смерти и все.

Тогда дети его царевичи возопили единогласно:

— Милостивый государь-батюшка, ваше царское величество! Мы с великою радостью будем стараться поймать Жар-птицу живую.

На первую ночь пошел караулить в сад Дмитрий-царевич и, усевшись под ту яблонь, с которой Жар-птица яблочки срывала, заснул и не слышал, как та Жар-птица прилетала и

яблок весьма много ощипала. Поутру царь Выслав Андронович призвал к себе своего сына Димитрия-царевича и спросил:

— Что, сын мой любезный, видел ли ты Жар-птицу или нет?

Он родителю своему отвечал:

— Нет, милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала.

На другую ночь пошел в сад караулить Жар-птицу Василий-царевич. Он сел под ту же яблонь и, сидя час и другой ночи, заснул так крепко, что не слышал, как Жар-птица прилетала и яблочки щипала. Поутру царь Выслав призвал его к себе и спрашивал:

— Что, сын мой любезный, видел ли ты Жар-птицу или нет?

— Милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала.

На третью ночь пошел в сад караулить Иван-царевич и сел под ту же яблонь; сидит он час, другой и третий — вдруг осветило весь сад так, как бы он многими огнями освещен был: прилетела Жар-птица, села на яблоню и начала щипать яблочки. Иван-царевич подкрался к ней так искусно, что ухватил ее за

хвост; однако не мог ее удержать: Жар-птица вырвалась и полетела, и осталось у Ивана-царевича в руке только одно перо из хвоста, за которое он весьма крепко держался.

Путру, лишь только царь Выслав от сна пробудился, Иван-царевич пошел к нему и от-

дал ему перышко Жар-птицы.

Царь Выслав весьма был обрадован, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать от Жар-птицы.

Это перо было так чудно и светло, что ежели принести его в темную горницу, то оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множество свеч. Царь Выслав положил то перышко в свой кабинет как такую вещь, которая должна вечно храниться. С тех пор Жар-птица не летала уже в сад.

Царь Выслав опять призвал к себе детей своих и говорил им:

— Дети мои любезные! Поезжайте, я даю вам свое благословение, отыщите Жар-птицу и привезите ко мне живую; а что прежде я обещал, то, конечно, получит тот, кто Жар-птицу ко мне привезет.

Димитрий и Василий-царевичи начали иметь злобу на меньшого своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у Жар-птицы из хвоста перо; взяли они у отца своего благословение и поехали двое отыскивать Жар-птицу.

А Иван-царевич также начал у родителя

своего просить на то благословения. Царь Выслав сказал ему:

— Сын мой любезный, чадо мое милое! Ты еще молод и к такому дальнему и трудному пути непривычен; зачем тебе от меня отлучаться? Ведь братья твои и так поехали. Ну, ежели и ты от меня уедешь, и вы все трое долго не возвратитесь? Я уже при старости и хожу под Богом; ежели во время отлучки вашей Господь Бог отымет мою жизнь, то кто вместо меня будет управлять моим царством? Тогда может сделаться бунт или несогласие между нашим народом, а унять будет некому; или неприятель под наши области подступит, а управлять войсками нашими будет некому.

Однако сколько царь Выслав ни старался удерживать Ивана-царевича, но никак не мог не отпустить его, по его неотступной просьбе. Иван-царевич взял у родителя своего благословение, выбрал себе коня, и поехал в путь, и ехал, сам не зная, куды едет.

Едучи путем-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, наконец приехал он в чистое поле, в зеленые луга. А в

чистом поле стоит столб, а на столбу написаны эти слова: «Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мертв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется».

Иван-царевич прочел эту надпись и поехал в правую сторону, держа на уме: хотя конь его и убит будет, зато сам жив останется и со временем может достать себе другого коня.

Он ехал день, другой и третий — вдруг вышел ему навстречу пребольшой Серый Волк и сказал:

— Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! Ведь ты читал, на столбе написано, что конь твой будет мертв; так зачем сюда едешь?

Волк вымолвил эти слова, разорвал коня Ивана-царевича надвое и пошел прочь в сторону.

Иван-царевич вельми* сокрушался по своему коню, заплакал горько и пошел пеший.

Он шел целый день и устал несказанно,

и только что хотел присесть отдохнуть, вдруг нагнал его Серый Волк и сказал ему:

— Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пеш изнурился; жаль мне и того, что я заел твоего доброго коня. Добро! Садись на меня, на Серого Волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?

Иван-царевич сказал Серому Волку, куды ему ехать надобно; и Серый Волк помчался с ним пуще коня и чрез некоторое время как раз ночью привез Ивана-царевича к каменной стене не гораздо высокой, остановился и сказал:

— Ну, Иван-царевич, слезай с меня, с Серого Волка, и полезай через эту каменную стену; тут за стеною сад, а в том саду Жар-птица сидит в золотой клетке. Ты Жар-птицу возьми, а золотую клетку не трогай; ежели клетку возьмешь, то тебе оттуда не уйти будет: тебя тотчас поймают!

Иван-царевич перелез через каменную стену в сад, увидел Жар-птицу в золотой клетке и очень на нее прельстился. Вынул птицу из клетки и пошел назад, да потом одумался и сказал сам себе:

— Что я взял Жар-птицу без клетки, куда я ее посажу?

Воротился и лишь только снял золотую

клетку — то вдруг пошел стук и гром по всему саду, ибо к той золотой клетке были струны приведены. Караульные тотчас проснулись, прибежали в сад, поймали Ивана-царевича с Жар-птицею и привели к своему царю, которого звали Долматом.

Царь Долмат весьма разгневался на Ивана-царевича и вскричал на него громким и сердитым голосом:

— Как не стыдно тебе, молодой юноша, воровать! Да кто ты таков, и которых земля, и какого отца сын, и как тебя по имени зовут?

Иван-царевич ему молвил:

— Я есмь из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иван-царевич. Твоя Жар-птица повадилась к нам летать в сад по всякую ночь, и срывала с любимой отца моего яблони золотые яблочки, и почти все дерево испортила; для того послал меня мой родитель, чтобы сыскать Жар-птицу и к нему привезть.

— Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич, — молвил царь Долмат, — пригоже ли так делать, как ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе Жар-птицу честью отдал; а теперь хо-

рошо ли будет, когда я разошлю во все государства о тебе объявить, как ты в моем государстве нечестно поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу — съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне от царя Афрона коня златогривого, то я тебя в твоей вине прощу и Жар-птицу тебе с великою честью отдам; а ежели не сослужишь этой службы, то дам о тебе знать во все государства, что ты нечестный вор.

Иван-царевич пошел от царя Долмата в великой печали, обещая ему достать коня златогривого.

Пришел он к Серому Волку и рассказал ему обо всем, что ему царь Долмат говорил.

— Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! — молвил ему Серый Волк. — Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую клетку?

— Виноват я перед тобою, — сказал волку Иван-царевич.

— Добро, быть так! — молвил Серый Волк. — Садись на меня, на Серого Волка; я тебя свезу, куды тебе надобно.

Иван-царевич сел Серому Волку на спину; а волк побежал так скоро, аки стрела, и бежал он долго ли, коротко ли, наконец прибежал в государство царя Афрона ночью.

И, пришедши к белокаменным царским конюшням, Серый Волк Ивану-царевичу сказал:

— Ступай, Иван-царевич, в эти белокаменные конюшни (теперь караульные конюхи все крепко спят!), и бери ты коня златогривого. Только тут на стене висит золотая узда, ты ее не бери, а то худо тебе будет.

Иван-царевич, вступя в белокаменные конюшни, взял коня и пошел было назад; но увидел на стене золотую узду и так на нее прельстился, что снял ее с гвоздя, и только что снял — как вдруг пошел гром и шум по всем конюшням, потому что к той узде были струны приведены. Караульные конюхи тотчас проснулись, прибежали, Ивана-царевича поймали и повели к царю Афрону.

Царь Афрон начал его спрашивать:

— Ох ты гой еси, молодой юноша! Скажи мне, из которого ты государства, и которого отца сын, и как тебя по имени зовут?

На то отвечал ему Иван-царевич:

— Я сам из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иваном-царевичем.

— Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич! — сказал ему царь Афрон. — Честного ли рыцаря это дело, которое ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе коня златогривого с честью отдал. А теперь хорошо ли тебе будет, когда я разошлю во все государства объявить, как ты нечестно в моем государстве поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу и съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне королевну Елену Прекрасную, в которую я давно и душою и сердцем влюбился, а достать не могу, то я тебе эту вину прощу и коня златогривого с золотою уздою честно отдам. А ежели этой службы мне не сослужишь, то я о тебе дам знать во все государства, что ты нечестный вор, и пропишу все, как ты в моем государстве дурно сделал.

Тогда Иван-царевич обещался царю Афрону королевну Елену Прекрасную достать, а сам пошел из палат его и горько заплакал.

Пришел к Серому Волку и рассказал все, что с ним случилось.

— Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! — молвил ему Серый Волк. — Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую узду?

— Виноват я пред тобою, — сказал волку Иван-царевич.

— Добро, быть так! — продолжал Серый Волк. — Садись на меня, на Серого Волка; я тебя свезу, куды тебе надобно.

Иван-царевич сел Серому Волку на спину; а волк побежал так скоро, как стрела, и бежал

он, как бы в сказке сказать, недолгое время и, наконец, прибежал в государство королевны Елены Прекрасной.

И, пришедши к золотой решетке, которая окружала чудесный сад, волк сказал Ивану-царевичу:

— Ну, Иван-царевич, слезай теперь с меня, с Серого Волка, и ступай назад по той же дороге, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня в чистом поле под зеленым дубом.

Иван-царевич пошел, куда ему велено. Серый же Волк сел близ той золотой решетки и дожидался, покуда пойдет прогуляться в сад королева Елена Прекрасная.

К вечеру, когда солнышко стало гораздо опускаться к западу, почему и в воздухе было не очень жарко, королева Елена Прекрасная пошла в сад прогуливаться со своими нянюшками и с придворными боярынями. Когда она вошла в сад и подходила к тому месту, где Серый Волк сидел за решеткою, — вдруг Серый Волк перескочил через решетку в сад и ухватил королеву Елену Прекрасную, перескочил назад и побежал с нею что есть силы-мочи.

Прибежал в чистое поле под зеленый дуб, где его Иван-царевич дожидался, и сказал ему:

— Иван-царевич, садись поскорее на меня, на Серого Волка!

Иван-царевич сел на него, а Серый Волк помчал их обоих к государству царя Афрона.

Няньки, и мамки, и все боярыни придворные, которые гуляли в саду с прекрасною королевною Еленою, побежали тотчас во дворец и послали в погоню, чтоб догнать Серого Волка; однако сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назад.

Иван-царевич, сидя на Сером Волке вместе с прекрасною королевною Еленою, возлюбил ее сердцем, а она Ивана-царевича; и когда Серый Волк прибежал в государство царя Афрона и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королеву Елену во дворец и отдать царю, тогда царевич весьма запечалился и начал слезно плакать.

Серый Волк спросил его:

— О чем ты плачешь, Иван-царевич?

На то ему Иван-царевич отвечал:

— Друг мой, Серый Волк! Как мне, доброму

молодцу, не плакать и не крушиться? Я сердцем возлюбил прекрасную королеву Елену, а теперь должен отдать ее царю Афрону за коня златогривого, а ежели ее не отдам, то царь Афрон обесчестит меня во всех государствах.

— Служил я тебе много, Иван-царевич, — сказал Серый Волк, — сослужу и эту службу. Слушай, Иван-царевич: я сделаюсь прекрасной королевой Еленой, и ты меня отведи к царю Афрону и возьми коня златогривого; он меня почтет за настоящую королеву. И когда ты сядешь на коня златогривого и уедешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афона в чистое поле погулять; и как он меня отпустит с нянюшками, и с мамушками, и со всеми придворными боярынями и буду я с ними в чистом поле, тогда ты меня вспомяни — и я опять у тебя буду.

Серый Волк вымолвил эти речи, ударился о сыру землю — и стал прекрасною королевою Еленою, так что никак и узнать нельзя, чтоб то не она была.

Иван-царевич взял Серого Волка, пошел во дворец к царю Афрону, а прекрасной королевы Елене велел дожидаться за городом.

Когда Иван-царевич пришел к царю Афрону с мнимою Еленою Прекрасною, то царь вельми* возрадовался в сердце своем, что получил такое сокровище, которого он давно желал. Он принял ложную королеву, а коня златогривого вручил Ивану-царевичу.

Иван-царевич сел на того коня и выехал за город; посадил с собою Елену Прекрасную и поехал, держа путь к государству царя Долмата.

Серый же Волк живет у царя Афрона день, другой и третий вместо прекрасной королевны Елены, а на четвертый день пришел к царю Афрону проситься в чистом поле погулять, чтоб разбить тоску-печаль лютую. Как возговорил ему царь Афрон:

— Ах, прекрасная моя королева Елена! Я для тебя все сделаю, отпущу тебя в чистое поле погулять.

И тотчас приказал нянюшкам, и мамушкам, и всем придворным боярыням с прекрасною королевною идти в чистое поле гулять.

Иван же царевич ехал путем-дорогою с Еленою Прекрасною, разговаривал с нею и забыл было про Серого Волка; да потом вспом-

НИЛ:

— Ах, где-то мой Серый Волк?

Вдруг откуда ни взялся — стал он перед Иваном-царевичем и сказал ему:

— Садись, Иван-царевич, на меня, на Серого Волка, а прекрасная королева пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на Серого Волка, и поехали они в государство царя Долмата. Ехали они долго ли, коротко ли и, доехав до того государства, за три версты от города остановились. Иван-царевич начал просить Серого Волка:

— Слушай ты, друг мой любезный, Серый Волк! Сослужил ты мне много служб, сослужи мне и последнюю, а служба твоя будет вот какая: не можешь ли ты оборотиться в коня златогривого наместо* этого, потому что с этим златогривым конем мне расстаться не хочется.

Вдруг Серый Волк ударился о сырую землю — и стал конем златогривым.

Иван-царевич, оставя прекрасную королеву Елену в зеленом лугу, сел на Серого Волка и поехал во дворец к царю Долмату.

И как скоро туда приехал, царь Долмат увидел Ивана-царевича, что едет он на коне златогривом, весьма обрадовался, тотчас вышел из палат своих, встретил царевича на широком дворе, поцеловал его во уста сахарные, взял его за правую руку и повел в палаты белокаменные.

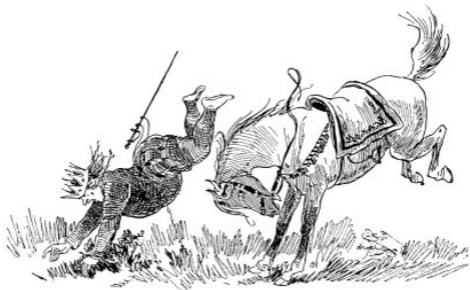
Царь Долмат для такой радости велел сотворить пир, и они сели за столы дубовые, за скатерти браные; пили, ели, забавлялися и веселилися ровно два дни, а на третий день царь Долмат вручил Ивану-царевичу Жар-птицу с золотою клеткою.

Царевич взял Жар-птицу, пошел за город, сел на коня златогривого вместе с прекрасною королевой Еленою и поехал в свое отечество, в государство царя Выслава Андроновича.

Царь же Долмат вздумал на другой день своего коня златогривого объездить в чистом поле; велел его оседлать, потом сел на него и поехал в чистое поле; и лишь только разъярил коня, как он сбросил с себя царя Долмата и, оборотясь по-прежнему в Серого Волка, побежал и нагнал Ивана-царевича.

— Иван-царевич! — сказал он. — Садись на

меня, на Серого Волка, а королева Елена Прекрасная пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на Серого Волка, и поехали они в путь. Как скоро довез Серый Волк Ивана-царевича до тех мест, где его коня разорвал, он остановился и сказал:

— Ну, Иван-царевич, послужил я тебе довольно верою и правдою. Вот на сем месте разорвал я твоего коня надвое, до этого места и довез тебя. Слезай с меня, с Серого Волка, теперь есть у тебя конь златогривый, так ты сядь на него и поезжай, куда тебе надобно; а я тебе больше не слуга.

Серый Волк вымолвил эти слова и побегал в сторону; а Иван-царевич заплакал горько по Сером Волке и поехал в путь свой с пре-

красною королевною.

Долго ли, коротко ли ехал он с прекрасною королевною Еленою на коне златогривом и, не доехав до своего государства за двадцать верст, остановился, слез с коня и вместе с прекрасною королевною лег отдохнуть от солнечного зною под деревом; коня златогривого привязал к тому же дереву, а клетку с Жарптицею поставил подле себя.

Лежа на мягкой траве и ведя разговоры любовные, они крепко уснули.

В то самое время братья Ивана-царевича, Димитрий и Василий царевичи, езда по разным государствам и не найдя Жарптицы, возвращались в свое отечество с порожними руками; нечаянно наехали они на своего сонного брата Ивана-царевича с прекрасною королевною Еленою.

Увидя на траве коня златогривого и Жарптицу в золотой клетке, весьма на них прельстились и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти.

Димитрий-царевич вынул из ножен меч свой, заколол Ивана-царевича и изрубил его на мелкие части; потом разбудил прекрасную

королеву Елену и начал ее спрашивать:

— Прекрасная девица! Которого ты государства, и какого отца дочь, и как тебя по имени зовут?

Прекрасная королева Елена, увидя Ивана-царевича мертвого, крепко испугалась, стала плакать горькими слезами и во слезах говорила:

— Я королева Елена Прекрасная, а достал меня Иван-царевич, которого вы злой смерти предали. Вы тогда б были добрые рыцари, если б выехали с ним в чистое поле да живого победили, а то убили сонного и тем какую себе похвалу получите? Сонный человек — что мертвый!

Тогда Димитрий-царевич приложил свой меч к сердцу прекрасной королевы Елены и сказал ей:

— Слушай, Елена Прекрасная! Ты теперь в наших руках; мы повезем тебя к нашему батюшке, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и Жар-птицу, и коня златогривого. Ежели этого не скажешь, сейчас тебя смерти предам!

Прекрасная королева Елена, испугавшись

смерти, обещалась им и клялась всею святынею, что будет говорить так, как ей велено.

Тогда Димитрий-царевич с Васильем-царевичем начали метать жребий, кому достанется прекрасная королева Елена и кому конь златогривый. И жребий пал, что прекрасная королева должна достаться Василию-царевичу, а конь златогривый Димитрию-царевичу.

Тогда Василий-царевич взял прекрасную королеву Елену, посадил на своего доброго коня, а Димитрий-царевич сел на коня златогривого и взял Жар-птицу, чтобы вручить ее родителю своему, царю Выславу Андроновичу, и поехали в путь.

Иван-царевич лежал мертв на том месте ровно тридцать дней, и в то время набежал на него Серый Волк и узнал по духу Ивана-царевича. Захотел помочь ему — оживить, да не знал, как это сделать.

В то самое время увидел Серый Волк одного ворона и двух воронят, которые летали над трупом и хотели спуститься на землю и наесться мяса Ивана-царевича. Серый Волк спрятался за куст, и как скоро воронята спустились на землю и начали есть тело Ивана-царевича, он выскочил из-за куста, схватил одного вороненка и хотел было разорвать

его надвое. Тогда ворон спустился на землю, сел поодаль от Серого Волка и сказал ему:

— Ох ты гой еси, Серый Волк! Не трогай моего младого детища; ведь он тебе ничего не сделал.

— Слушай, Ворон Воронович! — молвил Серый Волк. — Я твоего детища не трону и отпущу здрава и невредима, когда ты мне послужишь службу: слетаешь за тридевять земель, в тридесятое государство, и принесешь мне мертвой и живой воды.

На то Ворон Воронович сказал Серому Волку:

— Я тебе службу эту сослужу, только не тронь ничем моего сына.

Выговоря эти слова, ворон полетел и скоро скрылся из виду.

На третий день ворон прилетел и принес с собой два пузырька: в одном — живая вода, в другом — мертвая, и отдал те пузырьки Серому Волку.

Серый Волк взял пузырьки, разорвал вороненка надвое, sprыснул его мертвою водою — и тот вороненок сrossя, sprыснул живою водою — вороненок встрепенулся и полетел. По-

том Серый Волк sprыснул Ивана-царевича мертвою водою — его тело срослося, sprыснул живою водою — Иван-царевич встал и промолвил:

— Ах, куды как я долго спал!

На то сказал ему Серый Волк:

— Да, Иван-царевич, спать бы тебе вечно, кабы не я; ведь тебя братья твои изрубили и прекрасную королеву Елену, и коня златогривого, и Жар-птицу увезли с собою. Теперь поспешай как можно скорее в свое отечество; брат твой, Василий-царевич, женится сегодня на твоей невесте — на прекрасной королеве Елене. А чтоб тебе поскорее туда поспеть, садись лучше на меня, на Серого Волка; я тебя на себе донесу.

Иван-царевич сел на Серого Волка, волк побежал с ним в государство царя Выслава Андроновича и долго ли, коротко ли — прибежал к городу.

Иван-царевич слез с Серого Волка, пошел в город и, пришедши во дворец, застал, что брат его Василий-царевич женится на прекрасной королеве Елене: воротился с нею от венца и сидит за столом.

Иван-царевич вошел в палаты, и как скоро Елена Прекрасная увидала его, тотчас выско-чила из-за стола, начала целовать его в уста сахарные и закричала:

— Вот мой любезный жених, Иван-царевич, а не тот злодей, который за столом сидит!

Тогда царь Выслав Андронович встал с места и начал прекрасную королеву Елену спрашивать, что бы такое то значило, о чем она говорила? Елена Прекрасная рассказала ему всю истинную правду, что и как было: как Иван-царевич добыл ее, коня златогривого и Жар-птицу, как старшие братья убили его сонного до смерти и как стращали ее, чтоб говорила, будто все это они достали.

Царь Выслав весьма осердился на Димитрия и Василья царевичей и посадил их в темницу; а Иван-царевич женился на прекрасной королеве Елене и начал с нею жить дружно, любовно, так что один без другого ниже* единой минуты пробыть не могли.

Жар-птица и Василиса-царевна

В некотором царстве, за тридевять земель — в тридесятом государстве жил-был сильный, могучий царь. У того царя был стрелец-молодец, а у стрельца-молодца конь богатырский. Раз поехал стрелец на своем богатырском коне в лес поохотиться; едет он дорогою, едет широкою — и наехал на золотое перо Жар-птицы: как огонь перо светится!

Говорит ему богатырский конь:

— Не бери золотого пера; возьмешь — горе узнаешь!

И раздумался добрый молодец — поднять перо аль нет? Коли поднять да царю поднести, ведь он щедро наградит; а царская ми-

лость кому не дорога?

Не послушался стрелец своего коня, поднял перо Жар-птицы, привез и подносит царю в дар.

— Спасибо! — говорит царь. — Да уж коли ты достал перо Жар-птицы, то достань мне и самую птицу; а не достанешь — мой меч, твоя голова с плеч!

Стрелец залился горькими слезами и пошел к своему богатырскому коню.

— О чем плачешь, хозяин?

— Царь приказал Жар-птицу добыть.

— Я ж тебе говорил: не бери пера, горе узнаешь! Ну да не бойся, не печалься: это еще не беда, беда впереди! Ступай к царю, проси, чтоб к завтраму сто кулей белоярой пшеницы было по всему чистому полю разбросано.

Царь приказал разбросать по чистому полю сто кулей белоярой пшеницы.

На другой день на заре поехал стрелец-молодец на то поле, пустил коня по воле гулять, а сам за дерево спрятался.

Вдруг зашумел лес, поднялись волны на море — летит Жар-птица; прилетела, спустилась наземь и стала клевать пшеницу. Бога-

тырский конь подошел к Жар-птице, наступил на ее крыло копытом и крепко к земле прижал; стрелец-молодец выскочил из-за дерева, прибежал, связал Жар-птицу веревками, сел на лошадь и поскакал во дворец.

Приносит царю Жар-птицу; царь увидел, возрадовался, благодарил стрельца за службу, жаловал его чином и тут же задал ему другую задачу:

— Коли ты сумел достать Жар-птицу, так достань же мне невесту: за тридевять земель, на самом краю света, где восходит красное солнышко, есть Василиса-царевна — ее-то мне и надобно. Достанешь — златом-серебром награжу, а не достанешь — то мой меч, твоя голова с плеч!

Залился стрелец горькими слезами, пошел к своему богатырскому коню.

— О чем плачешь, хозяин? — спрашивает конь.

Царь приказал добыть ему Василису-царевну.

— Не плачь, не тужи: это еще не беда, беда впереди! Ступай к царю, попроси палатку с золотою маковкой да разных припасов и на-

питков на дорогу.

Царь дал ему и припасов, и напитков, и па-

латку с золотой маковкой. Стрелец-молодец сел на своего богатырского коня и поехал за тридевять земель.

Долго ли, коротко ли — приезжает он на край света, где красное солнышко из синя моря восходит. Смотрит, а по синю морю плывет Василиса-царевна в серебряной лодочке, золотым веслом попихается*.

Стрелец-молодец пустил своего коня в зеленых лугах гулять, свежую травку щипать; а сам разбил палатку с золотой маковкою, расставил разные кушанья и напитки, сел в палатке — угощается, Василисы-царевны дожидается.

А Василиса-царевна усмотрела золотую маковку, приплыла к берегу, выступила из лодочки и любитесь на палатку.

— Здравствуй, Василиса-царевна! — говорит стрелец. — Милости просим хлеба-соли откусать, заморских вин испробовать.

Василиса-царевна вошла в палатку; начали они есть-пить, веселиться. Выпила царевна стакан заморского вина, опьянела и крепким сном заснула.

Стрелец-молодец крикнул своему богатыр-

скому коню, конь прибежал; тотчас снимает стрелец палатку с золотой маковкою, садится на богатырского коня, берет с собою сонную Василису-царевну и пускается в путь-дорогу, словно стрела из лука.

Приехал к царю; тот увидал Василису-царевну, сильно возрадовался, благодарил стрельца за верную службу, наградил его казною великою и пожаловал большим чином.

Василиса-царевна проснулась, узнала, что она далеко-далеко от синего моря, стала плакать, тосковать, совсем из лица переменялась; сколько царь ни уговаривал — все понапрасну.

Вот задумал царь на ней жениться, а она и говорит:

— Пусть тот, кто меня сюда привез, поедет к синему морю, посреди того моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано мое подвенечное платье — без того платья замуж не пойду!

Царь тотчас за стрельцом-молодцом:

— Поезжай скорее на край света, где красное солнышко восходит; там на синем море лежит большой камень, а под камнем спрята-

но подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье и привези сюда; пришла пора свадьбу играть! Достанешь — больше прежнего награжу, а не достанешь — то мой меч, твоя голова с плеч!

Залился стрелец горькими слезами, пошел к своему богатырскому коню. «Вот когда, — думает, — не миновать смерти!»

— О чем плачешь, хозяин? — спрашивает конь.

— Царь велел со дна моря достать подвенечное платье Василисы-царевны.

— А что, говорил я тебе: не бери золотого пера, горе наживешь! Ну да не бойся: это еще не беда, беда впереди! Садись на меня, да поедем к синю морю.

Долго ли, коротко ли — приехал стрелец-молодец на край света и остановился у самого моря; богатырский конь увидел, что большущий морской рак по песку ползет, и наступил ему на шейку своим тяжелым копытом. Возговорил морской рак:

— Не дай мне смерти, а дай живота*! Что тебе нужно, все сделаю.

Отвечал ему конь:

— Посреди синя моря лежит большой камень, под тем камнем спрятано подвенечное платье Василисы-царевны; достань это платье!

Рак крикнул громким голосом на все сине море; тотчас море всколыхалось: сползли со всех сторон на берег раки большие и малые — тьма-тьмуца! Старшой рак отдал им приказание, бросились они в воду и через час времени вытащили со дна моря, из-под великого камня, подвенечное платье Василисы-царевны.

Приезжает стрелец-молодец к царю, привозит царевнино платье; а Василиса-царевна опять заупрямилась.

— Не пойду, — говорит царю, — за тебя замуж, пока не велишь ты стрельцу-молодцу в горячей воде искупаться.

Царь приказал налить чугунный котел воды, вскипятить как можно горячей да в тот кипяток стрельца бросить. Вот все готово, вода кипит, брызги так и летят; привели бедного стрельца.

«Вот беда, так беда! — думает он. — Ах, зачем я брал золотое перо Жар-птицы? Зачем

коня не послушался?»

Вспомнил про своего богатырского коня и говорит царю:

— Царь-государь! Позволь перед смертью пойти с конем попрощаться.

— Хорошо, ступай прощайся!

Пришел стрелец к своему богатырскому коню и слезно плачет.

— О чем плачешь, хозяин?

— Царь велел в кипятке искупаться.

— Не бойся, не плачь, жив будешь! — сказал ему конь и наскоро заговорил стрельца, чтобы кипяток не повредил его белому телу.

Вернулся стрелец из конюшни; тотчас подхватили его рабочие люди — и прямо в котел; он раз-другой окунулся, выскочил из котла — и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать.

Царь увидал, что он таким красавцем сделался, захотел и сам искупаться; полез сдуру в воду и в ту ж минуту обварился.

Царя схоронили, а на его место выбрали стрельца-молодца; он женился на Василисе-царевне и жил с нею долгие лета в любви и согласии.

Волшебный конь

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик со старухой, и за всю их бытность не было у них детей. Вздумалось им, что вот-де лета их древние, скоро помирать надо, а наследника Господь не дал, и стали они Богу молиться, чтобы сотворил им детище на помин души. Положил старик завет: коли родит старуха детище, в ту пору кто ни попадетя первый навстречу, того и возму кумом. Через сколько-то времени забрюхатела старуха и родила сына. Старик обрадовался, собрался и пошел искать кума; только за ворота, а навстречу ему катит коляска, четверней запряжена; в коляске государь сидит.

Старик не знал государя, принял его за боярина, остановился и давай кланяться.

— Что тебе, старичок, надобно? — спрашивает государь.

— Да прошу твою милость, не во гнев будь

сказано: окрести моего новорожденного сына.

— Аль у тебя нет никого на деревне знакомых?

— Есть у меня много знакомых, много приятелей, да брать в кумовья не годится, потому что такой завет положон: кто первый встретится, того и просить.

— Хорошо, — говорит государь, — вот тебе сто рублей на крестины; завтра я сам буду.

На другой день приехал он к старику; тотчас позвали попа, окрестили младенца и нарекли ему имя Иван. Начал этот Иван расти не по годам, а по часам — как пшеничное тесто на опаре подымается; и приходит ему каждый месяц по почте по сту рублей царского жалованья.

Прошло десять лет, вырос он большой и почуял в себе силу непомерную. В то самое время вздумал про него государь: есть-де у меня крестник, а каков он — не ведаю; пожелал его лично видеть и тотчас послал приказ, чтобы Иван крестьянский сын, не медля ни-мало, предстал пред его очи светлые. Стал старик собирать его в дорогу, вынул деньги и

говорит:

— На-ка тебе сто рублей, ступай в город на конную, купи себе лошадь; а то путь дальний — пешком не уйдешь.

Иван пошел в город, и попадаетея ему на дороге стар человек.

— Здравствуй, Иван крестьянский сын! Куда путь держишь?

Отвечает добрый молодец:

— Иду, дедушка, в город, хочу купить себе лошадь.

— Ну так слушай меня, коли хочешь счастлив быть. Как придешь на конную, будет там один мужичок лошадь продавать крепко ху-

дую, паршивую; ты ее и выбери, и сколько б ни запросил с тебя хозяин — давай, не торгуйся! А как купишь, приведи ее домой и паси в зеленых лугах двенадцать вечеров и двенадцать утров по росам — тогда ты ее узнаешь!

Иван поблагодарил старика за науку и пошел в город; приходит на конную, глядь — стоит мужичок и держит за узду худую, паршивую лошаденку.

— Продаешь коня?

— Продаю.

— А что просишь?

— Да без торгу сто рублей.

Иван крестьянский сын вынул сто рублей, отдал мужику, взял лошадь и повел ко двору.

Приводит домой, отец глянул и рукой махнул:

— Пропалие деньги!

— Подожди, батюшка! Авось на мое счастье лошадка поправится.

Стал Иван водить свою лошадь каждое утро и каждый вечер в зеленые луга на пастбище, и вот как прошло двенадцать зорь утренних да двенадцать зорь вечерних — сделалась его лошадь такая сильная, крепкая да красивая, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать, и такая разумная — что только Иван на уме помыслит, а она уж ведает. Тогда Иван крестьянский сын справил себе сбрую богатырскую, оседлал своего доброго коня, простился с отцом, с матерью и поехал в столичный город к царю-государю.

Ехал он близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, очутился у государева дворца, соскочил наземь, привязал богатырского коня за кольцо к дубовому столбу и велел доложить царю про свой приезд. Царь приказал его не задерживать, пропустить в палаты без всякой задирки*. Иван вошел в царские покои, помолился на святые иконы, поклонился царю и

ВЫМОЛВИЛ:

— Здравия желаю, ваше величество!

— Здравствуй, крестник! — отвечал государь, посадил его за стол, начал угощать всякими напитками и закусками, а сам на него смотрит-дивуется: славный молодец — и лицом красив, и умом смышлен, и ростом взял; никто не подумает, что ему десять лет, всякий двадцать даст, да еще с хвостиком! «По всему видно, — думает царь, — что в этом крестнике дал мне Господь не простого воина, а сильномогучего богатыря». И пожаловал его царь офицерским чином и велел при себе служить.

Иван крестьянский сын взялся за службу со всею охотою, ни от какого труда не отказывается, за правду грудью стоит; полюбил его за то государь пуще всех своих генералов и министров и никому из них не стал доверять так много, как своему крестнику. Озлобились на Ивана генералы и министры и стали совет держать, как бы оговорить его перед самим государем. Вот как-то созвал царь к себе знатных и близких людей на обед; как уселись все за стол, он и говорит:

— Слушайте, господа генералы и министры! Как вы думаете о моем крестнике?

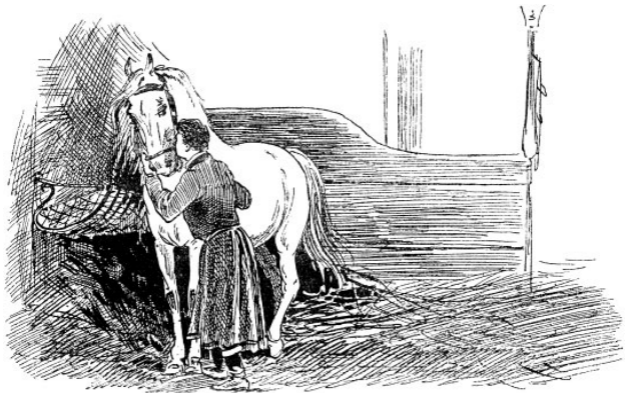
— Да что сказать, ваше величество! Мы от него не видали ни худого, ни хорошего; одно дурно — больно хвастлив уродился. Уж не раз от него слыхивали, что в таком-то ко ролевстве, за тридевять земель, выстроен большой мраморный дворец, а кругом превысокая ограда поставлена — не пробраться туда ни пешему, ни конному! В том дворце живет Настасья прекрасная королева. Никому ее не добыть, а он, Иван, похваляется ее достать, за себя замуж взять.

Царь выслушал этот оговор, приказал позвать своего крестника и стал ему сказывать:

— Что ж ты генералам да министрам похваляешься, что можешь достать Настасью-королеву, а мне про то ничего не докладываешь?

— Помилуйте, ваше величество! — отвечает Иван крестьянский сын. — Мне того и во сне не снилось.

— Теперь поздно отпираться; у меня коли похвалился, так и дело сделай; а не сделаешь — то мой меч, твоя голова с плеч!

Запечалился Иван крестьянский сын, повесил свою головушку ниже могучих плеч и пошел к своему доброму коню. Возговорит ему конь человеческим голосом:

— Что, хозяин, кручинишься, а мне правды не сказываешь?

— Ах, мой добрый конь! Отчего мне веселому быть? Оговорило меня начальство перед самим государем, будто я могу добыть и взять за себя замуж Настасью прекрасную королеву. Царь и велел мне это дело исполнить, а не то хочет рубить голову.

— Не тужи, хозяин! Молись Богу да ложись

спать; утро вечера мудренее. Мы это дело обделаем; только попроси у царя побольше денег, чтобы не скучать нам дорогою, было бы вдоволь поесть и попить, что захочется.

Иван переночевал ночь, встал поутру, явился к государю и стал просить на поход золотой казны.

Царь приказал выдать ему, сколько надобно. Вот добрый молодец взял казну, надел на своего коня сбрую богатырскую, сел верхом и поехал в путь-дорогу.

Близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, заехал он за тридевять земель, в тридесятое королевство, и остановился у мраморного дворца; кругом дворца стены высокие, ни ворот, ни дверей не видно; как за ограду попасть? Говорит Ивану его добрый конь:

— Подождем до вечера! Как только стемнеет — оборочусь я сизокрылым орлом и перенесусь с тобой через стену. В то время прекрасная королева будет спать на своей мягкой постели; ты войди к ней прямо в спальню, возьми ее потихоньку на руки и неси смело.

Вот хорошо, дождались они вечера; как

только стемнело, ударился конь о сырую землю, оборотился сизокрылым орлом и говорит:

— Время нам свое дело делать; смотри не давай маху!

Иван крестьянский сын сел на орла; орел поднялся в поднебесье, перелетел через стену и поставил Ивана на широком дворе.

Пошел добрый молодец в палаты, смотрит — везде тихо, вся прислуга спит глубоким сном; он в спальню — на кровати лежит Настасья прекрасная королевна, разметала во сне покровы богатые, одеяла соболии. Засмотрелся добрый молодец на ее красоту неопи-санную, на ее тело белое, отуманила его любовь горячая, не выдержал и поцеловал королеву в уста сахарные. От того пробудилась красная девица и с испугу закричала громким голосом; на ее голос поднялись, прибежали слуги верные, поймали Ивана крестьянского сына и связали ему руки и ноги накрепко. Королевна приказала его в темницу посадить и давать ему в день по стакану воды да по фунту черного хлеба.

Сидит Иван в крепкой темнице и думает думу невеселую: «Верно, здесь мне положить

свою буйную голову!» А его добрый богатырский конь ударился оземь и сделался малою птичкою, влетел к нему в разбитое окошечко и говорит:

— Ну, хозяин, слушайся: завтра я выломлю двери и тебя ослобоню*; ты спрячься в саду за таким-то кустом; там будет гулять Настасья прекрасная королева, а я обернусь бедным стариком и стану просить у нее милостыни; смотри ж, не зевай, не то худо будет.

Иван повеселел, птичка улетела. На другой

день бросился богатырский конь к темнице и выбил дверь копытами; Иван крестьянский сын выбежал в сад и стал за зеленым кустиком. Вышла погулять по саду прекрасная королева, только поравнялась супротив кустика — как подошел к ней бедный старичок, кланяется и просит со слезами святой милостыни. Пока красная девица вынимала кошелек с деньгами, выскочил Иван крестьянский сын, ухватил ее в охапку, зажал ей рот таково крепко, что нельзя и малого голосу подать. В тот же миг обернулся старик сизокрылым орлом, взвился с королевною и добрым молодецм высоко-высоко, перелетел через ограду, опустился на землю и сделался по-прежнему богатырским конем. Иван крестьянский сын сел на коня и Настасью-королеву с собой посадил; говорит ей:

— Что, прекрасная королева, теперь не запрешь меня в темницу?

Отвечает прекрасная королева:

— Видно, мне судьба быть твоею, делай со мной, что сам знаешь!

Вот едут они путем-дорогою; близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, приезжают на

большой зеленый луг. На том лугу стоят два великана, друг дружку кулаками потчуют; избились-исколотились до крови, а ни один другого осилить не может; возле них лежат на траве помело да клюка.

— Послушайте, братцы, — спрашивает их Иван крестьянский сын. — За что вы деретесь?

Великаны перестали драться и говорят ему:

— Мы оба родные братья; помер у нас отец, и осталось после него всего-навсего имения — вот это помело да клюка; стали мы делиться, да и поссорились: каждому, вишь, хочется все себе забрать! Ну, мы и решились драться не на живот, на смерть, кто в живых останется — тот обе вещи получит.

— А давно вы спорите?

— Да вот уж три года, как друг дружку колотим, а толку все не добьемся!

— Эх вы! Есть из-за чего смертным боем драться. Велика ли корысть — помело да клюка?

— Не говори, брат, чего не ведаешь! С этим помелом да с клюкою хоть какую силу побе-

дить можно. Сколько бы неприятель войска ни выставил, смело выезжай навстречу: где махнешь помелом — там будет улица, а перемахнешь — так и с переулочком. А клюка тоже надобна: сколько б ни захватил ею войска — все в плен заберешь!

«Да, вещи хорошие! — думает Иван. — Пожалуй,годились бы и мне».

— Ну, братцы, — говорит, — хотите, я разделю вас поровну?

— Раздели, добрый человек!

Иван крестьянский сын слез с своего богатырского коня, набрал горсть мелкого песка,

завел великанов в лес и рассеял тот песок на все на четыре стороны.

— Вот, — говорит, — собирайте песок; у кого больше будет, тому и клюка и помело достанутся.

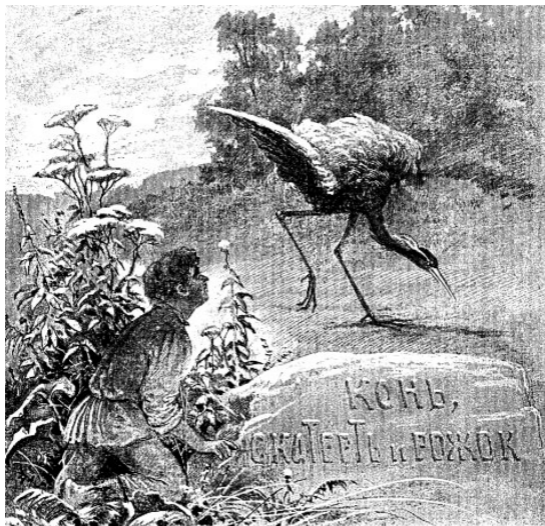
Великаны бросились собирать песок, а Иван тем временем схватил и клюку и помело, сел на коня — и поминай как звали!

Долго ли, коротко ли, подъезжает он к своему государству и видит, что его крестного отца постигла беда немалая: все царство повоевано, около стольного города стоит рать-сила несметная, грозит все огнем пожечь, самого царя злой смерти предать. Иван крестьянский сын оставил королевну в ближнем лесочке, а сам полетел на войско вражее; где помелом махнет — там улица, где перемахнет — там с переулочком! В короткое время перебил целые сотни, целые тысячи; а что от смерти уцелело, то зацепил клюкою и живьем приволок в стольный город. Царь встретил его с радостью, приказал в барабаны бить, в трубы трубить и пожаловал генеральским чином и несметной казною. Тут Иван крестьянский сын вспомнил про Настасью прекрасную ко-

ролевну, отпросился на время и привез ее прямо во дворец. Похвалил его царь за удаль богатырскую, велел ему дом готовить да свадьбу справлять. Женился Иван крестьянский сын на прекрасной королевне, отпировал свадьбу богатую и стал себе жить, не тужить. Вот вам сказка, а мне бубликов связка.

Конь, скатерть и рожок

Жила-была старуха, у ней был сын дурак. Вот однажды нашел дурак три гороховых зерна, пошел за село и посеял их там. Когда горох взошел, стал он его караулить; приходит раз на горох и увидал, что сидит на нем журавль и клюет.

Дурак подкрался и поймал журавля.

— О! — говорит. — Я тебя убью!

А журавль говорит ему:

— Нет, не бей меня, я тебе гостинчик дам.

— Давай! — сказал дурак, и журавль дал ему коня, говоря:

— Если тебе захочется денег, скажи этому коню: «Стой!», а как наберешь денег, скажи: «Но!»

Вот дурак взял коня, стал садиться на него и сказал: «Стой!» Конь и рассыпался в серебро. Дурак захохотал; потом сказал: «Но!» — и серебро обратилось в коня.

Распростился дурак с журавлем и повел коня домой, взвел на двор и прямо привел его к матери в избу, привел и дает ей строгий приказ:

— Матушка! Не говори: «Стой!», говори: «Но!»

А сам тут же ушел на горох.

Мать была долго в раздумье: «Для чего говорил он мне такие слова? Дай скажу: „Стой!“» — и сказала. Вот конь и рассыпался в серебро. У старухи глаза разгорелись; поспешно начала она собирать деньги в свою коробью, и как удовольствовалась — сказала:

«Но!»

Меж тем дурак опять застал на своем горохе журавля, поймал его и грозил ему смертью. Но журавль сказал:

— Не бей меня; я тебе гостинку дам, — и дал ему скатерть. — Вот как захочешь ты есть, скажи: «Развернись!», а как поешь, скажи: «Свернись!»

Дурак тут же сделал опыт, сказал: «Развернись!» Скатерть развернулась. Он наелся-напился и говорит: «Свернись!» Скатерть свернулась.

Он взял ее и понес домой:

— Вот смотри, матушка, не говори этой скатерти: «Развернись!», а говори: «Свернись!»

А сам дурак опять пошел на горох. Мать и со скатертью сделала то же, что и с конем; сказала: «Развернись!» — и начала гулять, есть и пить все, что было на скатерти; потом сказала: «Свернись!» Скатерть и свернулась.

Дурак опять поймал на горохе журавля, который дал ему в гостинец рожок и, поднимаясь от него кверху, сказал:

— Дурак! Скажи: «Из рожка!»

Дурак, на свою беду, и сказал это самое слово; вдруг из рожка выскочили два молодца с дубинами и начали утюжить дурака, и до того утюжили, что он, бедный, с ног свалился. Журавль сверху закричал: «В рожок!» — и молодцы спрятались.

Вот дурак пришел к матери и говорит:

— Матушка! Не говори: «Из рожка!» — а говори: «В рожок!»

Мать, как вышел дурак к соседям, заперла дверь на крючок и сказала: «Из рожка!» Сейчас выскочили два молодца с дубинами и начали утюжить старуху; она кричит во все горло.

Дурак услышал крик, бежит со всех ног, прибег, хватить — дверь на крючке; он и закричал:

— В рожок! В рожок!

Старуха, опомнившись от побоев, отперла дураку дверь.

Дурак взошел и сказал:

— То-то, матушка! Я тебе сказывал — не говори так-то.

Вот дурак задумал задать пир и созывает господ и бояр. Только они собрались и посе-

лись, дурак и приводит в избу коня и говорит:

— Стой, добрый конь!

Конь рассыпался в серебро. Гости удивились и почали грабить себе деньги да прятать по карманам. Дурак сказал: «Но!» — и конь опять явился, только без хвоста.

Видит дурак, что время гостей потчевать, вынул скатерть и сказал:

— Развернись!

Вдруг развернулась скатерть, и на ней всяких закусок и напитков наставлено великое множество. Гости начали пить, гулять и веселиться.

Как все удовольствовались, дурак сказал:

— Свернись!

И скатерть свернулась. Гости стали зевать и с насмешкой говорить:

— Покажи нам, дурак, еще что-нибудь!

— Изволь, — сказал дурак, — для вас можно! — и приносит рожок.

Гости прямо и закричали:

— Из рожка!

Откуда ни взялись два молодца с дубинками, начали колотить их изо всей мочи и до того били, что гости принуждены были от-

дать украденные деньги, а сами разбежались.

А дурак с матерью, конем, скатертью и рожком стал жить да поживать да больше добра наживать.

Двое из сумы

У одного старика была жена очень сварливая. Эта старуха на старика всегда бранилась, что ни день — то помелом, то рогачом* отваляет его. Старику от старухи житья вовсе не было. И пошел он в поле, взял с собою тенеты* и постановил их. И поймал он журавля и говорит ему:

— Будь мне сыном! Я тебя отнесу своей старухе, авось она не будет теперь на меня ворчать.

Журавль ему отвечает:

— Батюшка! Пойдем со мною в дом.

Вот он и пошел к нему в дом. Пришли; журавль взял со стены сумку и говорит: «Двое из

сумы!» Вот сейчас вылезли из сумы два молодца, стали становить столы дубовые, стлать скатерти шелковые, подавать ествы и питья разные. Старик видит такую сладость, что сроду никогда не видывал, и обрадовался оченно. Журавль и говорит ему:

— Возьми эту суму себе и неси своей старухе.

Вот он взял и пошел; шел путем дальним и зашел к куме ночевать; у кумы было три дочери. Собрали ему поужинать чем Бог послал. Он ест — не ест и говорит куме:

— Плоха твоя еда!

— Какая есть, батюшка! — отвечала кума.

Вот он и говорит:

— Собери свою еду-то, — а которая была у него сума, той говорит, как приказывал ему журавль: «Двое из сумы!»

В ту ж минуту двое из сумы вылезли, зачали ставить столы дубовые, стлать скатерти шелковые, подавать ествы и питья разные.

Кума с дочерьми своими удивилась, задумала унести у старика эту суму и говорит дочерям:

— Подите истопите баньку; может, кума-

нек попарится в баньке-то.

Вот только вышел он в баню-то, а кума сейчас приказала своим дочерям сшить точно такую же суму, какая у старика; они сшили и положили свою суму старику, а его суму себе взяли. Старик вышел из бани, взял обмененную суму и весело пошел в дом свой к старухе; приходит ко двору и кричит громким голосом:

— Старуха, старуха! Встречай меня с журавлем-сыном.

Старуха глядит на него быстро и ворчит промеж себя: «Подика ты, старый кобель! Я тебя отваляю рогачом». А старик свои слова говорит:

— Старуха! Встречай меня с журавлем-сыном.

Вошел в избу старик, повесил суму на крючок и кричит: «Двое из сумы!» Из сумы нет никого. Вот он в другой раз: «Двое из сумы!» Из сумы опять нет никого. Старуха видит, что он говорит бознать* что, ухватила помело мокро и ну старика гвоздить*.

Старик испугался, заплакал и пошел опять в поле. Отколь ни взялся прежний журавль,

видит его несчастье и говорит:

— Пойдем, батюшка, опять ко мне в дом.

Вот он и пошел. У журавля опять сума висит такая же.

— Двое из сумы! — сказал журавль.

Двое из сумы вылезли и поставили такой же обед, как и прежние.

— Возьми себе эту суму, — говорит журавль старику.

Вот он взял суму и пошел; шел-шел по дороге, и захотелось ему поесть, и говорит он, как приказывал журавль: «Двое из сумы!» Двое из сумы вылезли — такие молодцы с большими колдашами* — и начали его бить, приговаривая: «Не заходи к куме, не парься в бане!» — и до тех пор били старика, пока он не выговорил кое-как: «Двое в суму!» Как только изговорил эти слова, двое в суму и спрятались.

Вот старик взял суму и пошел; пришел к той же куме, повесил суму на крючок и говорит куме:

— Истопи мне баньку.

Она истопила. Старик пошел в баню: парится — не парится, только время проводит.

Кума созвала своих дочерей, усадила за стол — захотелось ей поесть — и говорит: «Двое из сумы!» Двое из сумы вылезли с большими колдашами и ну куму бить, приговаривая: «Отдай старикову суму!» Били, били... вот она и говорит большой дочери:

— Поди, кликни кума из бани; скажи, что двое совсем меня прибили.

— Я ща* не испарился, — отвечает старик.

А они всё больше ее бьют, приговаривая: «Отдай старикову суму!»

Вот кума послала другую дочь:

— Скорее вели куманьку идти в избу.

Он отвечает:

— Я ща голову не мыл.

Она и третью посылает.

— Я ща не купался, — говорит старик.

Терпенья нет куме! Велела принесть украденную суму. Вот старик вышел из бани, увидел свою прежнюю суму и говорит: «Двое в суму!» Двое в суму с колдашами и ушли.

Вот старик взял обе сумы — и сердиту и хорошу — и пошел домой. Подходит ко двору и кричит старухе:

— Встречай меня с журавлем-сыном.

Она на него быстро глядит: «Подика ты домой-то, я тебя отваялю!»

Взошел в избу старик, зовет старуху:

— Садись за стол, — и говорит: «Двое из сумы!»

Двое из сумы вылезли, настановили и пить и есть. Старуха наелась-напилась и похвалила старика:

— Ну, старик, я теперь бить тебя не стану.

Старик, наевшись, вышел на двор, хорошую суму вынес в клеть*, а сердитую повесил на крючок; а сам по двору ходит — не ходит, только время проводит.

Захотелось старухе еще выпить, и говорит она стариковы слова: «Двое из сумы!» Вот вылезли двое из сумы с большими колдашами и начали бить старуху; до тех пор били, что у ней мочи не стало! Кличет старика:

— Старик, старик! Поди в избу: меня двое прибили!

А он ходит — не ходит, только посмеивается да поговаривает: «Они тебе зададут!» Двое еще больше бьют старуху и приговаривают: «Не бей старика! Не бей старика!»

Наконец старик сжалился над старухою,

вошел в избу и сказал: «Двое в суму!» Двое в суму и спрятались. С тех пор старик со старухой стали жить так хорошо, так дружно, что старик везде ею похваляется, тем и сказка кончается.

Петух и жерновцы

Жил да был себе старик со старухою, бедные-бедные! Хлеба-то у них не было; вот они поехали в лес, набрали желудей, привезли домой и начали есть.

Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один желудь в подполье.

Пустил желудь росток и в небольшое время дорос до полу.

Старуха заприметила и говорит:

— Старик! Надобно пол-то прорубить; пускай дуб растет выше; как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать.

Старик прорубил пол.

Дереvцо росло, росло и выросло до потолка.

Старик разобрал и потолок, а после и крышу снял.

Дерево все растет да растет и доросло до самого неба. Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб.

Лез-лез и взобрался на небо.

Ходил, ходил по небу, увидал: сидит коче-

ток* золотой гребенек, масляна головка, и
стоят жерновцы*. Вот старик-от долго не ду-
мал, захватил с собою и кочетка и жерновцы
и спустился в избу. Спустился и говорит:

— Как нам, старуха, быть, что нам есть?

— Постой, — молвила старуха, — я попро-

бую жерновцы.

Взяла жерновцы и стала молоть: ан блин да пирог, блин да пирог! Что ни повернет — все блин да пирог!.. И накормила старика.

Ехал мимо какой-то барин и заехал к старику со старушкой в хату.

— Нет ли, — спрашивает, — чего-нибудь поесть?

Старуха говорит:

— Чего тебе, родимый, дать поесть, разве блинков?

Взяла жерновцы и намолочила: напали блинчики да пирожки.

Приезжий поел и говорит:

— Продай мне, бабушка, твои жерновцы.

— Нет, — говорит старушка, — продать нельзя.

Он взял да и украл у ней жерновцы.

Как увéдали старик со старушкою, что украдены жерновцы, стали горе горевать.

— Постой, — говорит кочеток золотой гребенек, — я полечу, догоню!

Прилетел он к боярским хоромам, сел на ворота и кричит:

— Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши

жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!

Как услышал барин, сейчас приказывает:

— Эй, малый! Возьми брось его в воду.

Поймали кочетка, бросили в колодезь; он и стал приговаривать:

— Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду! — и выпил всю воду.

Выпил всю воду и полетел к боярским хоромам; уселся на балкон и опять кричит:

— Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!

Барин велел повару бросить его в горячую печь.

Поймали кочетка, бросили в горячую печь — прямо в огонь; он и стал приговаривать:

— Носик, носик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду! — и залил весь жар в печи.

Вспорхнул, влетел в боярскую горницу и опять кричит:

— Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!

Гости услышали это и побегли из дому, а хозяин побег догонять их; кочеток золотой гребенек схватил жерновцы и улетел с ними к старику и старухе.

Волшебное кольцо

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был старик со старухой, и был у них сын Мартынка. Всю жизнь свою занимался старик охотою, бил зверя и птицу, тем и сам кормился, и семью питал.

Пришло время — заболел старик и помер; оставался Мартынка с матерью, потужили-поплакали, да делать-то нечего: мертвого назад не воротишь.

Пожили с неделю и приели весь хлеб, что в запасе был; видит старуха, что больше есть нечего, надо за денежки приниматься. Вишь, старик-то оставил им двести рублей; больно не хотелось ей починать кубышку, одначе

сколько ни крепились, а начинаться нужно — не с голоду ж помирать!

Отсчитала сто рублей и говорит сыну:

— Ну, Мартынка, вот тебе сто целковиков*; пойди — попроси у соседей лошади, поезжай в город да купи хлеба; авось как-нибудь зиму промаячим, а весной станем работы искать.

Мартынка выпросил телегу с лошадей и поехал в город; едет он мимо мясных лавок — шум, брань, толпа народу. Что такое? А то мясники изловили охотничью собаку, привязали к столбу и бьют ее палками, собака рвется, визжит, огрызается... Мартынка подбежал к тем мясникам и спрашивает:

— Братцы! За что вы бедного пса так бьете немилостиво?

— Да как его, проклятого, не бить, — отвечают мясники, — когда он целую тушу говядины спортил!

— Полно, братцы! Не бейте его, лучше продайте мне.

— Пожалуй, купи, — говорит один мужик шутя, — давай сто рублей.

Мартынка вытащил из-за пазухи сотню,

отдал мясникам, а собаку отвязал и взял с собой. Пес начал к нему ластиться, хвостом так и вертит: понимает, значит, кто его от смерти спас.

Вот приезжает Мартынка домой, мать тотчас стала спрашивать:

— Что купил, сынок?

— Купил себе первое счастье.

— Что ты завираешься, какое там счастье?

— А вот он — Журка! — и кажет ей на собаку.

— А больше ничего не купил?

— Коли б деньги остались, может, и купил бы; только вся сотня за собаку пошла.

Старуха заругалась.

— Нам, — говорит, — самим есть нечего; нынче последние поскребышки по закромам собрала да лепешку спекла, а завтра и того не будет!

На другой день вытащила старуха еще сто рублей, отдает Мартынке и наказывает:

— На, сынок! Поезжай в город, искупи хлеба, а задаром денег не бросай.

Приехал Мартынка в город, стал ходить по улицам да присматриваться, и попался ему

на глаза злой мальчишка: поймал тот мальчишка кота, зацепил веревкой за шею и давай тащить на реку.

— Пстой! — закричал Мартынка. — Куда Ваську тащишь?

— Хочу его утопить, проклятого!

— За какую провинность?

— Со стола пирог стянул.

— Не топи его, лучше продай мне.

— Пожалуй, купи; давай сто рублей.

Мартынка не стал долго раздумывать, полез за пазуху, вытащил деньги и отдал мальчику, а кота посадил в мешок и повез домой.

— Что купил, сынок? — спрашивает его старуха.

— Кота Ваську.

— А больше ничего не купил?

— Коли б деньги остались, может, и купил бы еще что-нибудь.

— Ах ты, дурак этакий! — закричала на него старуха. — Ступай же из дому вон, ищи себе хлеба по чужим людям.

Пошел Мартынка в соседнее село искать работы; идет дорогою, а следом за ним Журка с Ваською бегут. Навстречу ему поп:

— Куда, свет, идешь?

— Иду в батраки наниматься.

— Ступай ко мне; только я работников без ряды* беру: кто у меня прослужит три года, того и так не обижу.

Мартынка согласился и без устали три лета и три зимы на попа работал; пришел срок расплате, зовет его хозяин:

— Ну, Мартынка! Иди — получай за свою службу.

Привел его в амбар, показывает два полных мешка и говорит:

— Какой хочешь, тот и бери!

Смотрит Мартынка — в одном мешке серебро, а в другом песок и раздумался: «Эта штука неспроста приготовлена! Пусть лучше мои труды пропадут, а уж я попытаю, возьму песок — что из того будет?»

Говорит он хозяину:

— Я, батюшка, выбираю себе мешок с мелким песочком.

— Ну, свет, твоя добрая воля; бери, коли серебром брезгаешь.

Мартынка взвалил мешок на спину и пошел искать другого места; шел-шел, шел-шел

и забрел в темный, дремучий лес. Среди леса поляна, на поляне огонь горит, в огне девица сидит, да такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, тольк о в сказке сказать. Говорит красная девица:

— Мартын вдовин сын! Если хочешь добыть себе счастья, избавь меня: засыпь это пламя песком, за который ты три года служил.

«И впрямь, — подумал Мартынка, — чем таскать с собой этакую тяжесть, лучше человеку пособить. Не велико богатство — песок, этого добра везде много!»

Снял мешок, развязал и давай сыпать; огонь тотчас погас, красная девица ударилась оземь, обернулась змеею, вскочила доброму молодцу на грудь и обвилась кольцом вокруг его шеи. Мартынка испугался.

— Не бойся! — провещала ему змея. — Иди теперь за тридевять земель, в тридесятое государство — в подземельное царство; там мой батюшка царствует. Как придешь к нему на двор, будет он давать тебе много золота, и серебра, и самоцветных камней; ты ничего не бери, а проси у него с мизинного перста ко-

лечко. То кольцо не простое; если перекинуть его с руки на руку — тотчас двенадцать молодцев явятся, и что им ни будет приказано, всё за единую ночь сделают.

Отправился добрый молодец в путь-дорогу; близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, подходит к тридесyatому царству и видит огромный камень. Тут соскочила с его шеи змея, ударилась о сырую землю и сделалась по-прежнему красною дэвицей.

— Ступай за мною! — говорит красная девица и повела его под тот камень.

Долго шли они подземным ходом, вдруг забрезжился свет — все светлей да светлей, и вышли они на широкое поле, под ясное небо; на том поле великолепный дворец выстроен, а во дворце живет отец красной дэвицы, царь той подземельной стороны.

Входят путники в палаты белокаменные, встречает их царь ласково.

— Здравствуй, — говорит, — дочь моя милая, где ты столько лет скрывалась?

— Свет ты мой батюшка! Я бы совсем пропала, если б не этот человек: он меня от злой неминуемой смерти освободил и сюда, в род-

ные места, привел.

— Спасибо тебе, добрый молодец! — сказал царь. — За твою добродетель наградить тебя

надо; бери себе и злата, и серебра, и каменьев самоцветных, сколько твоей душе хочется.

Отвечает ему Мартын вдовин сын:

— Ваше царское величество! Не требуется мне ни злата, ни серебра, ни каменьев самоцветных; коли хочешь жаловать, дай мне колечко с своей царской руки — с мизинного перста. Я человек холостой; стану на колечко почаще посматривать, стану про невесту раздумывать, тем свою скуку разгонять.

Царь тотчас снял кольцо, отдал Мартыну:

— На, владей на здоровье, да смотри: никому про кольцо не сказывай, не то сам себя в большую беду втянешь!

Мартын вдовин сын поблагодарил царя, взял кольцо да малую толику денег на дорогу и пустился обратно тем же путем, каким прежде шел.

Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, воротился на родину, разыскал свою мать-старуху, и стали они вместе жить-поживать без всякой нужды и печали.

Захотелось Мартынке жениться, пристал он к матери, посылает ее свахою:

— Ступай, — говорит, — к самому королю,

высватай за меня прекрасную королеву.

— Эх, сынок, — отвечает старуха, — рубил бы ты дерево по себе — лучше бы вышло. А то вишь что выдумал! Ну зачем я к королю пойду? Знамое дело, он осердится и меня и тебя велит казни предать.

— Ничего, матушка! Небось, коли я посылаю, значит — смело иди. Какой будет ответ от короля, про то мне скажи; а без ответу и домой не ворочайся.

Собралась старуха и поплелась в королевский дворец; пришла на двор и прямо на парадную лестницу, так и прет без всякого доклада. Ухватили ее часовые:

— Стой, старая ведьма! Куда тебя черти несут? Здесь даже генералы не смеют ходить без доклада...

— Ах вы, такие-сякие, — закричала старуха, — я пришла к королю с добрым делом, хочу высватать его дочь-королеву за моего сынка, а вы хватаете меня за полы.

Такой шум подняла, что и Господи упаси! Король услышал крики, глянул в окно и велел допустить к себе старушку.

Вот вошла она в государскую комнату, по-

молилась на иконы и поклонилась королю.

— Что скажешь, старушка? — спросил король.

— Да вот пришла к твоей милости; не во гнев тебе сказать: есть у меня купец, у тебя товар. Купец-то — мой сынок Мартынка, пре-большой умница; а товар — твоя дочка, пре-красная королевна. Не отдашь ли ее замуж за моего Мартынку? То-то пара будет!

— Что ты, али с ума сошла? — закричал на нее король.

— Никак нет, ваше королевское величество! Извольте ответ дать.

Король тем же часом собрал к себе всех господ министров, и начали они судить да рядить, какой бы ответ дать этой старухе? И присудили так: пусть-де Мартынка за единые сутки построит богатейший дворец, и чтоб от того дворца до королевского был сделан хрустальный мост, а по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех на деревьях пели бы разные птицы, да еще пусть выстроит пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять. Если старухин сын все это

сделает, тогда можно за него и королевну отдать: значит, больно мудрен; а если не сделает, то и старухе и ему срубить за провинность головы. С таким-то ответом отпустили старуху.

Идет она домой — шатается, горячими слезьми заливается; увидала Мартынку:

— Ну, — говорит, — сказывала я тебе, сынок: не затевай лишнего; а ты все свое. Вот теперь и пропали наши бедные головушки, быть нам завтра казненными.

— Полно, матушка, авось живы останемся; молись-ка Богу да ложись поживать; утро, кажись, мудренее вечера.

Ровно в полночь встал Мартын с постели, вышел на широ кий двор, перекинул кольцо с

руки на руку — и тотчас явилось перед ним двенадцать молодцев, все на одно лицо, волос в волос, голос в голос.

— Что тебе понадобилось, Мартын вдовин сын?

— А вот что: сделайте мне к свету на этом самом месте богатейший дворец, и чтоб от моего дворца до королевского был хрустальный мост, по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех на деревьях пели бы разные птицы, да еще выстройте пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять.

Отвечали двенадцать молодцев:

— К завтраму все будет готово!

Бросились они по разным местам, согнали со всех сторон мастеров и плотников и принялись за работу: все у них спорится, быстро дело делается. Наутро проснулся Мартынка не в простой избе, а в знатных, роскошных покоях, вышел на высокое крыльцо, смотрит — все как есть готово: и дворец, и собор, и мост хрустальный, и деревья с золотыми и серебряными яблоками.

В те поры* и король выступил на балкон, глянул в прозорную трубочку и диву дался: все по приказу сделано! Призывает к себе прекрасную королеву и велит к венцу снаряжаться.

— Ну, — говорит, — не думал я, не гадал отдавать тебя замуж за мужичьего сына, да теперь миновать того нельзя.

Вот, пока королева умывалась, притиралась, в дорогие уборы рядилась, Мартын вдовин сын вышел на широкий двор и перекинул свое колечко с руки на руку — вдруг двенадцать молодцев словно из земли выросли:

— Что угодно, что надобно?

— А вот, братцы, оденьте меня в боярский кафтан да приготовьте расписную коляску и шестерку лошадей.

— Сейчас будет готово!

Не успел Мартынка три раза моргнуть, а уж притащили ему кафтан; надел он кафтан — как раз впору, словно по мерке сшит. Оглянулся — у подъезда коляска стоит, в коляске чудные кони запряжены — одна шерстинка серебряная, а другая золотая. Сел он в коляску и поехал в собор; там уж давно к

обедне звонят, и народу привалило видимо-невидимо.

Вслед за женихом приехала и невеста с своими няньками и мамками и король с своими министрами. Отстояли обедню, а потом как следует — взял Мартын вдовин сын прекрасную королевну за руку и принял закон с нею. Король дал за дочкою богатое приданое, наградил зятя большим чином и задал пир на весь мир.

Живут молодые месяц, и два, и три; Мартынка что ни день все новые дворцы строит да сады разводит. Только королевне больно не по сердцу, что выдали ее замуж не за царевича, не за королевича, а за простого мужика; стала думать, как бы его со света сжить; прикинулась такою лисою, что и на поди! Всячески за мужем ухаживает, всячески ему служит да все про его мудрость выспрашивает. Мартынка крепится, ничего не рассказывает.

Вот раз как-то был он у короля в гостях, подпил порядком, вернулся домой и лег отдохнуть; тут королевна и пристала к нему, дай его целовать-миловать, ласковыми словами прельщать, и таки умаслила: рассказал ей

Мартынка про свое чудодейное колечко.

«Ладно, — думает королева, — теперь я с тобою сделаюсь!»

Только заснул он крепким сном, королева хватя его за руку, сняла с мизинного пальца колечко, вышла на широкий двор и перекинула то кольцо с руки на руку. Тотчас явилось перед ней двенадцать молодцев.

— Что угодно, что надобно, прекрасная королева?

— Слушайте, ребята! Чтоб к утру не было здесь ни дворца, ни собора, ни моста хрустального, а стояла бы по-прежнему старая избушка; пусть муж мой в бедности остается, а меня унесите за тридевять земель, в тридешатое царство, в мышье государство. От одного стыда не хочу здесь жить!

— Рады стараться, все будет исполнено!

В ту ж минуту подхватило ее ветром и унесло в тридешатое царство, в мышье государство.

Утром проснулся король, вышел на балкон посмотреть в прозорную трубочку — нет ни дворца с хрустальным мостом, ни собора пятиглавого, а только стоит старая избушка.

«Что бы это значило? — думает король. — Куда все девалось?»

И, не мешкая, посылает своего адъютанта разузнать на месте, что такое случилось? Адъютант поскакал верхом, освидетельствовал и, воротясь назад, докладует государю:

— Ваше величество! Где был богатейший дворец, там стоит по-прежнему худая избушка, в той избушке ваш зять с своей матерью проживает, а прекрасной королевы и духу нет, и неведомо, где она нынче находится.

Король созвал большой совет и велел судить своего зятя, зачем-де обольстил его волшебством и сгубил прекрасную королеву. Осудили Мартынку посадить в высокий каменный столб и не давать ему ни есть, ни пить: пусть помрет с голоду.

Явились каменщики, вывели столб и замуровали Мартынку наглухо, только малое окошечко для света оставили.

Сидит он, бедный, в заключении не пивши не евши день, и другой, и третий да слезами обливается.

Узнала про ту напасть собака Журка, прибежала в избушку, а кот Васька на печи ле-

жит, мурлыкает, и напустилась на него ругаться:

— Ах ты, подлец Васька! Только знаешь на печи лежать да потягиваться, а того не ведаешь, что хозяин наш в каменном столбу заточен. Видно, позабыл старое добро, как он сто рублей заплатил да тебя от смерти освободил; кабы не он, давно бы тебя, проклятого, черви источили! Вставай скорей! Надо помогать ему всеми силами.

Кот Васька соскочил с печки и вместе с Журкою побежал разыскивать хозяина; прибежал к столбу, вскарабкался наверх и влез в окошечко:

— Здравствуй, хозяин! Жив ли ты?

— Еле жив, — отвечает Мартынка, — совсем отоцал без еды, пришлось помирать голодною смертью.

— Постой, не тужи; мы тебя и накормим и напоим, — сказал Васька; выпрыгнул в окно и спустился наземь. — Ну, брат Журка, ведь хозяин наш с голоду помирает; как бы нам ухитриться да помочь ему?

— Дурак ты, Васька! И этого не придумаешь? Пойдем-ка по городу; как только встре-

нется булочник с лотком, я живо подкачусь ему под ноги и собью у него лоток с головы; тут ты смотри, не плошай, хватай поскорей калачи да булки и тащи к хозяину.

Вот хорошо, вышли они на большую улицу, а навстречу им мужик с лотком; Журка бросился ему под ноги, мужик пошатнулся, выронил лоток, рассыпал все хлеба да с испугу бежать в сторону: боязно ему, что собака, пожалуй, бешеная — долго ли до беды! А кот Васька цап за булку и потащил к Мартынке; отдал одну — побежал за другою, отдал другою — побежал за третьею.

Точно таким же манером напугали они мужика с кислыми щами и добыли для своего хозяина не одну бутылочку.

После того вздумали кот Васька да собака Журка идти в тридешатое царство, в мышье государство — добывать чудодейное кольцо: дорога дальняя, много времени утечет... Натаскали они Мартынке сухарей, калачей и всякой всячины на целый год и говорят:

— Смотри же, хозяин, ешь-пей, да оглядывайся, чтоб хватило тебе запасов до нашего возвращения.

Попрощались и отправились в путь-дорогу.

Близко ли, далекó, скоро ли, короткó, приходят они к синему морю. Говорит Журка ко-ту Ваське:

— Я надеюсь переплыть на ту сторону, а ты как думаешь?

Отвечает Васька:

— Я плавать не мастак, сейчас потону!

— Ну, садись ко мне на́ спину!

Кот Васька сел собаке на спину, уцепился когтями за шерсть, чтобы не свалиться, и поплыли они по морю; перебрались на другую сторону и пришли в тридешатое царство, в мышье государство. В том государстве не видеть ни души человеческой; зато столько мышей, что и сосчитать нельзя: куда ни сунься, так стаями и ходят! Говорит Журка коту Ваське:

— Ну-ка, брат, принимайся за охоту, начинай этих мышей душиить-давить, а я стану загребать да в кучу складывать.

Васька к той охоте привычен; как пошел расправляться с мышами по-своему: что ни цапнет — то и дух вон! Журка едва поспекает в кучу складывать и в неделю наклал большую скирду!

На все царство налегла кручина великая; видит мышиный царь, что в народе его недоход оказывается, что много подданных злой смерти предано; вылез из норы и взмолился перед Журкою и Ваською:

— Бью челом вам, сильномогучие богаты-

ри! Сжальтесь над моим народишком, не губите до конца; лучше скажите, что вам надобно? Что смогу, все для вас сделаю.

Отвечает ему Журка:

— Стоит в твоём государстве дворец, в том дворце живет прекрасная королева; унесла она у нашего хозяина чудодейное колечко. Если ты не добудешь нам того колечка, то и сам пропадешь, и царство твоё сгинет: все как есть запустошим!

— Пойдите, — говорит мышиный царь, — я соберу своих подданных и спрошу у них.

Тотчас собрал он мышей, и больших и малых, и стал выпрашивать: не возьмётся ли кто из них пробраться во дворец к королеве и достать чудодейное кольцо? Вызвался один мышонок:

— Я, — говорит, — в том дворце часто бываю; днём королева носит кольцо на мизинном пальце, а на ночь, когда спать ложится, кладёт его в рот.

— Ну-ка постарайся добыть его; коли послужишь эту службу, награжу тебя по-царски.

Мышонок дождался ночи, пробрался во дворец и залез потихоньку в спальню, смот-

рит — королева крепко спит; он вполз на постель, всунул королеве в нос свой хвостик и давай щекотать в ноздрях. Она чхнула — кольцо изо рта выскочило и упало на ковер. Мышонок прыг с кровати, схватил кольцо в зубы и отнес к своему царю.

Царь мышиный отдал кольцо сильномугучим богатырям коту Ваське да собаке Журке. Они на том царю благодарствовали и стали друг с дружкой совет держать: кто лучше кольцо сбережет? Кот Васька говорит:

— Давай мне, уж я ни за что не потеряю!

— Ладно, — говорит Журка, — смотри же, береги его пуще своего глаза.

Кот взял кольцо в рот, и пустились они в обратный путь.

Вот дошли до синего моря, Васька вскочил Журке на спину, уцепился лапами как можно крепче, а Журка в воду — и поплыл через море.

Плывет час, плывет другой; вдруг откуда не взялся — прилетел черный ворон, пристал к Ваське и давай долбить его в голову. Бедный кот не знает, что ему и делать, как от врага оборониться? Если пустить в дело ла-

пы — чего доброго, опрокинешься в море и на дно пойдешь; если показать ворону зубы — пожалуй, кольцо выронишь. Беда, да и только! Долго терпел он, да под конец неважноту стало: продолбил ему ворон буйную голову до крови; озлобился Васька, стал зубами обороняться — и уронил кольцо в синее море. Черный ворон поднялся вверх и улетел в темные леса.

А Журка, как скоро выплыл на берег, тотчас же про кольцо спросил. Васька стоит, голову понутивши.

— Прости, — говорит, — виноват, брат, перед тобою — ведь я кольцо в море уронил.

Напустился на него Журка:

— Ах ты, олух проклятый! Счастлив твой бог, что я прежде того не спознал; я бы тебя, разиню, в море утопил! Ну с чем мы теперь к хозяину явимся? Сейчас полезай в воду: или кольцо добудь, или сам пропадай!

— Что в том прибыли, коли я пропаду? Лучше давай ухитряться: как допрежде мышей ловили, так теперь станем за раками охотиться; авось на наше счастье они нам помогут кольцо найти!

Журка согласился; стали они ходить по морскому берегу, стали раков душить да в кучу складывать. Большой ворох наклали! На ту пору вылез из моря огромный рак, захотел погулять на чистом воздухе. Журка с Васькой сейчас его слапали и ну тормошить на все стороны.

— Не душите меня, сильномогучие богатыри, я — царь над всеми раками; что прикажете, то и сделаю.

— Мы уронили кольцо в море; разыщи его и доставь, коли хочешь милости, а без этого все твое царство до конца разорим!

Царь-рак в ту же минуту созвал своих подданных и стал про кольцо спрашивать. Вызвался один малый рак:

— Я, — говорит, — знаю, где оно находится; как только упало кольцо в синее море, тотчас подхватила его рыба-белужина и проглотила на моих глазах.

Тут все раки бросились по морю разыскивать рыбу-белужину, зацопали ее, бедную, и давай щипать клещами; уж они ее гоняли-гоняли, просто на единый миг покою не дают; рыба и туда и сюда, вертелась-вертелась и вы-

скочила на берег.

Царь-рак вылез из воды и говорит коту Ваське да собаке Журке:

— Вот вам, сильномогучие богатыри, рыба-белужина; теревите ее немилостиво; она ваше кольцо проглотила.

Журка бросился на белужину и начал ее с хвоста уписывать. «Ну, — думает, — досыта теперь наемся!»

А шельма-кот знает, где скорее кольцо найти, принялся за белужье брюхо, прогрыз дыру, повибаскивал кишки и живо на кольцо напал. Схватил кольцо в зубы и давай Бог ноги; что есть силы бежит, а на уме у него такая думка: «Прибегу я к хозяину, отдам ему кольцо и похвалюсь, что один все дело устроил; будет меня хозяин и любить и жаловать больше, чем Журку!»

Тем временем Журка наелся досыта, смотрит — где же Васька? И догадался, что товарищ его себе на уме: хочет неправдой у хозяина выслужиться.

— Так врешь же, плут Васька! Вот я тебя нагоню, в мелкие кусочки разорву.

Побежал Журка в погоню; долго ли, корот-

ко ли, нагоняет он кота Ваську и грозит ему бедой неминуею. Васька усмотрел в поле березу, вскарабкался на нее и засел на самой верхушке.

— Ладно! — говорит Журка. — Всю жизнь не просидишь на дереве, когда-нибудь и слезть захочешь; а уж я ни шагу отсюда не сделаю.

Три дня сидел кот Васька на березе, три дня караулил его Журка, глаз не спуская; проголодались оба и согласились на мировую.

Помирились и отправились вместе к своему хозяину; прибежали к столбу, Васька вскочил в окошечко и спрашивает:

— Жив ли, хозяин?

— Здравствуй, Васенька! Я уж думал, вы не воротитесь; три дня как без хлеба сижу.

Кот подал ему чудодейное кольцо; Мартынка дождался глухой полночи, перекинул кольцо с руки на руку — и тотчас явилось к нему двенадцать молодцев.

— Что угодно, что надобно?

— Поставьте, ребята, мой прежний дворец, и мост хрустальный, и собор пятиглавый и перенесите сюда мою неверную жену; чтобы

к утру все было готово.

Сказано — сделано.

Поутру проснулся король, вышел на балкон, посмотрел в прозрачную трубочку: где избушка стояла, там высокий дворец выстроен, от того дворца до королевского хрустальный мост тянется, по обеим сторонам моста растут деревья с золотыми и серебряными яблоками.

Король приказал заложить коляску и поехал разведать, впрямь ли все по-прежнему или только ему привиделось? Мартынка встречает его у ворот, берет за белые руки и ведет в свои расписные палаты.

— Так и так, — докладует, — вот что со мной королева сделала.

Король присудил ее казнить: по его слову королевскому взяли неверную жену, привязали за хвост к дикому жеребцу и пустили в чистое поле; жеребец полетел стрелою и размыкал ее белое тело по яругам*, по крутым оврагам. А Мартынка и теперь живет, хлеб жует.

Чудесная рубашка

В некотором царстве жил богатый купец; помер купец и оставил трех сыновей на возрасте. Старшие два каждый день ходили охотничать. В одно время выпросили они у матери и младшего брата, Ивана, на охоту, за-

вели его в дремучий лес и оставили там — с тем, чтобы все отцовское имение* разделить меж собой на две части, а его лишить наследства. Иван купеческий сын долгое время бродил по лесу, питаясь ягодами да кореньями, наконец выбрался на прекрасную равнину и на той равнине увидал дом. Вошел в комнаты, ходил-ходил — нет никого, везде пусто; только в одной комнате стол накрыт на три прибора, на тарелках лежат три хлеба, перед каждым прибором по бутылке с вином поставлено. Иван, купеческий сын, откусил от каждого хлеба по кусочку, съел и потом из всех трех бутылок отпил понемножку и спрятался за дверь. Вдруг прилетает орел, ударился о землю и сделался молодцем; за ним прилетает сокол, за соколом воробей — ударились о землю и оборотились добрыми молодцами. Сели за стол кушать.

— А ведь хлеб да вино у нас початы! — говорит орел.

— И то правда, — отвечает сокол, — видно, кто-нибудь к нам в гости пожаловал.

Стали гостя искать-вызывать.

Говорит орел:

— Покажись-ка нам! Коли ты старый старичок — будешь нам родной батюшка, коли добрый молодец — будешь родной братец, коли ты старушка — будешь мать родная, а коли красная девица — назовем тебя родной сестрицею.

Иван купеческий сын вышел из-за двери; они его ласково приняли и назвали своим братцем.

На другой день стал орел просить Ивана, купеческого сына:

— Сослужи нам службу — останься здесь и ровно через год в этот самый день собери на стол.

— Хорошо, — отвечает купеческий сын, — будет исполнено.

Отдал ему орел ключи, позволил везде ходить, на все смотреть, только одного ключа, что на стене висел, брать не велел.

После того обратились добрые молодцы птицами — орлом, соколом и воробьем — и улетели.

Иван купеческий сын ходил однажды по двору и усмотрел в земле дверь за крепким замком; захотелось туда заглянуть, стал ключ-

чи пробовать — ни один не приходится; побежал в комнаты, снял со стены запретный ключ, отпер замок и отворил дверь.

В подземелье богатырский конь стоит — во всем убранстве, по обеим сторонам седла две сумки привешены; в одной — золото, в другой — самоцветные камни.

Начал он коня гладить; богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван купеческий сын спал беспробудно до того самого дня, в который должны прилететь его названные братья.

Как только проснулся, запер он дверь, ключ на старое место повесил и накрыл стол на три прибора.

Вот прилетели орел, сокол и воробей, ударились о землю и сделались добрыми молодцами, поздоровались и сели обедать.

На другой день начал просить Ивана купеческого сына сокол: сослужи-де службу еще один год! Иван купеческий сын согласился.

Братья улетели, а он опять пошел по двору, увидал в земле другую дверь, отпер ее тем же ключом.

В подземелье богатырский конь стоит — во всем убранстве, по обеим сторонам седла сумки прицеплены: в одной — золото, в другой — самоцветные камни.

Начал он коня гладить; богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван купеческий сын спал беспробудно столько же времени, как и прежде.

Проснулся в тот самый день, когда братья должны прилететь, запер дверь, ключ на стену повесил и приготовил стол.

Прилетают орел, сокол и воробей; ударились о землю, поздоровались и сели обедать.

На другой день поутру начал воробей просить Ивана купеческого сына: сослужи-де службу еще один год! Он согласился. Братья обратились птицами и улетели. Иван купеческий сын прожил целый год один-одинехонек, и когда наступил урочный* день — накрыл стол и дожидает братьев.

Братья прилетели, ударились о землю и сделались добрыми молодцами; вошли, поздоровались и пообедали.

После обеда говорит старший брат, орел:

— Спасибо тебе, купеческий сын, за твою службу; вот тебе богатырский конь — дарю со всею сбруею, и с золотом, и с камнями самоцветными.

Середний брат, сокол, подарил ему другого богатырского коня, а меньший брат, воробей, — рубашку.

— Возьми, — говорит, — эту рубашку пуля не берет; коли наденешь ее — никто тебя не осилит!

Иван купеческий сын надел ту рубашку, сел на богатырского коня и поехал сватать за себя Елену Прекрасную; а об ней было по всему свету объявлено: кто победит Змея Горыныча, за того ей замуж идти.

Иван купеческий сын напал на Змея Горыныча, победил его и уж собирался защемить ему голову в дубовый пень, да Змей Горыныч начал слезно молить-просить:

— Не бей меня до смерти, возьми к себе в услужение; буду тебе верный слуга!

Иван купеческий сын сжалился, взял его с собою, привез к Елене Прекрасной и немного погодя женился на ней, а Змея Горыныча сделал поваром.

Раз уехал купеческий сын на охоту, а Змей Горыныч обольстил Елену Прекрасную и приказал ей разведать, отчего Иван так мудр и силен. Змей Горыныч сварил зелья, а Елена Прекрасная напоила тем зельем мужа и стала выспрашивать:

— Скажи, Иван купеческий сын, где твоя мудрость?

— На кухне, в венике.

Елена Прекрасная взяла этот веник, изукрасила разными цветами и положила на видное место. Иван купеческий сын, воротясь с охоты, увидал веник и спрашивает:

— Зачем этот веник изукрасила?

— А затем, — говорит Елена Прекрасная, — что в нем твоя мудрость и сила скрываются.

— Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в венике?

Елена Прекрасная опять напоила его крепким зельем и спрашивает:

— Скажи, милый, где твоя мудрость?

— У быка в рогах.

Она приказала вызолотить быку рога. На другой день Иван, воротясь с охоты, увидал быка и спрашивает:

— Что это значит? Зачем рога вызолочены?

— А затем, — отвечает Елена Прекрасная, — что тут твоя сила и мудрость скрываются.

— Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в рогах?

Елена Прекрасная напоила мужа крепким зельем и безотвязно стала его выпрашивать:

— Скажи, милый, где твоя мудрость, где твоя сила?

— Моя сила и мудрость вот в этой рубашке. После того Иван опьянел и уснул.

Елена Прекрасная сняла с него рубашку, изрубилла его в мелкие куски и приказала выбросить в чистое поле, а сама стала жить с Змеем Горынычем.

Трое суток лежало тело Ивана купеческого сына по чисту полю разбросано; уж вороны слетелись клевать его.

На ту пору пролетали мимо орел, сокол и воробей, увидали мертвого брата и решились помочь ему. Тотчас бросился сокол вниз, убил с налету вороненка и сказал старому ворону:

— Принеси скорее мертвой и живой воды!

Ворон полетел и принес мертвой и живой воды. Орел, сокол и воробей сложили тело Ивана купеческого сына, sprыснули сперва мертвою водою, а потом живою. Иван купеческий сын встал, поблагодарил их; они дали ему золотой перстень. Только что Иван купеческий сын надел перстень на руку, как тотчас оборотился конем и побежал на двор Елены Прекрасной.

Змей Горыныч узнал его, приказал поймать этого коня, поставить в конюшню и на другой день поутру отрубить ему голову.

При Елене Прекрасной была служанка; жаль ей стало такого славного коня, пошла в конюшню, сама горько плачет и приговаривает:

— Ах, бедный конь, тебя завтра казнить будут.

Провещал ей конь:

— Приходи завтра, красная девица, на место казни, и как брызгнет кровь моя на землю — заступи ее своей ножкою; после собери эту кровь вместе с землею и разбросай кругом дворца.

Поутру повели коня казнить; отрубили

ему голову, кровь брызгнула — красная девица заступила ее своей ножкою, а после собралась вместе с землею и разбросала кругом дворца; в тот же день выросли кругом дворца славные садовые деревья. Змей Горыныч отдал приказ вырубить эти деревья и сжечь все до единого. Служанка заплакала и пошла в сад в последний раз погулять-полюбоваться. Провещало ей одно дерево человеческим голосом:

— Послушай, красная девица! Как станут сад рубить, ты возьми одну щепочку и брось в озеро.

Она так и сделала, бросила щепочку в озеро — щепочка оборотилась золотым селезнем и поплыла по воде. Пришел на то озеро Змей Горыныч — вздумал поохотничать, увидел золотого селезня. «Дай, — думает, — живьем поймаю!»

Снял с себя чудесную рубашку, что Ивану купеческому сыну воробей подарил, и бросился в озеро. А селезень все дальше, дальше, завел Змея Горыныча вглубь, вспорхнул — и на берег, оборотился добрым молодцем, надел рубашку и убил Змея. После того пришел

Иван купеческий сын во дворец, Елену Прекрасную расстрелял, а на ее служанке женился и стал с нею жить-поживать, добра наживать.

Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что

У самого синего моря, в некотором государстве жил-был король, холост-неженат, и была у него целая рота стрельцов; на охоту стрельцы ходили, перелетных птиц стреляли, государев стол дичью снабжали. В той роте служил стрелец-молодец, по имени Федот; метко в цель попадал, почитай — николи* промаху не давал, и за то любил его король пуще всех его товарищей. Случилось ему в одно время пойти на охоту раным-ранехонько, на самой зоре; зашел он в темный, густой лес и видит: сидит на дереве горлица. Федот на-

вел ружье, прицелился, выпалил — и перешиб птице крылышко; свалилась птица с дерева на сырую землю.

— Поднял ее стрелок, хочет оторвать голову да положить в сумку. И возговорит ему горлица:

— Ах, стрелец-молодец, не срывай моей буйной головушки, не своди меня с белого света; лучше возьми меня живую, принеси в свой дом, посади на окошечко и смотри: как только найдет на меня дремота, в ту самую пору ударь меня правой рукою наотмашь — и добудешь себе великое счастье!

Крепко удивился стрелок. «Что такое? — думает. — С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом! Прежде со мной такого случая никогда не бывало...»

Принес птицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит-дожидается. Прошло немного времени, горлица положила свою головку под крылышко и задремала; стрелок поднял правую руку, ударил ее наотмашь легохонько — пал а горлица наземь и сделалась душой-девицей, да такую прекрасною, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке ска-

зять! Другой подобной красавицы во всем свете не бывало!

Говорит она добру молодцу, королевскому стрельцу:

— Умел ты меня достать, умей и жить со мною; ты мне будешь нареченный муж, а я тебе богоданная жена!

На том они и поладили; женился Федот и живет себе — с молодой женой потешается, а службы не забывает; каждое утро ни свет ни заря возьмет свое ружье, пойдет в лес, настроляет разной дичи и отнесет на королевскую кухню.

Видит жена, что от той охоты весь он измаялся, и говорит ему:

— Послушай, друг, мне тебя жалко: каждый Божий день ты беспокоишься, бродишь по лесам да по болотам, завсегда мокрехонек домой ворочаешься, а пользы нам нет никакой. Это что за ремесло! Вот я так знаю такое, что без барышей не останешься. Добудь-ка рублей сотню-другую, все дело поправим.

Бросился Федот по товарищам: у кого рубль, у кого два занял и собрал как раз двести рублей. Принес к жене.

— Ну, — говорит она, — купи теперь на все эти деньги разного шелку.

Стрелец купил на двести рублей разного шелку. Она взяла и рассказывает:

— Не тужи, молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренее!

Муж заснул, а жена вышла на крылечко, развернула свою волшебную книгу — и тотчас явились перед ней два неведомых молодца: что угодно — приказывай!

— Возьмите вот этот шелк и за единый час сделайте мне ковер, да такой чудный, какого в целом свете не видывано; а на ковре бы все королевство было вышито, и с городами, и с деревнями, и с реками, и с озерами.

Принялись они за работу и не только в час, а в десять минут изготовили ковер — всем на диво; отдали его стрельцовой жене и вмиг исчезли, словно их и не было! Наутро отдает она ковер мужу.

— На, — говорит, — понеси на гостиный двор и продай купцам, да смотри: своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери.

Федот взял ковер, развернул, повесил на руку и пошел по гостиным рядам. Увидел

один купец, подбежал и спрашивает:

— Послушай, почтенный! Продаешь, что ли?

— Продаю.

— А что сто́ит?

— Ты торговый человек, ты и цену устанавли.

Вот купец думал, думал, не может оценить ковра — да и только! Подскочил другой купец, за ним третий, четвертый... и собралась их толпа великая, смотрят на ковер, дивуются, а оценить не могут.

В то время проезжал мимо гостиных рядов дворцовый комендант, усмотрел толпу, и захотелось ему разузнать: про что толкует купечество? Вылез из коляски, подошел и говорит:

— Здравствуйте, купцы-торговцы, заморские гости! О чем речь у вас?

— Так и так, ковра оценить не можем.

Комендант посмотрел на ковер и сам дался диву.

— Послушай, стрелец, — говорит он, — скажи мне по правде по истинной, откуда добыты такой славный ковер?

— Моя жена вышила.

— Сколько ж тебе дать за него?

— Я и сам цены не ведаю; жена наказала не торговаться, а сколько дадут — то и наше!

— Ну, вот тебе десять тысяч!

Стрелец взял деньги и отдал ковер, а комендант этот завсегда при короле находился — и пил и ел за его столом. Вот он поехал к королю обедать и ковер повез:

— Не угодно ль вашему величеству посмотреть, какую славную вещь купил я сегодня?

Король взглянул — все свое царство слов-

но на ладони увидел; так и ахнул!

— Вот это ковер! В жизнь мою такой хитрости не видывал. Ну, комендант, что хочешь, а ковра тебе не отдам.

Сейчас вынул король двадцать пять тысяч и отдал ему из рук в руки, а ковер во дворце повесил.

«Ничего, — думает комендант, — я себе другой, еще лучше закажу».

Сейчас поскакал к стрельцу, разыскал его избушку, входит в светлицу, и как только увидал стрельцову жену — в ту ж минуту и себя и свое дело позабыл, сам не ведает, зачем приехал; перед ним такая красавица, что век бы очей не отвел, все бы смотрел да смотрел! Глядит он на чужую жену, а в голове дума за думой: «Где это видано, где это слыхано, что бы про стой солдат да таким сокровищем владал? Я хоть и при самом короле служу и генеральский чин на мне положон, а такой красоты нигде не видывал!»

Насилу комендант опомнился, нехотя домой убрался. С той поры, с того времени совсем не свой сделался: и во сне и наяву только и думает, что о прекрасной стрельчихе; и

ест — не заест, и пьет — не запьет, все она представляется!

Заприметил король и стал его выпрашивать:

— Что с тобой подеялось? Аль кручина какая?

— Ах, ваше величество! Видел я у стрельца жену, такой красоты во всем свете нет; все об ней думаю: и не заесть и не запить, никаким снадобьем не заморозить!

Пришла королю охота самому полюбоваться, приказал заложить коляску и поехал в стрелецкую слободу. Входит в светлицу, видит — красота невообразимая! Кто ни взглянет — старик ли, молодой ли, всякий без ума влюбится. Защемила его зазноба сердечная.

«Чего, — думает про себя, — хожу я холост-неженат? Вот бы мне жениться на этой красавице; зачем ей быть стрельчихою? Ей на роду написано быть королевою».

Воротился король во дворец и говорит коменданту:

— Слушай! Сумел ты показать мне стрельцову жену — красоту невообразимую; теперь сумей извести ее мужа. Я сам на ней хочу же-

ниться... А не изведешь, пеняй на себя; хоть ты и верный мой слуга, а быть тебе на виселице!

Пошел комендант, пуще прежнего запечатлился; как стрельца порешить — не придумает.

Идет он пустырями, закоулками, а на встречу ему Баба-яга:

— Стой, королевский слуга! Я все твои думки ведаю; хочешь, пособлю твоему горю неминуемому?

— Пособи, бабушка! Что хочешь заплачу́.

— Сказан тебе королевский указ, чтобы извел ты Федота-стрельца. Это дело бы неважное: сам-то он прост, да жена у него больно хитра! Ну да мы загадаем такую загадку, что не скоро справится. Воротись к королю и скажи: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть остров; на том острове ходит олень золотые рога. Пусть король наберет полсотню матросов — самых негодных, горьких пьяниц, и велит изготовить к походу старый, гнилой корабль, что тридцать лет в отставке числится: на том корабле пусть пошлет Федота-стрельца добывать оленя золотые рога. Чтоб добраться до острова, надо плыть ни много, ни мало — три года, да назад с острова — три года, итого шесть лет. Вот корабль выступит в море, месяц прослужит, а там и потонет: и стрелец и матросы — все на дно пойдут!

Комендант выслушал эти речи, поблагодарил Бабу-ягу за науку, наградил ее золотом и бегом к королю.

— Ваше величество! — говорит. — Так и так — можно наверно стрельца извести.

Король согласился и тотчас отдал приказ по флоту: изготовить к походу старый, гнилой корабль, нагрузить его провизией на шесть лет и посадить на него пятьдесят матросов — самых распутных и горьких пьяниц. Побежали гонцы по всем кабакам, по трактирам, набрали таких матросов, что поглядеть любо-дорого: у кого глаза подбиты, у кого нос сворочон набок.

Как скоро доложили королю, что корабль готов, он в ту же минуту потребовал к себе стрельца:

— Ну, Федот, ты у меня молодец, первый в команде стрелец; сослужи-ка мне службу, поезжай за тридевять земель, в тридесятое царство — там есть остров, на том острове ходит олень золотые рога; поймай его живого и привези сюда.

Стрелец задумался; не знает, что и отвечать ему.

— Думай — не думай, — сказал король, — а коли не сделаешь дела, то мой меч — твоя голова с плеч!

Федот повернулся налево кругом и пошел из дворца; вечером приходит домой крепко

печальный, не хочет и слова вымолвить.

Спрашивает его жена:

— О чем, милый, закручинился? Аль невзгода какая?

Он рассказал ей все сполна.

— Так ты об этом печалишься? Есть о чем! Это службишка, не служба. Молись-ка Богу да ложись спать; утро вечера мудренее: все будет сделано.

Стрелец лег и заснул, а жена его развернула волшебную книгу — и вдруг явились перед ней два неведомых мóлодца:

— Что угодно, что надобно?

— Ступайте вы за тридевять земель, в тридесятое царство — на остров, поймайте оленя золотые рога и доставьте сюда.

— Слушаем! К свету все будет исполнено.

Вихрем понеслись они на тот остров, схватили оленя золотые рога, принесли его прямо к стрельцу на двор; за час до рассвета все дело покончили и скрылись, словно их и не было.

Стрельчиха-красавица разбудила своего мужа пораньше и говорит ему:

— Поди посмотри — олень золотые рога на

твоём дворе гуляет. Бери его на корабль с собою, пять суток вперед плыви, на шестые назад поворачивай.

Стрелец посадил оленя в глухую, закрытую клетку и отвез на корабль.

— Тут что? — спрашивают матросы.

— Разные припасы и снадобья; путь долгий, мало ли что понадобится!

Настало время кораблю отчаливать от пристани, много народу пришло пловцов провожать, пришел и сам король, попрощался с Федотом и поставил его над всеми матросами за старшего.

Пятые сутки плывет корабль по морю, берегов давно не видать. Федот-стрелец приказал выкатить на палубу бочку вина в сорок ведер и говорит матросам:

— Пейте, братцы! Не жалейте; душа — мера!

А они тому и рады, бросились к бочке и давай вино тянуть, да так натянулись, что тут же возле бочки попадали и заснули крепким сном. Стрелец взялся за руль, поворотил корабль к берегу и поплыл назад; а чтоб матросы про то не сведали — знай с утра до вечера

вином их накачивает: только они с перепоя глаза продерут, как уж новая бочка готова — не угодно ль опохмелиться.

Как раз на одиннадцатые сутки привалил корабль к пристани, выкинул флаг и стал палить из пушек. Король услышал пальбу и сейчас на пристань — что там такое? Увидал стрельца, разгневался и накинулся на него со всей жесточью*:

— Как ты смел до сроку назад воротиться?

— А куда ж мне деваться, ваше величество? Пожалуй, иной дурак десять лет в морях проплавает, да путного ничего не сделает, а мы вместо шести лет всего-навсего десять суток проехали, да свое дело справили: не угодно ль взглянуть на оленя золотые рога?

Тотчас сняли с корабля клетку, выпустили златорогого оленя; король видит, что стрелец прав, ничего с него не возьмешь! Позволил ему домой идти, а матросам, которые с ним ездили, дал свободу на целые шесть лет; никто не смей их и на службу спрашивать, потому самому, что они уж эти года заслужили.

На другой день призвал король коменданта, напустился на него с угрозами.

— Что ты, — говорит, — али шутки со мной шутишь! Видно, тебе голова твоя не дорога! Как знаешь, а найди случай, чтоб можно было Федота-стрельца злой смерти предать.

— Ваше королевское величество! Позвольте подумать; авось можно поправиться.

Пошел комендант пустырями да закоулками, навстречу ему Баба-яга:

— Стой, королевский слуга! Я твои думки ведаю; хочешь, пособлю твоему горю?

— Пособи, бабушка! Ведь стрелец вернулся и привез оленя золотые рога.

— Ох, уж слышала! Сам-то он простой человек, извести его нетрудно бы — все равно что щепоть табаку понюхать! Да жена у него больно хитра. Ну да мы загадаем ей иную загадку, с которой не так скоро справится. Ступай к королю и скажи: пусть пошлет он стрельца туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. Уж этой задачи он во веки веков не выполнит: или совсем без вести пропадет, или с пустыми руками назад придет.

Комендант наградил Бабу-ягу золотом и побежал к королю; король выслушал и велел стрельца позвать.

— Ну, Федот! Ты у меня молодец, первый в команде стрелец. Сослужил ты мне одну службу: достал оленя — золотые рога; сослужи и другую: поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что! Да помни: коли не принесешь, то мой меч — твоя голова с плеч!

Стрелец повернулся налево кругом и пошел из дворца; приходит домой печальный, задумчивый. Спрашивает его жена:

— Что, милый, кручинишься? Аль еще невзгода какая?

— Эх, — говорит, — одну беду с шеи свалил, а другая навалилася; посылает меня король туда — не знаю куда, велит принести то — не знаю что. Через твою красу все напасти несу!

— Да, это служба немалая! Чтоб туда добраться, надо девять лет идти да назад девять — итого восемнадцать лет; а будет ли толк с того — Бог ведает!

— Что же делать, как же быть?

— Молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренее. Завтра все узнаешь.

Стрелец лег спать, а жена его дождалась ночи, развернула волшебную книгу — и тот-

час явились перед ней два молодца:

— Что угодно, что надобно?

— Не ведаете ли: как ухитриться да пойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

— Нет, не ведаем!

Она закрыла книгу — и молодцы с глаз исчезли.

Поутру будит стрельчиха мужа:

— Ступай к королю, проси золотой казны на дорогу — ведь тебе восемнадцать лет странствовать, а получишь деньги, заходи со мной проститься.

Стрелец побывал у короля, получил из казначейства целую кису* золота и приходит с женой прощаться. Она подает ему ширинку* и мячик:

— Когда выйдешь из города, брось этот мячик перед собою; куда он покатится — туда и ты ступай. Да вот тебе мое рукоделье: где бы ты ни был, а как станешь умываться — всегда утирай лицо этою ширинкою.

Попрощался стрелец с своей женой и товарищами, поклонился на все четыре стороны и пошел за заставу. Бросил мячик перед со-

бою; мячик катится да катится, а он за ним следом идет.

Прошло с месяц времени, призывает король коменданта и говорит ему:

— Стрелец отправился на восемнадцать лет по белу свету таскаться, и по всему видно, что не быть ему живому. Ведь восемнадцать лет не две недели; мало ли что в дороге случится! Денег у него много; пожалуй, разбойники нападут, ограбят да злой смерти предадут. Кажись, можно теперь за его жену приняться. Возьми-ка ты мою коляску, поезжай в стрелецкую слободку и привези ее во дворец!

Комендант поехал в стрелецкую слободку, приехал к стрельчихе-красавице, вошел в избу и говорит:

— Здравствуй, умница, король приказал тебя во дворец представить.

Приезжает она во дворец; король встречает ее с радостью, ведет в палаты раззолоченные и говорит таково слово:

— Хочешь ли быть королевою? Я тебя замуж возьму.

— Где же это видано, где же это слыхано: от живого мужа жену отбивать! Каков ни на

есть, хоть простой стрелец, а мне он — законный муж.

— Не пойдешь охотою, возьму силою!

Красавица усмехнулась, ударилась об пол, обернулась горлицей и улетела в окно.

Много царств и земель прошел стрелец, а мячик все катится. Где река встретится, там мячик мостом перебросится; где стрельцу отдохнуть захочется, там мячик пуховой постелью раскинется.

Долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, — приходит стрелец к большому, великолепному дворцу; мячик докатился до ворот и пропал.

Вот стрелец подумал-подумал: «Дай пойду прямо!» Вошел по лестнице в покои; встречают его три девицы неописанной красоты:

— Откуда и зачем, добрый человек, пожаловал?

— Ах, красные девицы, не дали мне с дальнего походу отдохнуть, да начали спрашивать. Вы бы прежде меня накормили-напоили, отдохнуть положили, да тогда бы и вестей спрашивали.

Они тотчас собрали на стол, посадили его,

накормили-напоили и спать уложили.

Стрелец выпался, встает с мягкой постели; красные дѣвицы несут к нему умывальницу и шитое полотенце. Он умылся ключевой водой, а полотенца не принимает.

— У меня, — говорит, — своя ширинка; есть чем лицо утереть.

Вынул ширинку и стал утираться. Спрашивают его красные дѣвицы:

— Добрый человек! Скажи: откуда достал ты эту ширинку?

— Мне ее жена дала.

— Стало быть, ты женат на нашей родной сестрице!

Кликнули мать-старушку; та как глянула на ширинку, в ту ж минуту признала:

— Это моей дочки рукоделье!

Начала у гостя расспрашивать-разведывать; он рассказал ей, как женился на ее дочери и как царь послал его туда — не знаю куда, принести то — не знаю что.

— Ах, зятюшка! Ведь про это диво даже я не слыхивала! Постой-ка, авось мои слуги ведают.

Вышла старуха на крыльцо, крикнула

громким голосом, и вдруг — откуда только взялись! — набежали всякие звери, налетели всякие птицы.

— Гой есте*, звери лесные и птицы воздушные! Вы, звери, везде рыскаете; вы, птицы, всюду летаете: не слышали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Все звери и птицы в один голос отвечали:

— Нет, мы про то не слыхивали!

Распустила их старуха по своим местам — по труппам, по лесам, по рощам; воротилась в горницу, достала свою волшебную книгу, развернула ее — и тотчас явились к ней два великана:

— Что угодно, что надобно?

— А вот что, слуги мои верные! Понесите меня вместе с зятем на окиян-море широкое и станьте как раз на середине — на самой пучине.

Тотчас подхватили они стрельца со старухой, понесли их, словно вихри буйные, на окиян-море широкое и стали на середине — на самой пучине: сами как столбы стоят, а стрельца со старухой на руках держат. Крик-

нула старуха громким голосом — и приплыли к ней все гады и рыбы морские: так и кишат! Из-за них синя моря не видно!

— Гой есте, гады и рыбы морские! Вы везде плаваете, у всех островов бываете; не слышали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Все гады и рыбы в один голос отвечали:

— Нет! Мы про то не слыхивали!

Вдруг протеснилась вперед старая колченогая лягушка, которая уж лет тридцать как в отставке жила, и говорит:

— Ква-ква! Я знаю, где этакое диво найти.

— Ну, милая, тебя-то мне и надобно! — сказала старуха, взяла лягушку и велела великанам себя и зятя домой отнестъ.

Мигом очутились они во дворце. Стала старуха лягушку допытывать:

— Как и какою дорогою моему зятю ийти?

Отвечает лягушка:

— Это место на краю света — далеко-далеко! Я бы сама его проводила, да уж больно стара, еле ноги волочу; мне туда в пятьдесят лет не допрыгать.

Старуха принесла большую банку, налила

свежим молоком, посадила в нее лягушку и дает зятю:

— Неси, — говорит, — эту банку в руках, а лягушка пусть тебе дорогу показывает.

Стрелец взял банку с лягушкой, попрощался со старухой и ее дочками и отправился в путь. Он идет, а лягушка ему дорогу показывает.

Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — приходит к огненной реке; за тою рекой высокая гора стоит, в той горе дверь видна.

— Ква-ква! — говорит лягушка. — Выпусти меня из банки; надо нам через реку переправиться.

Стрелец вынул ее из банки и пустил на землю.

— Ну, добрый молодец, садись на меня, да не жалея; небось не задавишь!

Стрелец сел на лягушку и прижал ее к земле: начала лягушка дуться, дулась-дулась и сделалась такая большая, словно стог сеной. У стрельца только и на уме, как бы не свалиться:

— Коли свалюсь, до смерти ушибусь!

Лягушка надулась да как прыгнет — пере-

прыгнула через огненную реку и сделалась опять маленькою.

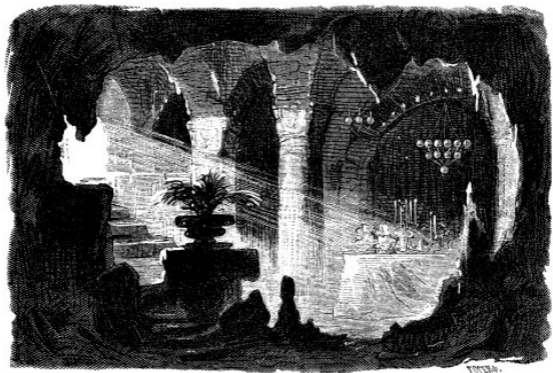
— Теперь, добрый мóлодец, ступай в эту дверь, а я тебя здесь подожду; войдешь ты в пещеру и хорошенько спрячешься. Спустя некое время придут туда два старца; слушай, что они будут говорить и делать, а после, как они уйдут, и сам то ж говори и делай!

Стрелец подошел к горе, отворил дверь — в пещере так темно, хоть глаз выколи! Полез на карачках и стал руками щупать; нащупал пустой шкап, сел в него и закрылся. Вот немного погодя приходят туда два старца и говорят:

— Эй, Шмат-разум! Покорми-ка нас.

В ту ж минуту — откуда что взялось! — зажглись люстры, загремели тарелки и блюда, и явились на столе разные вина и кушанья. Старики напились, наелись и приказывают:
— Эй, Шмат-разум! Убери все.

Вдруг ничего не стало — ни стола, ни вин, ни кушаньев, люстры все погасли.

Слышит стрелец, что два старца ушли, вылез из шкапа и крикнул:

— Эй, Шмат-разум!

— Что угодно?

— Покорми меня!

Опять явились и люстры зажженные, и

стол накрытый, и всякие напитки и кушанья.

Стрелец сел за стол и говорит:

— Эй, Шмат-разум! Садись, брат, со мною; станем есть-пить вместе, а то одному мне скучно.

Отвечает невидимый голос:

— Ах, добрый человек! Откудова тебя Бог принес? Скоро тридцать лет, как я двум старцам верой-правдой служу, а за все это время они ни разу меня с собой не сажали.

Смотрит стрелец и удивляется: никого не видеть, а кушанья с тарелок словно кто метелочкой подметает, а бутылки с вином сами поднимаются, сами в рюмки наливаются, глядь — уж и пусты!

Вот стрелец наелся-напился и говорит:

— Послушай, Шмат-разум! Хочешь мне служить? У меня житье хорошее.

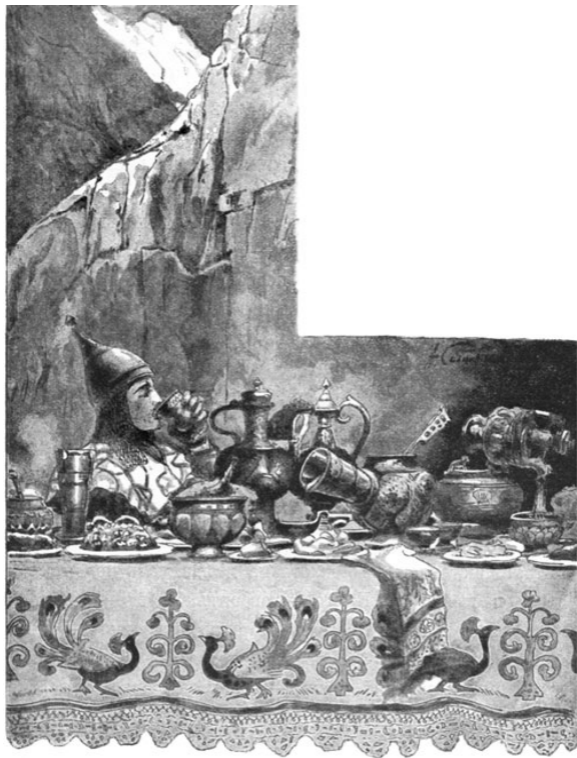
— Отчего не хотеть! Мне давно надоело здесь, а ты, вижу, — человек добрый.

— Ну, прибирай все да пойдём со мною!

Вышел стрелец из пещеры, оглянулся назад — нет никого...

— Шмат-разум! Ты здесь?

— Здесь! Не бойся, я от тебя не отстану.

— Ладно! — сказал стрелец и сел на лягуш-
ку.

Лягушка надулась и перепрыгнула через огненную реку; он посадил ее в банку и отправился в обратный путь.

Пришел к теще и заставил своего нового слугу хорошенько угостить старуху и ее дочек. Шмат-разум так их употчевал, что старуха с радости чуть плясать не пошла, а лягушке за ее верную службу назначила по три банки молока в день давать. Стрелец распрощался с тещею и пустился домой.

Шел-шел и сильно умурился; прибились его ноги скорые, опустились руки белые.

— Эх, — говорит, — Шмат-разум! Если б ты ведал, как я устал; просто ноги отымаются.

— Что ж ты мне давно не скажешь! Я б тебя живо на место доставил.

Тотчас подхватило стрельца буйным вихрем и понесло по воздуху так шибко, что с головы шапка свалилась.

— Эй, Шмат-разум! Постой на минутку, моя шапка свалилась.

— Поздно, сударь, хватился! Твоя шапка теперь за пять тысяч верст назад.

Города и деревни, реки и леса так и мелькают перед глазами...

Вот летит стрелец над глубоким морем, и гласит ему Шмат-разум:

— Хочешь — я на этом море золотую беседку сделаю? Можно будет отдохнуть, да и счастье добыть.

— А ну, сделай! — сказал стрелец и стал опускаться на море.

Где за минуту только волны подымались — там появился островок, на островку золотая беседка. Говорит стрельцу Шмат-разум:

— Садись в беседку, отдыхай, на море поглядывай; будут плыть мимо три купеческих корабля и пристанут к острову; ты зазови купцов, угости-употчевай и променяй меня на три диковинки, что купцы с собой везут. В свое время я к тебе назад вернусь!

Смотрит стрелец — с западной стороны три корабля плывут; увидали корабельщики остров и золотую беседку:

— Что за чудо! — говорят. — Сколько раз мы тут плавали, кроме воды ничего не было, а тут — на поди! — золотая беседка явилась. Пристанемте, братцы, к берегу, поглядим-полюбоемся.

Тотчас остановили корабельный ход и бро-

сили якоря; три купца-хозяина сели на легкую лодочку и поехали на остров.

— Здравствуй, добрый человек!

— Здравствуйте, купцы чужеземные! Милости просим ко мне, погуляйте, повеселитесь, роздых возьмите: нарочно для заезжих гостей и беседка выстроена!

Купцы вошли в беседку, сели на скамеечку.

— Эй, Шмат-разум! — закричал стрелец. — Дай-ка нам попить-поесть.

Явился стол, на столе вина и кушанья, чего душа захочет — все мигом исполнено! Купцы только ахают.

— Давай, — говорят, — меняться! Ты нам своего слугу отдай, а у нас возьми за то любую диковинку.

— А какие у вас диковинки?

— Посмотри — увидишь!

Один купец вынул из кармана маленький ящичек, только открыл его — тотчас по всему острову славный сад раскинулся и с цветами и с дорожками, а закрыл ящичек — и сад пропал.

Другой купец вынул из-под полы топор и

начал тятать: тят да ляп — вышел корабль! Тят да ляп — еще корабль! Сто разов тятнул — сто кораблей сделал, с парусами, с пушками и с матросами; корабли плывут, в пушки палят, от купца приказов спрашивают... Натешился он, спрятал свой топор — и корабли с глаз исчезли, словно их и не было!

Третий купец достал рог, затрубил в один конец — тотчас войско явилось: пехота и конница, с ружьями, с пушками, с знаменами; ото всех полков посылают к купцу рапорты, а он отдает им приказы: войска идут, музыка гремит, знамена развеваются... Натешился купец, взял трубу, затрубил с другого конца — и нет ничего, куда вся сила девалася!

— Хороши ваши диковинки, да мне не пригодны! — сказал стрелец. — Войска да корабли — дело царское, а я простой солдат. Коли хотите со мной поменяться, так отдайте мне за одного слугу-невидимку все три диковинки.

— Не много ли будет?

— Ну как знаете; а я иначе меняться не стану!

Купцы подумали про себя: «На что нам

этот сад, эти полки и военные корабли? Лучше поменяться; по крайней мере без всякой заботы будем и сыты и пьяны». Отдали стрельцу свои диковинки и говорят:

— Эй, Шмат-разум! Мы тебя берем с собою; будешь ли нам служить верой-правдою?

— Отчего не служить? Мне все равно — у кого ни жить.

Воротились купцы на свои корабли и давай всех корабельщиков поить-угощать:

— Ну-ка, Шмат-разум, поворачивайся!

Перепились все допьяна и заснули крепким сном. А стрелец сидит в золотой беседке, призадумался и говорит:

— Эх, жалко! Где-то теперь мой верный слуга Шмат-разум?

— Я здесь, господин!

Стрелец обрадовался:

— Не пора ли нам домой?

Только сказал, как вдруг подхватило его буйным вихрем и понесло по воздуху.

Купцы проснулись, и захотелось им выпить с похмелья:

— Эй, Шмат-разум, дай-ка нам опохмелиться!

Никто не отзывается, никто не прислуживает. Сколько ни кричали, сколько ни приказывали — нет ни на грош толку.

— Ну, господа! Надул нас этот маклак*. Теперь черт его найдет! И остров пропал, и золотая беседка сгинула.

Погоревали-погоревали купцы, подняли паруса и отправились куда им было надобно.

Быстро прилетел стрелец в свое государство, опустился возле синего моря на пустом месте.

— Эй, Шмат-разум! Нельзя ли здесь дворец выстроить?

— Отчего нельзя! Сейчас готов будет.

Вмиг дворец поспел, да такой славный, что и сказать нельзя: вдвое лучше королевского. Стрелец открыл ящичек, и кругом дворца сад явился с редкими деревьями и цветами.

Вот сидит стрелец у открытого окна да на свой сад любуется — вдруг влетела в окно горлица, ударилась оземь и оборотилась его молодой женою. Обнялись они, поздоровались, стали друг друга спрашивать, друг другу рассказывать. Говорит стрельцу жена:

— С той самой поры, как ты из дому ушел,

я все время по лесам да по рощам сирой горлинкой летала.

На другой день поутру вышел король на балкон, глянул на сине море и видит — на самом берегу стоит новый дворец, а кругом дворца зеленый сад.

— Какой это невежа вздумал без спросу на моей земле строиться?

Побежали гонцы, разведали и докладывают, что дворец тот стрельцом поставлен, и живет во дворце он сам, и жена при нем. Король пуще разгневался, приказал собрать войско и идти на взморье, сад дотла разорить, дворец на мелкие части разбить, а самого стрельца и его жену лютой смерти предать.

Усмотрел стрелец, что идет на него сильное войско королевское, схватил поскорей топор, тят да ляп — вышел корабль! Сто разов тятнул — сто кораблей сделал. Потом вынул рог, затрубил раз — повалила пехота, затрубил в другой — повалила конница.

Бегут к нему начальники из полков, с кораблей и ждут приказу. Стрелец приказал начинать сражение; тотчас заиграла музыка, ударили в барабаны, полки двинулись; пехо-

та ломит королевских солдат, конница догоняет, в плен забирает, а с кораблей по столичному городу так и жарят пушками.

Король видит, что его армия бежит, бросился было сам войско останавливать — да куда! Не прошло и полчаса, как его самого убили.

Когда кончилось сражение, собрался народ и начал стрельца просить, чтобы взял в свои руки все государство. Он на то согласился и сделался королем, а жена его королевою.

Морской царь и Василиса Премудрая

За тридевять земель, в тридесятом государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Поехал царь по чужим землям, по дальним сторонам; долгое время домой не бывал; на ту пору родила ему царица сына, Ивана-царевича, а царь про то и не ведает.

Стал он держать путь в свое государство, стал подъезжать к своей земле, а день-то был жаркий-жаркий, солнце так и пекло! И напала на него жажда великая; что ни дать, только бы воды испить! Осмотрелся кругом и видит невдалеке большое озеро; подъехал к озеру, слез с коня, прилег на брюхо и давай глотать студеную воду. Пьет и не чует беды; а царь морской ухватил его за бороду.

— Пусти! — просит царь.

— Не пущу, не смей пить без моего ведома!

— Какой хочешь возьми откуп — только отпусти!

— Давай то, чего дома не знаешь.

Царь подумал-подумал — чего он дома не

знает? Кажись, все знает, все ему ведомо, — и согласился. Попробовал — бороду никто не держит; встал с земли, сел на коня и поехал восвояси.

Вот приезжает домой, царица встречает его с царевичем, такая радостная; а он как узнал про свое милое детище, так и залился горькими слезами. Рассказал царице, как и что с ним было, поплакали вместе, да ведь делать-то нечего, слезами дела не поправишь.

Стали они жить по-старому; а царевич растёт себе да растёт, словно тесто на опаре — не по дням, а по часам, и вырос большой.

«Сколько ни держать при себе, — думает царь, — а отдавать надобно: дело неминуемое!»

Взял Ивана-царевича за руку, привел прямо к озеру.

— Поищи здесь, — говорит, — мой перстень; я ненароком вчера обронил.

Оставил одного царевича, а сам повернул домой.

Стал царевич искать перстень, идет по берегу, и попадается ему навстречу старушка.

— Куда идешь, Иван-царевич?

— Отвяжись, не докучай, старая ведьма! И без тебя досадно.

— Ну, оставайся с Богом!

И пошла старушка в сторону. А Иван-царевич пораздумался: «За что обругал я старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! Авось что и доброе скажет».

И стал ворочать старушку:

— Воротись, бабушка, да прости мое слово глупое! Ведь я с досады вымолвил: заставил меня отец перстня искать, хожу-высматриваю, а перстня нет как нет!

— Не за перстнем ты здесь; отдал тебя отец морскому царю: выйдет морской царь и возьмет тебя с собою в подводное царство.

Горько заплакал царевич.

— Не тужи, Иван-царевич! Будет и на твоей улице праздник; только слушайся меня, старухи. Спрячься вон за тот куст смородины и притаись тихохонько. Прилетят сюда двенадцать голубиц — всё красных девиц, а вслед за ними и тринадцатая; станут в озере купаться; а ты тем временем унеси у последней сорочку и до тех пор не отдавай, пока не подарит она тебе своего колечка. Если не су-

меешь этого сделать, ты погиб навеки: у морского царя кругом всего дворца стоит частокол высокий, на целые на десять верст, и на

каждой спице по голове воткнуто; только одна порожняя, не угоди на нее попасть!

Иван-царевич поблагодарил старушку, спрятался за смородиновый куст и ждет поры-времени.

Вдруг прилетают двенадцать голубиц; ударились о сыру землю и обернулись красными девицами, все до единой красоты несказанные: ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать! Поскидали платья и пустились в озеро: играют, плещутся, смеются, песни поют. Вслед за ними прилетела и тринадцатая голубица; ударилась о сыру землю, обернулась красной девицей, сбросила с белого тела сорочку и пошла купаться; и была она всех пригожее, всех красивее!

Долго Иван-царевич не мог отвести очей своих, долго на нее заглядывался, да припомнил, что говорила ему старуха, подкрался тихонько и унес сорочку.

Вышла из воды красная девица, хватилась — нет сорочки, унес кто-то; бросились все искать, искали, искали — не видать нигде.

— Не ищите, милые сестрицы! Полетайте

домой, я сама виновата — недосмотрела, сама и отвечать буду.

Сестрицы — красные девицы ударились о сыру землю, сделались голубками, взмахнули крыльями и полетели прочь. Осталась одна девица, осмотрелась кругом и промолвила:

— Кто бы ни был таков, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старый человек — будешь мне родной батюшка, коли средних лет — будешь братец любимый, коли ровня мне — будешь милый друг!

Только сказала последнее слово, показался Иван-царевич. Подала она ему золотое колечко и говорит:

— Ах, Иван-царевич! Что давно не приходил? Морской царь на тебя гневается. Вот дорога, что ведет в подводное царство; ступай по ней смело! Там и меня найдешь; ведь я дочь морского царя, Василиса Премудрая.

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетела от царевича. А Иван-царевич отправился в подводное царство; видит: и там свет такой же, как у нас; и там поля, и луга, и рощи зеленые, и солнышко греет. Приходит он к морскому царю. Закричал на него морской царь:

— Что так долго не бывал? За вину твою вот тебе служба: есть у меня пустошь на тридцать верст и в длину и в поперек — одни рвы, буераки да каменьё острое! Чтоб к завтраму было там как ладонь* гладко, и была бы рожь посеяна, и выросла б к раннему утру так высока, чтобы в ней галка могла схорониться. Если того не сделаешь — голова твоя с плеч долой!

Идет Иван-царевич от морского царя, сам

слезами обливается. Увидала его в окно из своего терема высокого Василиса Премудрая и спрашивает:

— Здравствуй, Иван-царевич! Что слезами

обливаешься?

— Как же мне не плакать? — отвечает царевич. — Заставил меня царь морской за одну ночь сровнять рвы, буераки и каменьё острое и засеять рожью, чтоб к утру она выросла и могла в ней галка спрятаться.

— Это не беда, беда впереди будет. Ложись с Богом спать; утро вечера мудренее, все будет готово!

Лег спать Иван-царевич, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громким голосом:

— Гей вы, слуги мои верные! Ровняйте-ка рвы глубокие, снесите каменьё острое, засевайте рожью колосистою, чтоб к утру поспело.

Проснулся на заре Иван-царевич, глянул — все готово; нет ни рвов, ни буераков, стоит поле как ладонь гладкое, и красуется на нем рожь — столь высока, что галка схоронится. Пошел к морскому царю с докладом.

— Спасибо тебе, — говорит морской царь, — что сумел службу сослужить. Вот тебе другая работа: есть у меня триста скирдов*, в каждом скирду по триста копен — все пшени-

ца белоярая; обмолоти мне к завтраму всю пшеницу чисто-начисто, до единого зернышка, а скирдов не ломай и снопов не разбивай. Если не сделаешь — голова твоя с плеч долой!

— Слушаю, ваше величество! — сказал Иван-царевич.

Опять идет по двору да слезами обливается.

— О чем горько плачешь? — спрашивает его Василиса Премудрая.

— Как же мне не плакать? Приказал мне царь морской за одну ночь все скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдов не ломать и снопов не разбивать.

— Это не беда, беда впереди будет! Ложись спать; утро вечера мудренее.

Царевич лег спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

— Гей вы, муравьи ползучие! Сколько вас на белом свете ни есть — все ползите сюда и повыберите зерно из батюшкиных скирдов чисто-начисто.

Поутру зовет морской царь Ивана-царевича:

— Сослужил ли службу?

— Сослужил, ваше величество!

— Пойдем, посмотрим.

Пришли на гумно — все скирды стоят нетронуты, пришли в житницы — все закрыта полнехоньки зерном.

— Спасибо тебе, брат! — сказал морской царь. — Сделай мне еще церковь из чистого воску, чтоб к рассвету была готова: это будет твоя последняя служба.

Опять идет Иван-царевич по двору и слезами умывается.

— О чем горько плачешь? — спрашивает его из высокого терема Василиса Премудрая.

— Как мне не плакать, доброму молодцу? Приказал морской царь за одну ночь сделать церковь из чистого воску.

— Ну, это еще не беда, беда впереди будет. Ложись-ка спать; утро вечера мудренее.

Царевич улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

— Гей вы, пчелы работающие! Сколько вас на белом свете ни есть — все летите сюда и слепите из чистого воску церковь Божию,

чтоб к утру была готова.

Поутру встал Иван-царевич, глянул — стоит церковь из чистого воску, и пошел к морскому царю с докладом.

— Спасибо тебе, Иван-царевич! Каких слуг у меня не было, никто не сумел так угодить, как ты. Будь же за то моим наследником, всего царства оберегателем; выбирай себе любую из тринадцати дочерей моих в жены.

Иван-царевич выбрал Василису Премудрую; тотчас их обвенчали и на радостях пировали целых три дня.

Ни много, ни мало прошло времени, стосковался Иван-царевич по своим родителям, захотелось ему на святую Русь.

— Что так грустен, Иван-царевич?

— Ах, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотелось на святую Русь.

— Вот это беда пришла! Если уйдем мы, будет за нами погоня великая; царь морской разгневается и предаст нас смерти. Надо ухитряться!

Плюнула Василиса Премудрая в трех углах, заперла двери в своем тереме и побежала с

Иваном-царевичем на святую Русь.

На другой день ранехонько приходят посланные от морского царя — молодых подымать, во дворец к царю звать. Стучатся в двери:

— Проснитесь, пробудитесь! Вас батюшка зовет.

— Еще рано, мы не выспались; приходите после! — отвечает одна слюнка.

Вот посланные ушли, обождали час-другой и опять стучатся:

— Не пора-время спать, пора-время вставать!

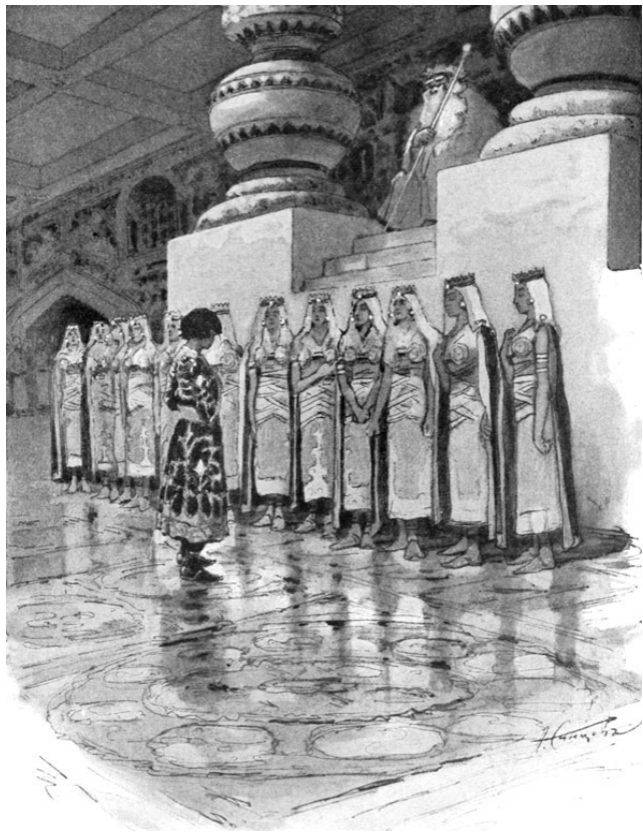
— Погодите немного; встанем, оденемся! — отвечает вторая слюнка.

В третий раз приходят посланные: царь-де морской гневается, зачем так долго они прохлаждаются.

— Сейчас будем! — отвечает третья слюнка.

Подождали-подождали посланные и давай опять стучаться — нет отклика, нет отзыва! Выломали двери, а в тереме пусто.

Доложили царю, что молодые убежали; озлобился он и послал за ними погоню вели-

кую.

А Василиса Премудрая с Иваном-царевичем уже далеко-далеко! Скачут на бóрзых конях без остановки, без роздыху.

— Ну-ка, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич соскочил с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ!

— Это за нами гонят! — сказала Василиса Премудрая и тотчас обратила коней зеленым лугом, Ивана-царевича старым пастухом, а сама сделалась смирною овечкою.

Наезжает погоня:

— Эй, старичок! Не видал ли ты — не проскакал ли здесь добрый молодец с красной девицей?

— Нет, люди добрые, не видал, — отвечает Иван-царевич, — сорок лет как пасу на этом месте — ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Воротилась погоня назад:

— Ваше царское величество! Никого в пути не наехали, видели только: пастух овечку

пасет.

— Что ж не хватали? Ведь это они были! — закричал морской царь и послал новую погоню.

А Иван-царевич с Василисою Премудрою давным-давно скачут на борзых конях.

— Ну, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич слез с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ.

— Это за нами гонят! — сказала Василиса Премудрая; сама сделалась церковью, Иван-царевича обратила стареньким попом, а лошадей деревьями.

Наезжает погоня:

— Эй, батюшка! Не видал ли ты — не проходил ли здесь пастух с овечкою?

— Нет, люди добрые, не видал; сорок лет тружусь в этой церкви — ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Повернула погоня назад:

— Ваше царское величество! Нигде не на-

шли пастуха с овечкою; только в пути и видели, что церковь да попа-старика.

— Что ж вы церковь не разломали, попа не захватили? Ведь это они самые были! — закричал морской царь и сам поскакал вдогонь за Иваном-царевичем и Василисою Премудрою. А они далеко уехали.

Опять говорит Василиса Премудрая:

— Иван-царевич! Припади к сырой земле — не слышать ли погони?

Слез царевич с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ пуще прежнего.

— Это сам царь скачет.

Оборотила Василиса Премудрая коней озером, Ивана-царевича селезнем, а сама сделалась уткою. Прискакал царь морской к озеру, тотчас догадался, кто таковы утка и селезень; ударился о сыру землю и обернулся орлом. Хочет орел убить их до смерти, да не тут-то было: что ни разлетится сверху... вот-вот ударит селезня, а селезень в воду нырнет; вот-вот ударит утку, а утка в воду нырнет! Бился, бился, так ничего и не смог сделать.

Поскакал царь морской в свое подводное царство, а Василиса Премудрая с Иваном-царевичем выждали доброе время и поехали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, приехали они в тридесятое царство.

— Подожди меня в этом лесочке, — говорит царевич Василисе Премудрой, — я пойду, доложусь наперед отцу, матери.

— Ты меня забудешь, Иван-царевич!

— Нет, не забуду.

— Нет, Иван-царевич, не говори, позабудешь! Вспомни обо мне хоть тогда, как станут два голубка в окна биться!

Пришел Иван-царевич во дворец; увидали его родители, бросились ему на шею и стали целовать-миловать его; на радостях позабыл Иван-царевич про Василису Премудрую.

Живет день и другой с отцом, с матерью, а на третий задумал свататься на какой-то королевне.

Василиса Премудрая пошла в город и нанялась к просвишне* в работницы. Стали просвиры готовить; она взяла два кусочка теста, слепила пару голубков и посадила в печь.

— Разгадай, хозяйюшка, что будет из этих голубков?

— А что будет? Съедем их — вот и все!

— Нет, не угадала!

Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно — и в ту ж минуту голуби вострепнулись, полетели прямо во дворец и начали биться в окна; сколько прислуга царская ни старалась, ничем не могла отогнать их прочь.

Тут только Иван-царевич вспомнил про Василису Премудрую, послал гонцов во все концы расспрашивать да разыскивать и нашел ее у просвирни; взял за руки белые, целовал в уста сахарные, привел к отцу, к матери, и стали все вместе жить да поживать да добра наживать.

Перышко Финиста ясна сокола

Старик-вдовец жил с тремя дочерьми: большая и средняя были щеголихами, а меньшая только о хозяйстве радела. Собирается отец в город и спрашивает у своих дочерей: которой что купить? Большая просит:

— Купи мне на платье!

И середняя то ж говорит.

— А тебе что, дочь моя любимая? — спрашивает у меньшей.

— Купи мне, батюшка, перышко Финиста ясна сокола. Отец простился с ними и уехал в

город; большим дочерям купил на платье, а перышка Финиста ясна сокола нигде не нашел. Воротился домой, старшую и среднюю дочерей обновками обрадовал.

— А тебе, — говорит меньшей не нашел перышка Финиста ясна сокола.

— Так и быть, — сказала она, — может, в другой раз посчастливится найти.

Большие сестры кроят, да обновы себе шьют, да над нею посмеиваются; а она знай отмалчивается.

Опять собирается отец в город и спрашивает:

— Ну, дочки, что вам купить?

Большая и средняя просят по платку купить, а меньшая говорит:

— Купи мне, батюшка, перышко Финиста ясна сокола.

Отец поехал в город, купил два платка, а перышка и в глаза не видал.

Воротился назад и говорит:

— Ах, дочка, ведь я опять не нашел перышка Финиста ясна сокола!

— Ничего, батюшка; может, в иное время посчастливится.

И. ВЛАДИМЦ

Вот и в третий раз собирается отец в город и спрашивает:

— Сказывайте, дочки, что вам купить?

Большие говорят:

— Купи нам серьги.

А меньшая опять свое:

— Купи мне перышко Финиста ясна сокола.

Отец искупил золотые серьги, бросился искать перышко — никто такого не ведает; опечалился и поехал из городу.

Только за заставу, а навстречу ему старичок несет коробочку.

— Что несешь, старина?

— Перышко Финиста ясна сокола.

— Что за него просишь?

— Давай тысячу.

Отец заплатил деньги и поскакал домой с коробочкой.

Встречают его дочери.

— Ну, дочь моя любимая, — говорит он меньшей, — наконец и тебе купил подарок; на, возьми!

Меньшая дочь чуть не прыгнула от радости, взяла коробочку, стала ее целовать-милото-

вать, крепко к сердцу прижимать.

После ужина разошлись все спать по своим светелкам; пришла и она в свою горницу, открыла коробочку — перышко Финиста ясна сокола тотчас вылетело, ударилось об пол, и явился перед девицей прекрасный царевич. Повели они меж собой речи сладкие, хорошие. Услыхали сестры и спрашивают:

— С кем это, сестрица, ты разговариваешь?

— Сама с собой, — отвечает красна девица.

— А ну, отопрись!

Царевич ударился об пол — и сделался перышком; она взяла, положила перышко в коробочку и отворила дверь. Сестры и туда смотрят, и сюда заглядывают — нет никого!

Только они ушли, красная девица открыла окно, достала перышко и говорит:

— Полетай, мое перышко, во чисто поле; погуляй до поры до времени!

Перышко обратилось ясным соколом и улетело. На другую ночь прилетает Финист ясный сокол к своей девице; пошли у них разговоры веселые. Сестры услыхали и сейчас к отцу побежали:

— Батюшка! У нашей сестры кто-то по но-

чам бывает; и теперь сидит да с нею разговаривает.

Отец встал и пошел к меньшей дочери, входит в ее горницу, а царевич уж давно обратился перышком и лежит в коробочке.

— Ах вы, негодные! — накинулся отец на своих больших дочерей. — Что вы на нее понапрасну взводите? Лучше бы за собой присматривали!

На другой день сестры поднялись на хитрости: вечером, когда на дворе совсем стемнело, подставили лестницу, набрали острых ножей да иголок и натыкали на окне красной девицы.

Ночью прилетел Финист ясный сокол, бился-бился — не мог попасть в горницу, только крылышки себе обрезал.

— Прощай, красна девица! — сказал он. — Если вздумаешь искать меня, то ищи за тридевять земель, в тридесятом царстве. Прежде три пары башмаков железных истопчешь, три посоха чугунных изломаешь, три просвиры каменных изгложешь, чем найдешь меня, добра молодца!

А девица спит себе: хоть и слышит сквозь

сон эти речи неприветливые, а встать-пробудиться не может.

Утром просыпается, смотрит — на окне ножи да иглы натыканы, а с них кровь так и капает. Всплеснула руками:

— Ах, Боже мой! Знать, сестрицы сгубили моего друга милого!

В тот же час собралась и ушла из дому. Побежала в кузницу, сковала себе три пары башмаков железных да три посоха чугунных, запаслась тремя каменными просвирами и пустилась в дорогу искать Финиста ясна сокола.

Шла-шла, пару башмаков истоптала, чугунный посох изломала и каменную просвиру изглодала; приходит к избушке и стучится:

— Хозяин с хозяйюшкой! Укройте от темных ночи.

Отвечает старушка:

— Милости просим, красная девица! Куда идешь, голубушка?

— Ах, бабушка! Ищу Финиста ясна сокола.

— Ну, красна девица, далеко ж тебе искать будет!

Наутро говорит старуха:

— Ступай теперь к моей средней сестре, она тебя добру научит; а вот тебе мой подарок: серебряное донце, золотое веретенце; станешь кудель прясть — золотая нитка потянется.

Потом взяла клубочек, покатила по дороге

и наказала вслед за ним идти, куда клубочек покатится, туда и путь держи! Девушка поблагодарила старуху и пошла за клубочком.

Долго ли, коротко ли, другая пара башмаков изношена, другой посох изломан, еще каменная просвира изглодана; наконец прикатился клубочек к избушке. Она постучалась:

— Добрые хозяева! Укройте от темной ночи красную девушку.

— Милости просим! — отвечает старушка. — Куда идешь, красная девушка?

— Ищу, бабушка, Финиста ясна сокола.

— Далеко ж тебе искать будет!

Поутру дает ей старушка серебряное блюдо и золотое яичко и посылает к своей старшей сестре: она-де знает, где найти Финиста ясна сокола.

Простилась красная девушка со старухой и пошла в путь-дорогу; шла-шла, третья пара башмаков истоптана, третий посох изломан, и последняя просвира изглодана — прикатился клубочек к избушке. Стучится и говорит странница:

— Добрые хозяева! Укройте от темной ночи красную девушку.

Опять вышла старушка:

— Поди, голубушка! Милости просим! Откуда идешь и куда путь держишь?

— Ищу, бабушка, Финиста ясна сокола.

— Ох, трудно, трудно отыскать его! Он живет теперь в этаким-то городе, на просвирниной дочери там женился.

Наутро говорит старуха красной девице:

— Вот тебе подарок: золотое пялечко* да иголочка; ты только пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет. Ну, теперь ступай с Богом и наймись к просвирне в работницы.

Сказано — сделано. Пришла красная девица на просвирнин двор и нанялась в работницы; дело у ней так и кипит под руками: и печку топит, и воду носит, и обед готовит. Просвирня смотрит да радуется.

— Слава Богу! — говорит своей дочке. — Нажили себе работницу и услужливую и добрую: без наряду все делает!

А красная девица, покончив с хозяйскими работами, взяла серебряное донце, золотое веретенце и села прясть: прядет — из кудели нитка тянется, нитка не простая, а чистого золота. Увидала это просвирнина дочь:

— Ах, красная девица! Не продашь ли мне свою забаву?

— Пожалуй, продам!

— А какая цена?

— Позволь с твоим мужем ночь перебыть.

Просвирнина дочь согласилась.

«Не беда! — думает. — Ведь мужа можно сонным зельем опоить, а чрез это веретенце мы с матушкой озолотимся!»

А Финиста ясна сокола дома не было: целый день гулял по поднебесью, только к вечеру воротился.

Сели ужинать; красная девица подает на стол кушанья да все на него смотрит, а он, добрый молодец, и не узнает ее. Просвирнина дочь подмешала Финисту ясну соколу сонного зелья в питье, уложила его спать и говорит работнице:

— Ступай к нему в горницу да мух отгоняй!

Вот красная девица отгоняет мух, а сама слезно плачет:

— Проснись-пробудись, Финист ясный сокол! Я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары башмаков

железных истоптала, три просвиры каменных изглодала да все тебя, милого, искала!

А Финист спит, ничего не чувствует; так и ночь прошла.

На другой день работница взяла серебряное блюдечко и катает по нем золотым яичком: много золотых яиц накатала! Увидала просвирнина дочь.

— Продай, — говорит, — мне свою забаву!

— Пожалуй, купи.

— А как цена?

— Позволь с твоим мужем еще единую ночь перебыть.

— Хорошо, я согласна!

А Финист ясный сокол опять целый день гулял по поднебесью, домой прилетел только к вечеру.

Сели ужинать; красная девица подает кушанья да все на него смотрит, а он словно никогда и не знавал ее. Опять просвирнина дочь опоила его сонным зельем, уложила спать и послала работницу мух отгонять.

И на этот раз, как ни плакала, как ни будила его красная девица, он проспал до утра и ничего не слышал.

На третий день сидит красная девица, держит в руках золотое пялечко, а иголочка сама вышивает — да такие узоры чудные! Загляделась просвирнина дочка.

— Продай, красная девица, продай, — говорит, — мне свою забаву!

— Пожалуй, купи!

— А как цена?

— Позволь с твоим мужем третью ночь перебыть.

— Хорошо, я согласна!

Вечером прилетел Финист ясный сокол; жена опоила его сонным зельем, уложила спать и посылает работницу мух отгонять.

Вот красная девица мух отгоняет, а сама слезно причитывает:

— Проснись-пробудись, Финист ясный сокол! Я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала — все тебя, милого, искала!

А Финист ясный сокол крепко спит, ничего не чувствует.

Долго она плакала, долго будила его; вдруг упала ему на щеку слеза красной девицы, и

он в ту ж минуту проснулся:

— Ах, — говорит, — что-то меня обожгло!

— Финист ясный сокол! — отвечает ему девица. — Як тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала — все тебя искала! Вот уж третью ночь над тобою стою, а ты спишь — не пробуждаешься, на мои слова не отзываешься!

Тут только узнал Финист ясный сокол и так обрадовался, что сказать нельзя.

Сговорились и ушли от просвирни.

Поутру хватилась просвирнина дочь своего мужа: ни его нет, ни работницы! Стала жаловаться матери; просвирня приказала лошадей заложить и погналась в погоню.

Ездила-ездила, и к трем старухам заезжала, а Финиста ясна сокола не догнала: его и следов давно не видать!

Очутился Финист ясный сокол со своею суженой возле ее дома родительского; ударился о сыру землю и сделался перышком: красная девица взяла его, спрятала за пазушку и пришла к отцу.

— Ах, дочь моя любимая! Я думал, что тебя и на свете нет; где была так долго?

— Богу ходила молиться.

А случилось это как раз около Святой недели. Вот отец с старшими дочерьми собираются к заутрене.

— Что ж, дочка милая, — спрашивает он меньшую, — собирайся да поедем; нынче день такой радостный.

— Батюшка, мне надеть на себя нечего.

— Надень наши уборы, — говорят старшие сестры.

— Ах, сестрицы, мне ваши платья не по ко-

сти! Я лучше дома останусь.

Отец с двумя дочерьми уехал к заутрене; в те поры красная девица вынула свое перышко. Оно ударилось об пол и сделалось прекрасным царевичем.

Царевич свистнул в окошко — сейчас явились и платья, и уборы, и карета золотая. Нарядились, сели в карету и поехали.

Входят они в церковь, становятся впереди всех; народ дивится: какой такой царевич с царевною пожаловал?

На исходе заутрени вышли они раньше всех и уехали домой; карета пропала, платьев и уборов как не бывало, а царевич обратился

перышком. Воротился и отец с дочерьми.

— Ах, сестрица! Вот ты с нами не ездила, а в церкви был прекрасный царевич с ненаглядной царевною.

— Ничего, сестрицы! Вы мне рассказали — все равно что сама была.

На другой день опять то же; а на третий, как стал царевич с красной девицей в карету садиться, отец вышел из церкви и своими глазами видел, что карета к его дому подъехала и пропала.

Воротился отец и стал меньшую дочку допрашивать; она и говорит:

— Нечего делать, надо признаться!

Вынула перышко; перышко ударилось об пол и обернулось царевичем.

Тут их и обвенчали, и свадьба была богатая! На той свадьбе и я был, вино пил, по усам текло, во рту не было. Надели на меня колпак да и ну толкать; надели на меня кузов:

— Ты, детинушка, не гузай*, убирайся-ка поскорей со двора.

Елена Премудрая

В стародавние годы в некоем царстве, не в нашем государстве, случилось одному солдату у каменной башни на часах стоять; башня была на замок заперта и печатью запечатана, а дело-то было ночью. Ровно в двена-

дцать часов слышится солдату, что кто-то гла-
сит из этой башни:

— Эй, служивый!

Солдат спрашивает:

— Кто меня кличет?

— Это я — нечистый дух, — Отзывается го-
лос из-за железной решетки, — тридцать лет
как сижу здесь не пивши, не евши.

— Что ж тебе надо?

— Выпусти меня на волю; как будешь в
нужде, я тебе сам пригожусь; только помяни
меня — и я в ту ж минуту явлюсь к тебе на
выручку.

Солдат тотчас сорвал печать, разломал за-
мок и отворил двери — нечистый вылетел из
башни, взвился кверху и сгинул быстрее мол-
нии.

«Ну, — думает солдат, — наделал я дела;
вся моя служба ни за грош пропала. Теперь
засадят меня под арест, отдадут под военный
суд и, чего доброго, — заставят сквозь строй*
прогуляться; уж лучше убегу, пока время
есть».

Бросил ружье и ранец на землю и пошел
куда глаза глядят.

Шел он день, и другой, и третий; разобрал его голод, а есть и пить нечего; сел на дороге, заплакал горькими слезами и раздумался: «Ну, не глуп ли я? Служил у царя десять лет, всегда был сыт и доволен, каждый день по три фунта хлеба получал; так вот нет же! Убежал на волю, чтобы помереть голодною смертию. Эх, дух нечистый, всему ты виною».

Вдруг откуда ни взялся — стал перед ним нечистый и спрашивает:

— Здравствуй, служивый! О чем горюешь?

— Как мне не горевать, коли третий день с голоду пропадаю.

— Не тужи, это дело поправное! — сказал нечистый, туда-сюда бросился, притащил всяких вин и припасов, накормил-напоил солдата и зовет его с собою: — В моем доме будет тебе житье привольное; пей, ешь и гуляй, сколько душа хочет, только присматривай за моими дочерьми — больше мне ничего не надобно.

Солдат согласился; нечистый подхватил его под руки, поднял высоко-высоко на воздух и принес за тридевять земель, в тридесятое государство — в белокаменные палаты.

У нечистого было три дочери — собой красавицы. Приказал он им слушаться того солдата и кормить и поить его вдоволь, а сам полетел творить пакости; известно — нечистый дух! На месте никогда не сидит, а все по свету рыщет да людей смущает, на грех наводит.

Остался солдат с красными девицами, и такое ему житье вышло, что и помирать не надо. Одно его кручинит: каждую ночь уходят красные девицы из дому, а куда уходят — неведомо. Стал было их про то расспрашивать, так не сказывают, запираются.

«Ладно же, — думает солдат, — буду целую ночь караулить, а уж усмотрю, куда вы таскаетесь».

Вечером лег солдат на постель, притворился, будто крепко спит, а сам ждет не дождется — что-то будет?

Вот как пришла пора-время, подкрался он потихоньку к девичьей спальне, стал у дверей, нагнулся и смотрит в замочную скважинку. Красные девицы принесли волшебный ковер, разостлали по полу, ударились о тот ковер и сделались голубками; встрепенулись и улетели в окошко.

«Что за диво! — думает солдат. — Дай-ка я попробую». Вскочил в спальню, ударился о ковер и обернулся малиновкой, вылетел в окно да за ними вдогонку.

Голубки опустились на зеленый луг, а малиновка села под смородинов куст, укрылась за листьями и высматривает оттуда. На то место налетело голубиц видимо-невидимо, весь луг прикрыли; посредине стоял золотой трон.

Немного погодя осияло и небо и землю — летит по воздуху золотая колесница, в упряжи шесть огненных змеев; на колеснице сидит королева Елена Премудрая — такой красоты неописанной, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать! Сошла она с колесницы, села на золотой трон; начала подзывать к себе голубок по очереди и учить их разным мудростям. Покончила ученье, вскочила на колесницу и была такова!

Тут все до единой голубки снялись с зеленого лугу и полетели каждая в свою сторону, птичка-малиновка вспорхнула вслед за тремя сестрами и вместе с ними очутилась в спальне.

Голубки ударились о ковер — сделались

красными девицами, а малиновка удари-
лась — обернулась солдатом.

— Ты откуда? — спрашивают его девицы.

— А я с вами на зеленом лугу был, видел прекрасную королеву на золотом троне и слышал, как учила вас королева разным хитростям.

— Ну, счастье твое, что уцелел! Ведь эта королева — Елена Премудрая, наша могучая повелительница. Если б при ней да была ее волшебная книга, она тотчас бы тебя узнала — и тогда не миновать бы тебе злой смерти. Берегись, служивый! Не летай больше на зеленый луг, не дивись на Елену Премудрую; не то сложишь буйну голову.

Солдат не унывает, те речи мимо ушей пропускает; дождался другой ночи, ударился о ковер и сделался птичкой-малиновкой. Прилетела малиновка на зеленый луг, спряталась под смородинов куст, смотрит на Елену Премудрую, любуется ее красотой ненаглядною и думает: «Если б такую жену добыть — ничего б в свете пожелать не осталось! Полечу-ка я следом за нею да узнаю, где она проживает».

Вот сошла Елена Премудрая с золотого трона, села на свою колесницу и понеслась по воздуху к своему чудесному дворцу; следом за

ней и малиновка полетела.

Приехала королева во дворец; выбежали к ней навстречу няньки и мамки, подхватили ее под руки и увели в расписные палаты. А птичка-малиновка порхнула в сад, выбрала прекрасное дерево, что как раз стояло под окном королевниной спальни, уселась на веточке и начала петь так хорошо да жалобно, что королева целую ночь и глаз не смыкала — все слушала.

Только вошло красное солнышко, закричала Елена Премудрая громким голосом:

— Няньки и мамки, бегите скорее в сад; изловите мне птичку-малиновку!

Няньки и мамки бросились в сад, стали ловить певчую пташку; да куды им, старухам! Малиновка с кустика на кустик перепархивает, далеко не летит и в руки не дается.

Не стерпела королева, выбежала в зеленый сад, хочет сама ловить птичку-малиновку; подходит к кусту — птичка с ветки не трогается, сидит опустя крылышки — словно ее дожидается.

Обрадовалась королева, взяла птичку в руки, принесла во дворец, посадила в золо-

тую клетку и повесила в своей спальне.

День прошел, солнце закатилось, Елена Премудрая слетала на зеленый луг, воротилась, начала снимать уборы, разделась и легла в постель.

Малиновка смотрит на ее тело белое, на ее красу ненаглядную и вся как есть дрожит. Как только уснула королева, птичка-малиновка обернулась мухою, вылетела из золотой клетки, ударилась об пол и сделалась добрым молодцем.

Подошел добрый молодец к королевниной кровати, смотрел-смотрел на красавицу, не выдержал и чмок ее в уста сахарные. Видит — королева просыпается, обернулся поскорей мухою, влетел в клетку и стал птичкой-малиновкой.

Елена Премудрая раскрыла глаза; глянула кругом — нет никого. «Видно, — думает, — мне во сне это пригрезилось!» Повернулась на другой бок и опять заснула.

А солдату крепко не терпится; попробовал в другой и в третий раз — чутко спит королева, после всякого поцелуя пробуждается.

За третьим разом встала она с постели и

говорит:

— Тут что-нибудь да недаром: дайка посмотрю в волшебную книгу.

Посмотрела в свою волшебную книгу и тотчас узнала, что сидит в золотой клетке не простая птичка-малиновка, а молодой солдат.

— Ах ты невежа! — закричала Елена Премудрая. — Выходи-ка из клетки. За твою неправду ты мне жизнью ответишь.

Нечего делать — вылетела птичка-малиновка из золотой клетки, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем. Пал солдат на колени перед королевой и зачал просить прощения.

— Нет тебе, негодяю, прощения, — отвечала Елена Премудрая и крикнула палача и плаху рубить солдату голову.

Откуда ни взялся — стал перед ней великан с топором и с плахою, повалил солдата наземь, прижал его буйную голову к плахе и поднял топор. Вот махнет королева платком, и покатится молодецкая голова!..

— Смилуйся, прекрасная королева, — просит солдат со слезами, — позволь напоследях песню спеть.

— Пой, да скорей!

Солдат затянул песню такую грустную, такую жалобную, что Елена Премудрая сама расплакалась; жалко ей стало доброго молодца, говорит она солдату:

— Даю тебе сроку десять часов; если ты сумеешь в это время так хитро спрятаться, что я тебя не найду, то выйду за тебя замуж; а не сумеешь этого дела сделать — велю рубить тебе голову.

Вышел солдат из дворца, забрел в дремучий лес, сел под кустик, задумался-закручинился:

— Ах, дух нечистый! Все из-за тебя пропадаю.

В ту же минуту явился к нему нечистый.

— Что тебе, служивый, надобно?

— Эх, — говорит, — смерть моя приходит! Куда я от Елены Премудрой спрячуся?

Нечистый дух ударился о сырую землю и обернулся сизокрылым орлом:

— Садись, служивый, ко мне на спину; я тебя занесу в поднебесье.

Солдат сел на орла: орел взвился кверху и залетел за облака-тучи черные.

Прошло пять часов, Елена Премудрая взяла волшебную книгу, посмотрела — и все словно на ладони увидела; возгласила она громким голосом:

— Полно, орел, летать по поднебесью; опускайся на низ — от меня ведь не укроешься.

Орел опустился наземь.

Солдат пуще прежнего закручинился:

— Что теперь делать? Куда спрятаться?

— Постой, — говорит нечистый, — я тебе помогу.

Подскочил к солдату, ударил его по щеке и оборотил булавкой, а сам сделался мышкою, схватил булавку в зубы, прокрался во дворец, нашел волшебную книгу и воткнул в нее булавку.

Прошли последние пять часов. Елена Премудрая развернула свою волшебную книгу, смотрела-смотрела — книга ничего не показывает; крепко рассердилась королевна и швырнула ее в печь.

Булавка выпала из книги, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем.

Елена Премудрая взяла его за руку.

— Я, — говорит, — хитра, а ты и меня хитрей!

Не стали они долго раздумывать, перевенчались и зажили себе припеваючи.

Соль

В некоем городе жил-был купец, у него было три сына: первый — Федор, другой — Василий, а третий — Иван-дурак. Жил тот купец богато, на своих кораблях ходил в чужие земли и торговал всякими товарами. В одно время нагрузил он два корабля; дорогими товарами и отправил их за море с двумя старшими сыновьями. А меньшей сын Иван завсегда ходил по кабакам, по трактирам, и потому отец ничего не доверял ему по торговле. Вот как узнал он, что его братья за море посланы, тотчас явился к отцу и стал у него проситься в иные земли — себя показать, людей посмотреть да своим умом барыши зашибить. Купец долго не соглашался: «Ты-де все пропьешь и головы домой не привезешь!» — да, видя неотступную его просьбу, дал ему корабль с самым дешевым грузом: с бревнами, тесом и досками.

Собрался Иван в путь-дорогу, отвалил от берега и скоро нагнал своих братьев; плывут они вместе по синему морю день, другой и третий, а на четвертый поднялись сильные

ветры и забросили Иванов корабль в дальнейшее место, к одному неведомому острову.

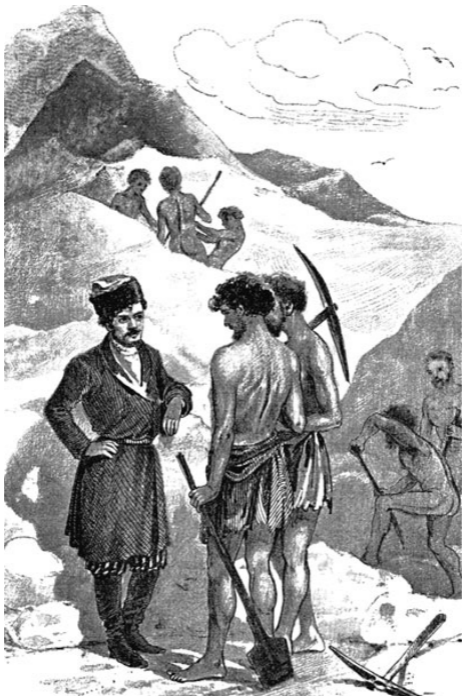
— Ну, ребята, — закричал Иван корабельным работникам, — приворачивайте к берегу.

Пристали к берегу, он вылез на остров, приказал себя дожидаться, а сам пошел по тропинке; шел-шел и добрался до превеликой горы, смотрит — в той горе ни песок, ни камень, а чистая русская соль. Вернулся назад к берегу, приказал работникам все бревна и доски в воду покидать, а корабль нагрузить солью. Как скоро это сделано было, отвалил Иван от острова и поплыл дальше.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — приплыл корабль к большому богатому городу, остановился в пристани и якорь бросил. Иван купеческий сын сошел в город и отправился к тамошнему царю бить челом, чтобы позволил ему торговать по вольной цене; а для показу понес узелок своего товару — русской соли.

Тотчас доложили про его приход государю; царь его позвал и спрашивает:

— Говори, в чем дело — какая нужда?

— Так и этак, ваше величество! Позвольте мне торговать в твоём городе по вольной цене.

— А каким товаром торги ведешь?

— Русской солью, ваше величество!

А царь про соль и не слыхивал: во всем его царстве без соли ели. Удивился он, что такой за новый, небывалый товар?

— А ну, — говорит, — покажь!

Иван купеческий сын развернул платок; царь взглянул и подумал про себя: «Да это просто-напросто белый песок!»

И говорит Ивану с усмешкою:

— Ну, брат, этого добра у нас и без денег дают!

Вышел Иван из царских палат весьма печален, и вздумалось ему: «Дай пойду в царскую кухню да посмотрю, как там повара кушанья готовят — какую они соль кладут?»

Пришел на кухню, попросился отдохнуть маленько, сел на стул и приглядывается. Повара то и дело взад-вперед бегают: кто варит, кто жарит, кто льет, а кто на чумичке* вшей бьет. Видит Иван купеческий сын, что повара и не думают солить кушанья; улучил минутку, как они все из кухни повыбрались, взял да и всыпал соли, сколько надобно, во все ествы и приправы.

Наступило время обед подавать; принесли

первое кушанье. Царь отведал, и оно ему так вкусно показалось, как никогда прежде; подали другое кушанье — это еще больше понравилось.

Призвал царь поваров и говорит им:

— Сколько лет я царствую, а никогда так вкусно вы не готовили. Как вы это сделали?

Отвечают повара:

— Ваше величество! Мы готовили по-старому, ничего нового не прибавляли; а сидит на кухне тот купец, что приходил вольного торгу просить: уж не он ли подложил чего?

— Позвать его сюда!

Привели Ивана купеческого сына к царю на допрос; он пал на колени и стал просить прощения:

— Виноват, царь-государь! Я русскою солью все ествы и приправы сдобрил; так-де в нашей стороне водится.

— А почему соль продаешь?

Иван смекнул, что дело на лад идет, и отвечал:

— Да не очень дорого: за две меры соли — мера серебра да мера золота.

Царь согласился на эту цену и купил у него

весь товар.

Иван насыпал полон корабль серебром да золотом и стал дожидаться попутного ветра; а у того царя была дочь — прекрасная царевна, захотелось ей посмотреть на русский корабль, и просится она у своего родителя на корабельную пристань. Царь отпустил ее.

Вот она взяла с собой нянюшек, мамушек и красных девушек и поехала русский корабль смотреть. Иван купеческий сын стал ей показывать, как и что называется: где паруса, где снасти, где нос, где корма, и завел ее в каюту; а работникам приказал — живо якоря отсечь, паруса поднять и в море выходить. И как было им большое поветрие, то они скоро убежали от того города на далекое расстояние. Царевна вышла на палубу, глянула — кругом море, и заплакала.

Иван купеческий сын начал ее утешать, уговаривать, от слез останавливать; и как он собою красавец был, то царевна скоро улыбнулась и перестала печалиться.

Долго ли, коротко ли плыл Иван с царевною по морю; нагоняют его старшие братья, узнали про его удаль и счастье и крепко поза-

видовали; пришли к нему на корабль, схватили его за руки и бросили в море; а после кинули промеж себя жребий и поделились так: большой брат взял царевну, а середний — корабль с серебром и золотом.

И случись на ту пору, как сбросили Ивана с корабля, плавало вблизи одно из тех бревен,

которые он сам же покидал в море. Иван ухватился за то бревно и долго носился с ним по морским глубинам; наконец прибило его к неведомому острову.

Вышел он на землю и пошел по берегу — попадаетея ему навстречу великан с огромными усами, на усах вачеги* висят — после дождя сушит.

— Что тебе здесь надобно? — спрашивает великан.

Иван рассказалему все.

— Хочешь, я тебя домой отнесу; завтра твой старший брат на царевне женится; садись-ка ко мне на спину.

Взял его, посадил на спину и побежал через море; тут у Ивана с головы шапка упала.

— Ах, — говорит, — ведь я шапку сронил!

— Ну, брат, далеко твоя шапка — верст с пятьсот назад осталась, — отвечал великан. Принес его на родину, спустил наземь и говорит:

— Смотри же, никому не хвались, что ты на мне верхом ездил; а похвалишься — раздавлю тебя!

Иван купеческий сын обещал не хвалить-

ся, поблагодарил великана и пошел домой.

Приходит, а уж там все за свадебным столом сидят, собираются в церковь ехать. Как увидела его прекрасная царевна, тотчас вскочила из-за стола, бросилась на шею.

— Вот, — говорит, — мой жених, а не тот, что за столом сидит!

— Что такое? — спрашивает отец.

Иван ему рассказал про все, как он солью торговал, как царевну увез и как старшие братья его в море спихнули. Отец рассердился на больших сыновей, согнал их со двора долой, а Ивана обвенчал на царевне.

Начался у них веселый пир; на пиру гости подпили и стали хвастаться; кто силою, кто богатством, кто молодой женою. А Иван сидел-сидел да спьяна и сам похвастался:

— Это что за похвальбы! Вот я так могу похвалиться: на великане через все море верхом проехал!

Только вымолвил — в ту же минуту является у ворот великан:

— А, Иван купеческий сын, я тебе приказывал не хвалиться мною, а ты что сделал?

— Прости меня! — молит Иван купеческий

сын. — То не я хвалился, то хмель хвалился.

— А ну, покажи: какой такой хмель?

Иван приказал привезть сороковую бочку вина да сороковую бочку пива; великан выпил и вино и пиво, опьянел и пошел все, что ни попалося под руку, ломать и крушить; много доброго натворил: сады повалял, хоромы разметал! После и сам свалился и спал без просыпу трое суток; а как пробудился, стали ему показывать, сколько он бед наделал; великан страх как удивился и говорит:

— Ну, Иван, узнал я, каков хмель; хвались же ты мною отныне и до веку.

Золотая гора

Промотался-прогулялся купеческим сын, до того пришло, что есть нечего; взял он лопату, вышел на торговую площадь и стал поджидать — не наймет ли кто в работники. Вот едет семисотный купец в раззолоченной карете; увидали его поденщики и все, сколько ни было, врозь рассыпались, по углам попрятались. Остался на площади всего-навсего один купеческий сын.

— Хочешь работы, молодец? Наймись ко мне, — говорит семисотный купец.

— Изволь; я за тем на площадь пришел.

— А что возьмешь?

— Положи на день по сотне рублей, с меня и будет!

— Что так дорого?

— А дорого, так поди — ищи дешевого; вишь, сколько народу здесь было, а ты приехал — все разбежались.

— Ну, ладно! Приходи завтра на пристань.

На другой день поутру пришел купеческий сын на пристань; семисотный купец давно его дожидается. Сели они на корабль и поеха-

ли в море.

Ехали, ехали — посреди моря остров виднеется, на том острове стоят горы высокие, а у самого берега что-то словно огнем горит.

— Никак пожар виден! — говорит купеческий сын.

— Нет, это мой золотой дворец.

Привалили к острову, вышли на берег; навстречу семисотному купцу прибежала жена вместе с дочкою, а дочь — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать. Тотчас они поздоровались, пошли во дворец и нового работника с собой взяли; сели за стол, стали пить-есть, веселиться.

— Куда день ни шел! — говорит хозяин. — Сегодня попируем, а завтра и за работу примемся.

А купеческий сын был собою молодец, статный, рослый, кровь с молоком; полюбился он красной девице. Вышла она в другую комнату, вызвала его тайком и дала ему кремень да кресало:

— Возьми, будешь в нужде — пригодится!

На другой день семисотный купец отправился с своим работником к высокой золотой

горе: лезть на нее — не взлезть, ползти — не всползти!

— Ну-ка, — говорит, — выпьем наперед.

И поднес ему сонного зелья. Работник выпил и заснул. Купец достал нож, убил ледащую* клячу, выпотрошил, положил парня в лошадиное брюхо, сунул туда лопату и зашил, а сам в кустах притаился. Вдруг прилетают вóроны черные, носы железные, ухватили падаль, унесли на гору и ну клевать; съели лошадь и стали было добираться до купеческого сына. Тут он проснулся, от черных воронов отмахнулся, глянул туда-сюда и спрашивает:

— Где я?

Отвечает семисотный купец:

— На золотой горе; бери-ка лопату да копай золото.

Вот он копал-копал, все на низ бросал; а купец на возы складывал. К вечеру девять возов поспело.

— Будет! — говорит семисотный купец. — Спасибо за работу, прощай!

— А я-то?

— А ты как знаешь! Вас там на горе девяно-

сто девять сгинуло; с тобой ровно сто будет! — сказал купец и уехал.

«Что тут делать? — думает купеческий сын. — Сойти с горы никак нельзя; приходится помереть голодною смертью!» Стоит на горе, а над ним так и вьются вороны черные, носы железные: видно, добычу почуяли! Стал он припоминать, как все это сделалось, и пришло ему на ум, как вызывала его красная девица, подавала кремень да кресало, а сама приговаривала: «Возьми, будешь в нужде — пригодится!» — «А ведь это она недаром сказала! Дай попробую». Вынул купеческий сын кремень и кресало, ударил раз — и тотчас выскочило два молодца:

— Что угодно? Чего надобно?

— Снесите меня с горы к морскому берегу.

Только успел вымолвить, они его подхватили и бережно с горы снесли.

Идет купеческий сын по берегу, глядь — мимо острова корабль плывет.

— Эй, добрые люди корабельщики! Возьмите меня с собой.

— Нет, брат! Некогда останавливаться, мы за эту остановку сто верст сделаем.

Миновали корабельщики остров — стали дуть им ветры встречные, поднялась буря страшная.

— Ах! Видно, он не простой человек; лучше воротимся да возьмем его на корабль.

Повернули к острову, пристали к берегу, взяли купеческого сына и отвезли его в родной город.

Много ли, мало ли прошло времени — взял купеческий сын лопату, вышел на торговую площадь и ждет наемщика. Опять едет в раззолоченной карете семисотный купец; увидели его поденщики, все врозь рассыпались, по углам попрятались. Оставался один купеческий сын.

— Наймись ко мне, — говорит ему семисотный купец.

— Изволь! Положи на день по двести рублей и давай работу.

— Экой дорогой!

— А дорогой, так поди — поймай дешевого; вишь, сколько народу здесь было, а ты показался — сейчас разбежались.

— Ну, ладно! Приходи завтра на пристань.

Наутро сошлись они у пристани, сели на корабль и поехали к острову. Там один день прогуляли, а другой настал — к золотой горе отправились. Приезжают туда, семисотный

купец подносит работнику чарку:

— Ну-ка выпей наперед!

— Пстой, хозяин! Ты всему голова, тебе первому и пить; дай я тебя своим попотчую.

А уж купеческий сын загодя сонным зельем запасся; налил полный стакан и подает семисотному купцу. Тот выпил и заснул крепким сном. Купеческий сын зарезал самую дрянную клячу, выпотрошил, положил своего хозяина в лошадиное брюхо, сунул лопату и зашил, а сам в кустах с прятался.

Вдруг прилетели вóроны черные, носы железные, подхватили пададь, унесли на гору и принялись клевать. Пробудился семисотный купец, глянул туда-сюда.

— Где я? — спрашивает.

— На горе; бери-ка лопату да копай золото;

коли много накопишь, научу — как с горы спуститься.

Семисотный купец взялся за лопату, копал-копал, двенадцать возов накопал.

— Ну, теперь довольно! — говорит купеческий сын. — Спасибо за труд, прощай!

— А я-то?

— А ты как знаешь! Вас там на горе девяносто девять сгинуло; с тобой ровно сотня будет!

Забрал купеческий сын все двенадцать возов, приехал в золотой дворец, женился на красной девице, дочке купца семисотного; овладел всем его богатством и со всей семьей переехал жить в столицу. А семисотный купец так на горе и остался; заклевали его вороны черные, носы железные.

Чудесная дудка

Жил старик со старухой. У них детей было двое: сынок Иванушка и дочка Аннушка. Старик начал своих детей посылать в лес за ягодками, наказывает им:

— Детки! Который из вас нарвет больше ягодок, тому поясок куплю шелковый.

Они возрадовались и немедля пошли. Иванушка был меньше детище, нарвал больше Аннушкиного; Аннушка из досады, что отец не ей купит поясок, озлившись, убила своего

брата и схоронила его в том лесу. Пришла домой и сказала отцу, что брат мой Иванушка неизвестно куда ушел.

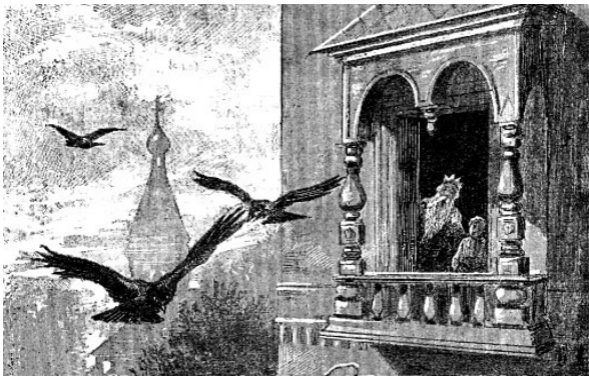
Спустя несколько времени после того над могилой Иванушкиной выросла тростинка. Мимопроезжие купцы ее срезали, сделали дудку, и как начали играть в нее — изумились; из дудки выходил такой голос: «Подуди-ка, подуди-ка, дядюшка! Не ты меня убил, не ты меня сгубил; убила меня сестра моя — за красные ягодки, за шелковый поясок». Поехали те купцы в село, и случилось им ночевать у Иванушкина отца; объявили ему про чудесную дудку и просили старика поиграть. Старик начал дудеть, а дудочка начала ему говорить: «Подуди-ка, подуди-ка, батюшка! Не ты меня убил, не ты меня сгубил; убила меня сестра моя Аннушка — за красные ягодки, за шелковый поясок».

После того дали сестре поиграть; дудка стала говорить: «Подуди-ка, подуди-ка, сестрица моя Аннушка! Ты меня убила, в лесу сгубила — за красные ягодки, за шелковый поясок». Отец, осердясь на дочку Аннушку, которая тут же призналась, поставил ее на воро-

тах и расстрелял из поганого ружья. На дворе у них была лужа, а в ней щука, а в щуке-то огонец; этой сказочке конец.

Птичий язык

В одном городе жил купец с купчихою, и дал им Господь сына не по годам смышленного, по имени Василия. Раз как-то обедали они втроем; а над столом висел в клетке соловей и так жалобно пел, что купец не вытерпел и проговорил:

— Если б сыскался такой человек, который отгадал бы мне вправду, что соловей распевает и какую судьбу предвещает, кажись — при жизни бы отдал ему половину имения, да и по смерти отказал много добра.

А мальчик — ему было лет шесть тогда — посмотрел отцу с матерью в глаза озойливо* и сказал:

— Я знаю, что соловей поет, да сказать боюсь.

— Говори без утайки! — пристали к нему отец с матерью.

И Вася со слезами вымолвил:

— Соловей предвещает, что придет пора-время, будете вы мне служить: отец станет воду подавать, а мать полотенце — лицо, руки утирать.

Слова эти больно огорчили купца с купчихою, и решились они сбыть свое детище; построили небольшую лодочку, в темную ночь положили в нее сонного мальчика и пустили в открытое море.

На ту пору вылетел из клетки соловей-вещун, прилетел в лодку и сел мальчику на плечо.

Вот плывет лодка по морю, а навстречу ей корабль на всех парусах летит. Увидал корабельщик мальчика, жалко ему стало, взял его к себе, расспросил про все и обещал держать и любить его, как родного сына.

На другой день говорит мальчик новому отцу:

— Соловей-де напевает, что подыметя буря, поломает мачты, прорвет паруса; надо поворотить в становище.

Но корабельщик не послушался.

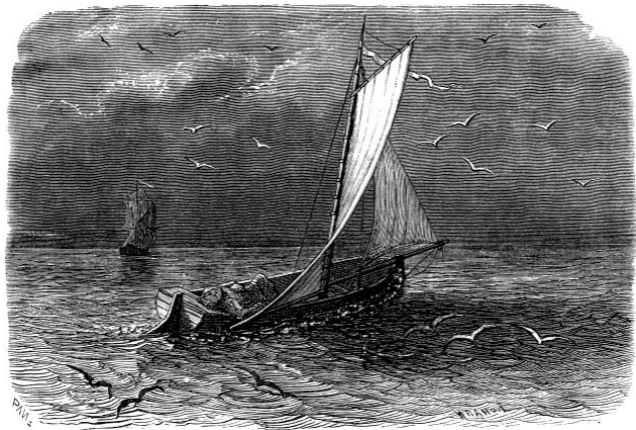
И впрямь поднялась буря, поломала мачты, оборвала паруса.

Делать нечего, прошлого не воротишь; поставили новые мачты, поправили паруса и поплыли дальше. А Вася опять говорит:

— Соловей-де напевает, что навстречу идут двенадцать кораблей, всё разбойничьих, во полон* нас возьмут!

На тот раз корабельщик послушался, приворотил к острову и видел, как те двенадцать кораблей, всё разбойничьих, пробежали мимо. Выждал корабельщик сколько надобно и поплыл дальше.

Ни мало, ни много прошло времени, пристал корабль к городу Хвалынску; а у здешнего короля уже несколько годов перед дворцовыми окнами летают и кричат ворон с вороныхою и вороненком, ни днем, ни ночью никому угомону* не дают.

Что ни делали, никакими хитростями не могут их от окошек отжить; даже дробь не берет! И приказано было от короля прибить на всех перекрестках и пристанях такову грамоту: ежели кто сможет отжить* от дворцовых окошек ворона с воронихою, тому король отдаст в награду полцарства своего и меньшую королевну в жены; а кто возьмется за такое дело, а дела не сделает, тому отрублена будет голова.

Много было охотников породниться с королем, да все головы свои под топор положи-

ли.

Узнал про то Вася, стал проситься у корабельщика:

— Позволь пойти к королю, — отогнать ворона с ворониhoю.

Сколько ни уговаривал его корабельщик, никак не мог удержать.

— Ну, ступай, — говорит, — да если что недоброе случится — на себя пеняй!

Пришел Вася во дворец, сказал королю и велел открыть то самое окно, возле которого воронье летало.

Послушал птичьего крику и говорит королю:

— Ваше величество, сами видите, что летают здесь трое: ворон, жена его ворониха и сын их вороненок; ворон с ворониhoю спорят, кому принадлежит сын — отцу или матери, и просят рассудить их. Ваше величество! Скажите, кому принадлежит сын?

Король говорит:

— Отцу!

Только изрек король это слово, ворон с вороненком полетели вправо, а ворониха — влево.

После того король взял мальчика к себе, и жил он при нем в большой милости и чести; вырос и стал молодец молодцом, женился на королевне и взял в приданое полцарства.

Вздумалось ему как-то поездить по разным местам, по чужим землям, людей посмотреть и себя показать; собрался и поехал странствовать.

В одном городе остановился он ночевать; переночевал, встал поутру и велит, чтоб подали ему умываться.

Хозяин принес ему воду, а хозяйка подала полотенце; разговорился с ними королевич и узнал, что то были отец его и мать, заплакал от радости и упал к их ногам родительским; а после взял с собою в город Хвалынск, и стали они все вместе жить-поживать да добра наживать.

Хитрая наука

Жили себе дед да баба, был у них сын. Старик-то был бедный; хотелось ему отдать сына в науку, чтоб смолоду был родителям своим на утеху, под старость на перемену, а по смерти на помин души, да что станешь делать, коли достатку нет! Водил он его, водил по городам — авось возьмет кто в ученье; нет, никто не взялся учить без денег.

Воротился старик домой, поплакал-поплакал с бабою, потужил-погоревал о своей бедности и опять повел сына в город. Только пришли они в город, попадается им навстречу человек и спрашивает деда:

— Что, старичок, пригорюнился?

— Как мне не пригорюниться! — сказал дед. — Вот водил-водил сына, никто не берет без денег в науку, а денег нетути!

— Ну так отдай его мне, — говорит встречный, — я его в три года выучу всем хитростям. А через три года, в этот самый день, в этот самый час, приходи за сыном; да смотри: коли не просрочишь — придешь вовремя да узнаешь своего сына — возьмешь его назад; а

коли нет, так оставаться ему у меня.

Дед так обрадовался и не спросил: кто такой встречный, где живет и чему учить станет малого? Отдал ему сына и пошел домой. Пришел домой в радости, рассказал обо всем бабе; а встречный-то был колдун.

Вот прошли три года, а старик совсем позабыл, в какой день отдал сына в науку, и не знает, как ему быть. А сын за день до срока прилетел к нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошел в избу добрым молодец, поклонился отцу и говорит: завтра-де сравняется как раз три года, надо за ним приходить; и рассказал, куда за ним приходить и как его узнавать.

— У хозяина моего не я один в науке; есть, — говорит, — еще одиннадцать работников, навсегда при нем остались — оттого, что родители не смогли их признать; и только ты меня не признаешь, так и я останусь при нем двенадцатым. Завтра, как придешь ты за мною, хозяин всех нас двенадцать выпустит белыми голубями — перо в перо, хвост в хвост и голова в голову ровны. Вот ты и смотри: все высоко станут летать, а я нет-нет да

возьму повыше всех. Хозяин спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажь на того голубя, что повыше всех.

После выведет он к тебе двенадцать жеребцов — все одной масти, гривы на одну сторону и собой ровны; как станешь проходить мимо тех жеребцов, хорошенько примечай: я нет-нет да правой ногою и топну. Хозяин опять спросит: узнал своего сына? Ты смело показывай на меня.

После того выведет к тебе двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо и одежей ровны. Как станешь проходить мимо тех молодцев, примечай-ка: на правую щеку ко мне нет-нет да и сядет малая мушка. Хозяин опять-таки спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажь на меня.

Рассказал все это, распростился с отцом и пошел из дому, хлопнулся о завалинку, сделался птичкою и улетел к хозяину.

Поутру дед встал, собрался и пошел за сыном. Приходит к колдуну.

— Ну, старик, — говорит колдун, — выучил твоего сына всем хитростям. Только, если не

признаешь его, оставаться ему при мне на веки вечные.

После того выпустил он двенадцать белых голубей — перо в перо, хвост в хвост, голова в голову ровны, и говорит:

— Узнавай, старик, своего сына!

Как узнавать-то, ишь все ровны!

Смотрел, смотрел, да как поднялся один голубь повыше всех, указал на того голубя:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка! — сказывает колдун.

В другой раз выпустил он двенадцать жеребцов — все, как один, и гривы на одну сторону.

Стал дед ходить вокруг жеребцов да приглядываться, а хозяин спрашивает:

— Ну что, дедушка! Узнал своего сына?

— Нет еще, погоди маленько.

Да как увидал, что один жеребец топнул правую ногою, сейчас показал на него:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка!

В третий раз вышли двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в

голос, все на одно лицо, словно одна мать родила.

Дед раз прошел мимо молодцев — ничего не заметил, в другой прошел — тож ничего, а как проходил в третий раз — увидал у одного молодца на правой щеке муху и говорит:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка!

Вот делать нечего, отдал колдун старику сына, и пошли они себе домой.

Шли, шли и видят: едет по дороге какой-то барин.

— Батюшка, — говорит сын, — я сейчас сделаюсь собачкою; барин станет покупать меня, ты меня-то продай, а ошейника не продавай; не то я к тебе назад не ворочусь!

Сказал так-то да в ту ж минуту ударился оземь и оборотился собачкою.

Барин увидал, что старик ведет собачку, зачал ее торговать: не так ему собачка показалась, как ошейник хорош. Барин дает за нее сто рублей, а дед просит триста; торговались, торговались, и купил барин собачку за двести рублей.

Только стал было дед снимать ошейник, —

куда! — барин и слышать про то не хочет, упирается.

— Я ошейника не продавал, — говорит дед, — я продал одну собачку.

А барин:

— Нет, врешь! Кто купил собачку, тот купил и ошейник.

Дед подумал-подумал (ведь и впрямь без ошейника нельзя купить собаку!) и отдал ее с ошейником.

Барин взял и посадил собачку к себе, а дед забрал деньги и пошел домой.

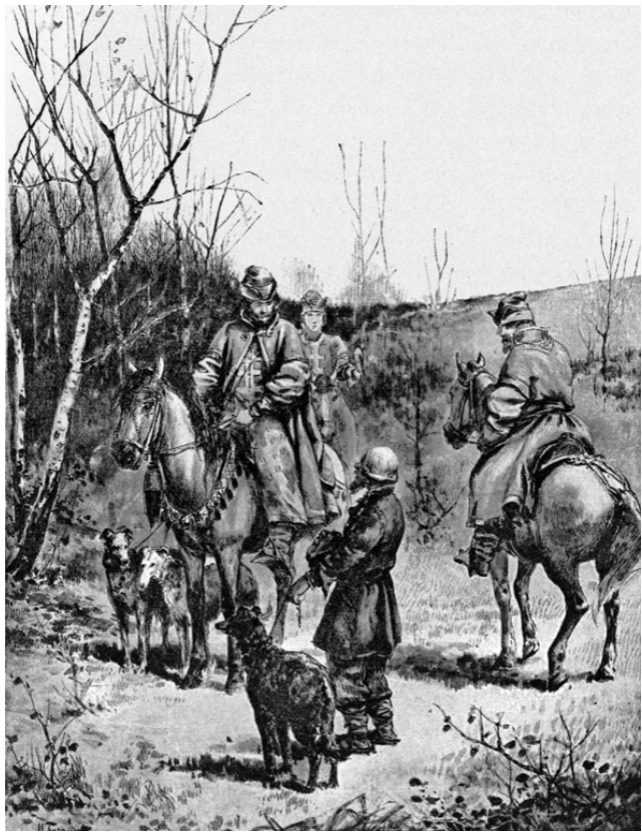
Вот барин едет себе да едет, вдруг — откуда ни возьмись — бежит навстречу заяц.

«Что, — думает барин, — али выпустить собачку за зайцем да посмотреть ее прыти?»

Только выпустил, смотрит: заяц бежит в одну сторону, собака в другую — и убежала в лес.

Ждал, ждал ее барин, не дождался и поехал ни при чем. А собачка оборотилась добрым молодцем.

Дед идет дорогою, идет широкою и думает: как домой глаза-то показать, как старухе сказать, куда сына девал? А сын уж нагнал его.

— Эх, батюшка! — говорит. — Зачем с ошейником продавал? Ну, не повстречай мы зайца, я б не воротился, так бы и пропал ни за что!

Воротились они домой и живут себе поменьку. Много ли, мало ли прошло времени, в одно воскресенье говорит сын отцу:

— Батюшка, я обернусь птичкою, понеси меня на базар и продай; только клетки не продавай, не то домой не ворочусь.

Ударился оземь, сделался птичкою, старик посадил ее в клетку и понес продавать.

Обступили старика люди, наперебой начали торговать птичку: так она всем показалась!

Пришел и колдун, тотчас признал деда и догадался, что у него за птица в клетке сидит. Тот дает дорого, другой дает дорого, а он дороже всех; продал ему старик птичку, а клетки не отдает; колдун туда-сюда, бился с ним, бился, ничего не берет!

Взял одну птичку, завернул в платок и понес домой.

— Ну, дочка, — говорит дома, — я купил нашего шельмеца!

— Где же он?

Колдун распахнул платок, а птички давно нет; улетела, сердешная!

Настал опять воскресный день. Говорит сын отцу:

— Батюшка! Я обернусь нынче лошадю; смотри же, лошадь продавай, а уздечки не можешь продавать; не то домой не ворочусь.

Хлопнулся о сырую землю и сделался лошадю; повел ее дед на базар продавать.

Обступили старика торговые люди, все барышники: тот дает дорого, другой дает дорого, а колдун дороже всех.

Дед продал ему сына, а уздечки не отдает.

— Да как же я поведу лошадь-то? — спрашивает колдун. — Дай хоть до двора довести, а там, пожалуй, бери свою узду: мне она не в корысть!

Тут все барышники на деда накинулись: так-де не водится! Провел лошадь — продал и узду. Что с ними поделаешь? Отдал дед уздечку.

Колдун привел коня на свой двор, поставил в конюшню, накрепко привязал к кольцу и высоко притянул ему голову: стоит конь на

одних задних ногах, передние до́ земли не хватают.

— Ну, дочка, — сказывает опять колдун, — вот когда купил, так купил нашего шельмеца.

— Где же он?

— На конюшне стоит.

Дочь побежала смотреть; жалко ей стало добра молодца, захотела подлинней отпустить повод, стала распутывать да развязывать, а конь тем временем вырвался и пошел версты отсчитывать.

Бросилась дочь к отцу.

— Батюшка, — говорит, — прости! Грех меня попутал, конь убежал!

Колдун хлопнулся о сырую землю, сделался серым волком и пустился в погоню: вот близко, вот нагонит! Конь прибежал к реке, ударился оземь, оборотился ершом и бултых в воду, а волк за ним щукою. Ерш бежал, бежал водою, добрался к плотам, где красные девицы белье моют, перекинулся золотым кольцом и подкатился купеческой дочери под ноги.

Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдун сделался по-прежнему че-

ЛОВЕКОМ.

— Отдай, — пристаёт к ней, — мое золотое кольцо.

— Бери! — говорит девица и бросила кольцо наземь.

Как ударилось оно, в ту ж минуту рассыпалось мелкими зернами. Колдун обернулся петухом и бросился клевать; пока клевал — одно зерно обернулось ястребом, и плохо пришлось петуху: задрал его ястреб!

Тем сказке конец, а мне водочки корец*.

ДИВО

Жил-был рыбак. Раз поехал он на озеро, закинул сеть и вытащил щуку; вылез на берег, развел огонек и начал эту щуку поджаривать: один бок поджарил, поворотил на другой. Вот и совсем готово — только бы съесть, а щука как прыгнет с огня, да прямо в озеро.

— Вот диво, — говорит рыбак, — жареная рыба опять в воду ушла...

— Нет, мужичок, — отзывается ему щука человеческим голосом, — это что за диво! Вот в такой-то деревне живет охотник, так с ним точно было диво; сходи к нему, он сам тебе скажет.

Рыбак пошел в деревню, разыскал охотника, поклонился ему:

— Здравствуй, добрый человек!

— Здравствуй, земляк! Зачем пришел?

— Да вот так и этак, расскажи: какое с тобой диво было?

— Слушай, земляк! Было у меня три сына, и ходил я с ними на охоту. Раз мы целый день охотились и убили три утки; ввечеру пришли в лес, развели огонь, ощипали уток и стали варить их к ужину; сварили и уселись было

за трапезу. Вдруг старик идет: «Хлеб-соль, молодцы!» — «Милости просим, старичок!»

Старик подсел, всех уток съел да на закуску старшего сына моего проглотил. Остался я с двумя сыновьями.

На другой день встали мы поутру и пошли на охоту; целый день исходили, трех уток убили, а ввечеру развели в лесу огонек и готовим ужин. Опять старик идет: «Хлеб-соль, молодцы!» — «Милости просим, старичок!»

Он сел, всех уток съел да средним сыном закусил. Остался я с одним сыном.

Вернулись домой, переспали ночь, а утром опять на охоту. Убили мы трех уток, развели огонек, живо сварили их и только было ужинать собрались, как тот же самый старик идет: «Хлеб-соль, молодцы!» — «Милости просим, старичок!» Он сел, всех уток съел да меньшим сыном закусил.

Остался я один как перст; переночевал ночь в лесу, на другой день стал охотиться и столько настрелял птицы, что едва домой дотащил. Прихожу в избу, а сыновья мои лежат на полатах — все трое живы и здоровы!

Рыбак выслушал и говорит:

— Вот это диво так диво!

— Нет, земляк, — отвечает охотник, — это что за диво! Вот в таком-то селе у такого-то мужика так подлинно диво сотворилось; пойдди к нему, сам узнаешь.

Рыбак пошел в село, разыскал этого мужика, поклонился ему:

— Здравствуй, дяденька!

— Здравствуй, земляк! Зачем пришел?

— Так и так, расскажи, какое с тобой диво приключилось?

— Слушай! — говорит. — С молодых лет моих жил я с женою, и что же? Завела она любовника. Мне-то самому и невдомек это, да люди сказали. Вот один раз собрался я в лес за дровами, запряг лошадь, выехал за околицу; постоял с полчаса времени, вернулся потихоньку и спрятался на дворе.

Как стемнело, слышу я, что моя хозяйка с своим другом в избе гуляет; побежал в избу и только было хотел проучить жену маленько, а она ухватила палку, ударила меня по спине и сказала: «Доселева был ты мужик, а теперь стань черным кобелем!»

В ту ж минуту обернулся я собакою; взяла

она ухват и давай меня возить по бокам: била, била и выгнала вон.

Выбежал я на улицу, сел на завалинку и думаю: авось жена опомнится да сделает меня по-старому человеком. Куда тебе! Сколько ни терся я около избы, не мог дожидаться от злой бабы милости. Бывало — откроет окно да горячим кипятком так и обдаст всего, да все норовит, как бы в глаза попасть! А кормить совсем не кормит, хоть с голоду околевай!

Нечего делать, побежал я в чистое поле; вижу — мужик стадо быков пасет. Пристал я к этому стаду, начал за быками ходить: который от стада отобьется — я сейчас пригоню; а волкам от меня просто житья не стало — ни одного не подпущу.

Увидал мужик мое старание, начал меня кормить и поить, и так он на меня положился, что не стал и за стадом ходить: заберется, бывало, в деревню и гуляет себе сколько хочется. Говорит ему как-то барин: «Послушай, пастух! Ты все гуляешь, а скот один в поле ходит; этак не годится! Пожалуй, вор придет, быков уведет». — «Нет, барин! Я на своего пса

крепко надеюсь; никого не подпустит». — «Рассказывай! Хочешь, я сейчас любого быка уведу?» — «Нет, не уведешь!»

Поспорили они, ударились об заклад о трех стах рублях и отдали деньги за руки.

Барин пошел в поле и только за быка — как я кинулся, всю одежду на нем в клочки изорвал, так-таки и не допустил его. Мой хозяин получил заклад и с той поры возлюбил меня пуще прежнего: иной раз сам не доест, а меня непременно накормит.

Прожил я у него целое лето и захотел домой побывать. «Посмотрю, — думаю себе, — не смилуется ли жена, не сделает ли опять человеком?» Прибежал к избе, начал в дверь царапаться; выходит жена с палкою, ударила меня по спине и говорит: «Ну, бегал ты черным кобелем, а теперь полети дятлом».

Обернулся я дятлом и полетел по лесам, по рощам. Пристигла холодная зима; есть крепко хочется, а корму нету и достать негде. Забрался я в один сад, вижу — стоит на дереве птичья принада*.

«Дай полечу в эту принаду; пусть меня ребяташки поймают, авось кормить станут, да в

избе и теплей зимовать будет!» Вскочил в западню, дверцы захлопнуло: взяли меня ребяташки, принесли к отцу:

— Посмотри, тятя, какого мы дятла поймали!

А ихний отец сам был знахарь; тотчас узнал, что я человек, не птица; вынул меня из клетки, посадил на ладонь, дунул на меня — и обернулся я по-прежнему мужиком. Дает он мне зеленый прутик и сказывает: «Дождись, брат, вечера и ступай домой, да как войдешь в избу — ударь свою жену этим прутиком и скажи: „Была ты, жена, бабою, а теперь будь козю!“» Взял я зеленый прутик, прихожу домой вечером, потихохоньку подкрался к своей хозяйке, ударил ее прутиком и говорю: «Была ты, жена, бабою, а теперь будь козю!» В ту ж минуту сделалась она козю; скрутил я ее за рога веревкою, привязал в сарае и стал кормить ржаною соломою.

Так целый год и держал ее на соломе; а потом пошел к знахарю: «Научи, земляк, как обернуть мою козу бабою».

Он дал мне другой прутик: «На, брат! Ударь ее этим прутиком и скажи: „Была ты

козою, а теперь стань бабою!“»

Я воротился домой, ударил мою козу прутиком: «Была ты, говорю, козою, а теперь стань бабою!» Обернулась коза бабою; тут хозяйка моя бросилась мне в ноги, стала плакать, просить прощения, заклалась-забожилась жить со мною по-божьему. С тех пор живем мы с ней благополучно в любви и согласии.

— Спасибо, — сказал рыбак, — это подлинно диво дивное!

Клад

В некоем царстве жил-был старик со старухой в великой бедности. Ни много, ни мало прошло времени — померла старуха. На дворе зима стояла лютая, морозная.

Пошел старик по суседям да по знакомым, просит, чтоб пособили ему вырыть для старухи могилу; только и суседи и знакомые, знаячи его великую бедность, все начисто отказали. Пошел старик к попу, а у них на селе был поп куды жадный, несовестливый.

— Потрудись, — говорит, — батюшка, старуху похоронить.

— А есть ли у тебя деньги, чем за похороны заплатить? Давай, свет, вперед!

— Перед тобой нечего греха таить: нет у меня в доме ни единой копейки! Обожди маленько, заработаю — с лихвой заплачу, право слово — заплачу!

Поп не захотел и речей стариковых слушать:

— Коли нет денег, не смей и ходить сюда!

«Что делать, — думает старик, — пойду на кладбище, вырою кое-как могилу и похороню»

сам старуху».

Вот он захватил топор да лопату и пошел на кладбище; пришел и зачал могилу готовить: срубил сверху мерзлую землю топором, а там и за лопату взялся, копал-копал и выкопал котелок, глянул — а он полнехонько червонцами насыпан, как жар блестят! Крепко старик возрадовался:

— Слава тебе Господи! Будет на что и похоронить и помянуть старуху.

Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и понес домой.

Ну, с деньгами знамое дело — все пошло как по маслу! Тотчас нашлись хорошие люди: и могилу вырыли, и гроб смастерили; старик послал невестку купить вина, и кушаньев, и закусок разных — всего, как должно быть на поминках, а сам взял червонец в руку и потащился опять к попу.

Только в двери, а поп на него:

— Сказано тебе толком, старый хрен, чтоб без денег не приходил, а ты опять лезешь!

— Не серчай, батюшка! — просит его старик. — Вот тебе золотой — похорони мою старуху, век не забуду твоей милости!

Поп взял деньги и не знает, как старика принять-то, где посадить, какими речами умилишь:

— Ну, старичок, будь в надёже, все будет сделано.

Старик поклонился и пошел домой, а поп с попадьёю стал про него разговаривать:

— Вишь, старый черт! Говорят: беден, беден! А он золотой отвалил. Много на своем веку схоронил я именитых* покойников, а столько ни от кого не получал...

Собрался поп со всем причетом и похоронил старуху как следует.

После похорон просит его старик к себе помянуть покойницу. Вот пришли в избу, сели за стол, и откуда что явилось — и вино-то, и кушанья, и закуски разные, всего вдоволь! Гость сидит, за троих обжирается, на чужое добро зазирается.

Отобедали гости и стали по своим домам расходиться, вот и поп поднялся. Пошел старик его провожать, и только вышли на двор — поп видит, что со стороны никого больше нету, и начал старика допрашивать:

— Послушай, свет! Покайся мне, не остав-

ляй на душе ни единого греха — все равно как перед Богом, так и передо мною: отчего так скоро сумел ты поправиться? 1 Был ты мужик скудный, а теперь на поди, откуда что взялось! Покайся-ка, свет! Чью загубил ты душу, кого обобрал?

— Что ты, батюшка! Истинною правдою признаюсь тебе: я не крал, не грабил, не убивал никого; клад сам в руки дался!

И рассказал, как все дело было.

Как услышал эти речи поп, ажно затрясся от жадности; воротился домой, ничего не делает — и день и ночь думает: «Такой ледащий* мужичишка, и получил этакую силу денег. Как бы теперь ухитриться да отжилить у него котелок с золотом?»

Сказал про то попадье; стали вдвоем совет держать и присоветовали.

— Слушай, матка! Ведь у нас козел есть?

— Есть.

— Ну, ладно! Дождемся ночи и обработаем дело, как надо.

Вечером поздно притащил поп в избу козла, зарезал и содрал с него шкуру — со всем, и с рогами и с бородой; тотчас натянул козли-

ную шкуру на себя и говорит попадье:

— Бери, матка, иглу с ниткою; закрепи кругом шкуру, чтоб не свалилась.

Попадья взяла толстую иглу да суровую нитку и обшила его козлиною шкурою.

Вот в самую глухую полночь пошел поп прямо к стариковой избе, подошел под окно и ну стучать да царапаться. Старик услышал шум, вскочил и спрашивает:

— Кто там?

— Черт!..

— Наше место свято! — завопил мужик и начал крест творить да молитвы читать.

— Слушай, старик! — говорит поп. — От меня хоть молись, хоть крестись, не избавишься; отдай-ка лучше мой котелок с деньгами; не то я с тобой разделаюсь! Ишь, я над твоим горем сжалился, клад тебе показал — думал: немного возьмешь на похороны, а ты все целиком и заgrabил!

Глянул старик в окно — торчат козлиные рога с бороною: как есть нечистый! «Ну его совсем и с деньгами-то! — думает старик. — Наперед того без денег жил, и опосля без них проживу!»

Достал котелок с золотом, вынес на улицу, бросил наземь, а сам в избу поскорее. Поп подхватил котел с деньгами и припустил домой.

Воротился.

— Ну, — говорит, — деньги в наших руках! На, матка, спрячь подальше да бери острый нож, режь нитки да снимай с меня козлиную шкуру, пока никто не видал.

Попадья взяла нож, стала было по шву нитки резать — как полетится кровь, как заорет он:

— Матка! Больно, не режь! Матка! Больно, не режь!

Начнет она пороть в ином месте — то же самое! Кругом к телу приросла козлиная шкура.

Уж чего они ни делали, чего ни пробовали, и деньги старику назад отнесли — нет, ничего не помогло; так и осталась на попе козлиная шкура. Знамо, Господь покарал за великую жадность!

Скорый гонец

В некотором царстве, в некотором государстве были болота непроходимые, кругом их шла дорога окольная: скоро ехать тою до-

рогою — три года понадобится, а тихо ехать — и пяти мало! Возле самой дороги жил убогий старик; у него было три сына: первого звали Иван, второго — Василий, а третьего — Семен малый юныш*.

Вздумал убогий расчистить эти болота, проложить тут дорогу прямохожую-прямоезжую и наместить мосты калиновые, чтобы пешему можно было пройти в три недели, а конному в трое суток проехать. Принялся за работу вместе с своими детьми, и не по малом времени все было исправлено: намощены мосты калиновые и расчищена дорога прямохожая-прямоезжая.

Воротился убогий в свою избушку и говорит старшему сыну Ивану:

— Поди-ка ты, мой любезный сын, сядь под мостом и послушай, что про нас будут добрые люди говорить — добро или худо?

По родительскому приказанию пошел Иван и сел в скрытном месте под мостом.

Идут по тому мосту калиновому два старца и говорят промеж себя:

— Кто этот мост мостил да дорогу расчищал — чего бы он у Господа ни попросил, то

бы ему Господь и даровал!

Иван, как скоро услышал эти слова, тотчас вышел из-под моста калинового.

— Этот мост, — говорит, — мостил я с отцом да с братьями.

— Чего ж ты просишь у Господа? — спрашивают старцы.

— Вот кабы Господь дал мне денег на век!

— Хорошо, ступай в чистое поле: в чистом поле есть сырой дуб, под тем дубом глубокий погреб, в том погребе множество и злата, и серебра, и камня драгоценного. Возьми лопату и рой — даст тебе Господь денег на целый век!

Иван пошел в чистое поле, вырыл под дубом много и злата, и серебра, и камня драгоценного и понес домой.

— Ну, сынок, — спрашивает убогий, — видел ли кого, что бы шел али ехал по мосту, и что про нас люди говорят?

Иван рассказал отцу, что видел двух старцев и чем они его наградили на целый век.

На другой день посылает убогий среднего сына Василия. Пошел Василий, сел под мостом калиновым и слушает. Идут по мосту

два старца, поравнялись супротив того места, где он спрятался, и говорят:

— Кто этот мост мостил — чего бы у Господа ни попросил, то бы ему Господь и дал!

Как скоро услышал Василий эти слова, вышел к старцам и сказал:

— Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями.

— Чего же ты у Бога просишь?

— Вот кабы Господь дал мне хлеба на век!

— Хорошо, поди домой, выруби новину* и посеи: даст тебе Господь хлеба на целый век!

Василий пришел домой, рассказал про все отцу, вырубил новину и засеял хлебом. На третий день посылает убогий меньшего сына. Семен малый юны ш сел под мостом и слушает. Идут по мосту два старца; только поравнялись с ним и говорят:

— Кто этот мост мостил — чего бы у Господа ни попросил, то бы ему Господь и дал!

Семен малый юныш услышал эти слова, выступил к старцам и сказал:

— Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями.

— Чего же ты у Бога просишь?

— А прошу у Бога милости: послужить великому государю в солдатах.

— Проси другого! Солдатская служба тяжелая; пойдешь в солдаты, к морскому царю в полон* попадешь, и много будет твоих слез пролито!

— Эх, люди вы старые, сами вы ведаете: кто на сем свете не плачет, тот будет плакать в будущем веке.

— Ну, коли уж ты похотел идти в царскую службу — мы тебя благословляем! — сказали старцы Семену, наложили на него свои руки

и обратили в оленя быстрогого.

Олень побежал к своему дому; усмотрели его из окошечка отец и братья, выскочили из избушки и хотели поймать. Олень повернул — и назад; прибежал к двум старцам, старцы обратили его в зайца. Заяц пустился к своему дому; усмотрели его отец и братья, выскочили из избушки и хотели было изловить, да он назад повернул. Прибежал заяц к двум старцам, старцы обратили его в маленькую птичку золотая головка.

Птичка прилетела к своему дому, села у открытого окошечка; усмотрели ее отец и братья, бросились ловить — птичка вспорхнула, и назад. Прилетела к двум старцам, старцы сделали ее по-прежнему человеком и говорят:

— Теперь, Семен малый юныш, иди на царскую службу. Если тебе понадобится сбегать куда наскоро, можешь ты обращаться оленем, зайцем и птичкою золотая головка: мы тебя научили.

Семен малый юныш пришел домой и стал у отца проситься на царскую службу.

— Куда тебе идти, — отвечал убогий, — ты еще мал и глуп!

— Нет, батюшка, отпусти; на то Божья воля есть.

Убогий отпустил, Семен малый юньш срядился, с отцом, с братьями простился и пошел в дорогу.

Долго ли, коротко ли — пришел он на царский двор, прямо к царю, и сказал:

— Ваше царское величество! Не велите казнить, велите слово вымолвить.

— Говори, Семен малый юньш!

— Ваше величество! Возьмите меня в военную службу.

— Что ты! Ведь ты мал и глуп; куда тебе идти в службу?

— Хотя я мал и глуп, а служить буду не хуже других; в том уповаю на Бога.

Царь согласился, взял его в солдаты и велел быть при своем лице.

Прошло несколько времени, вдруг объявил царю некоторый король жестокою войну. Царь начал в поход сряжаться; в урочное* время собралось все войско в готовности. Семен малый юныш стал на войну проситься; царь не мог ему отказать, взял его с собою и выступил в поход.

Долго-долго шел царь с воинством, много-много земель за собой оставил, вот уж и неприятель близко — дня через три надо и бой зачинать. В те поры хватился царь своей боевой палицы и своего меча острого — нет ни той, ни другого, во дворце позабыл; нечем ему себе оборону дать, неприятельские силы побивать. Сделал он клич по всему войску: не возьмется ли кто сходить во дворец наскоро да принести ему боевую палицу и острый меч; кто сослужит эту службу, за того обещал отдать в супружество дочь свою Марью-ца-

ревну, в приданое пожаловать половину царства, а по смерти своей оставить тому и все царство.

Начали выискиваться охотники; кто говорит: я могу в три года сходить; кто говорит: в два года, а кто — в один год; а Семен малый юныш доложил государю:

— Я, ваше величество, могу сходить во дворец и принести боевую палицу и острый меч в три дня.

Царь обрадовался, взял его за руку, поцеловал в уста и тотчас же написал к Марье-царевне грамотку, чтоб она гонцу тому поверила и выдала ему меч и палицу. Семен малый юныш принял от царя грамотку и пошел в путь-дорогу.

Отойдя с версту, обернулся он в оленя быстрого и пустился словно стрела, из лука пущенная; бежал-бежал, устал и обернулся из оленя в зайца; припустил во всю заячью прыть. Бежал-бежал, все ноги прибил и обратился из зайца в маленькую птичку золотая головка; еще быстрее полетел, летел-летел и в полтора дня поспел в то царство, где Марья-царевна находилась. Обернулся челове-

ком, вошел во дворец и подал царевне грамотку. Марья-царевна приняла ее, распечатала, прочитала и говорит:

— Как же это сумел ты столько земель и так скоро пробежать?

— А вот как, — отвечал гонец — обратился в оленя быстрогоного, пробежал раз-другой по царевниной палате, подошел к Марье-царевне и положил к ней на колени свою голову; она взяла ножницы и вырезала у оленя с головы клочок шерсти.

Олень обратился в зайца, заяц попрыгал немного по комнате и вскочил к царевне на колени; она вырезала у него клочок шерсти. Заяц обратился в маленькую птичку с золотой головкою, птичка полетала немного по комнате и села к царевне на руку; Марья-царевна срезала у ней с головы золотых перышков, и все это — и оленью шерсть, и заячью шерсть, и золотые перышки — завязала в платок и спрятала к себе. Птичка золотая головка обратилась в гонца. Царевна накормила его, напоила, в путь снарядила, отдала ему боевую палицу и острый меч; после они простились, на прощанье крепко поцеловались, и пошел Се-

мен малый юныш обратно к царю.

Опять побегал он оленем быстроногим, поскакал косым зайцем, полетел маленькой птичкой и к концу третьего дня усмотрел царский лагерь вблизи. Не доходя до войска шагов с триста, лег он на морском берегу, под-

ле ракитова куста, отдохнуть с дороги; палицу боевую и острый меч около себя положил. От великой усталости он скоро и крепко уснул. В это время случилось одному генералу проходить мимо ракитова куста, увидел он гонца, тотчас столкнул его в море, взял боевую палицу и острый меч, принес к государю и сказал:

— Ваше величество! Вот вам боевая палица и острый меч, я сам за ними ходил; а тот пустохвал, Семен малый юныш, верно года три проходит!

Царь поблагодарил генерала, начал воевать с неприятелем и в короткое время одержал над ним славную победу.

А Семен малый юныш, как сказано, упал в море. В ту ж минуту подхватил его морской царь и унес в самую глубину. Жил он у того царя целый год, стало ему скучно, запечалился он и горько заплакал. Пришел к нему морской царь:

— Что, Семен малый юныш, скучно тебе здесь?

— Скучно, ваше величество!

— Хошь на русский свет?

— Хочу, если ваша царская милость будет.

Морской царь вынес его в самую полночь, оставил на берегу, а сам ушел в море. Семен малый юныш начал Богу молиться:

— Дай, Господи, солнышка!

Перед самым восходом красного солнца явился морской царь, ухватил его опять и унес в морскую глубину.

Прожил там Семен малый юныш еще целый год; сделалось ему скучно, и он горько-горько заплакал. Спрашивает морской царь:

— Что, али тебе скучно?

— Скучно! — молвил Семен малый юныш.

— Хошь на русский свет?

— Хочу, ваше величество!

Морской царь вынес его в полночь на́ берег, сам ушел в море. Начал Семен малый юныш со слезами Богу молиться:

— Дай, Господи, солнышка!

Только чуть-чуть рассветать стало, пришел морской царь, ухватил его и унес в морскую глубину. Прожил Семен малый юныш третий год в море, стало ему скучно, и он горько, неутешно заплакал.

— Что, Семен, скучно тебе?.. — спрашивает морской царь. — Хошь на русский свет?

— Хочу, ваше величество!

Морской царь вынес его на́ берег, сам ушел

в море. Семен малый юныш начал со слезами Богу молиться:

— Дай, Господи, солнышка!

Вдруг солнце осияло своими лучами, и уж морской царь не смог больше взять его в плен.

Семен малый юныш отправился в свое государство; оборотился сперва оленем, потом зайцем, а потом маленькой птичкой золотая головка; в короткое время очутился у царского дворца.

А покуда все это сделалось, царь успел с войны воротиться и засватал свою дочь Марью-царевну за генерала-обманщика. Семен малый юныш входит в ту самую палату, где за столом сидели жених да невеста. Увидала его Марья-царевна и говорит царю:

— Государь-батюшка! Не вели казнить, позволь речь говорить.

— Говори, дочь моя милая! Что тебе надобно?

— Государь-батюшка! Не тот мой жених, что за столом сидит, а вот он — сейчас пришел! Покажи-ка, Семен малый юныш, как в те поры ты наскоро сбегал за боевой палицей,

за острым мечом.

Семен малый юныш оборотился в оленя быстроногого, пробежал раз-другой по комнате и остановился возле царевны. Марья-царевна вынула из платочка срезанную оленью шерсть, показывает царю, в каком месте она ее срезала, и говорит:

— Посмотри, батюшка! Вот мои приметочки.

Олень оборотился в зайца; зайчик попрыгал-попрыгал по комнате и прискочил к царевне; Марья-царевна вынула из платочка заячью шерсть.

Зайчик оборотился в маленькую птичку с золотой головкою; птичка полетала-полетала по комнате и села к царевне на колени; Марья-царевна развязала третий узелок в платке и показала золотые перышки.

Тут царь узнал всю правду истинную, приказал генерала казнить, Марью-царевну выдал за Семена малого юнышу и сделал его своим наследником.

Сестрица Аленушка, братец Иванушка

Жили-были себе царь и царица; у них были сын и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Аленушкой. Вот царь с царицею померли; остались дети одни и пошли странствовать по белу свету.

Шли, шли, шли... идут и видят пруд, а около пруда пасется стадо коров.

— Я хочу пить, — говорит Иванушка.

— Не пей, братец, а то будешь теленочком, — говорит Аленушка.

Он послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят реку, а около ходит табун лошадей.

— Ах, сестрица, если б ты знала, как мне пить хочется.

— Не пей, братец, а то сделаешься жеребеночком.

Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят озеро, а около него гуляет стадо овец.

— Ах, сестрица, мне страшно пить хочется.

— Не пей, братец, а то будешь баранчиком.

Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят ручей, а возле стерегут свиней.

— Ах, сестрица, я напьюся; мне ужасно пить хочется.

— Не пей, братец, а то будешь поросеночком.

Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят: пасется у воды стадо коз.

— Ах, сестрица, я напьюся.

— Не пей, братец, а то будешь козленочком.

Он не вытерпел и не послушался сестры, напился и стал козленочком, прыгает перед Аленушкой и кричит:

— Ме-ке-ке! Ме-ке-ке!

Аленушка обвязала его шелковым поясом и повела с собою, а сама-то плачет, горько плачет...

Козленочек бегал-бегал и забежал раз в сад к одному царю. Люди увидали и тотчас доказывают царю:

— У нас, ваше царское величество, в саду

козленочек, и держит его на поясе девица, да такая из себя красавица.

Царь приказал спросить, кто она такая. Вот люди и спрашивают ее: откуда она и чьего роду-племени?

— Так и так, — говорит Аленушка, — был царь и царица, да померли; остались мы, дети: я — царевна, да вот братец мой, царевич; он не утерпел, напился водицы и стал козленочком.

Люди доложили все это царю. Царь позвал Аленушку, расспросил обо всем; она ему приглянулась, и царь захотел на ней жениться. Скоро сделали свадьбу и стали жить себе, и козленочек с ними — гуляет себе по саду, и пьет и ест вместе с царем и царицею.

Вот поехал царь на охоту. Тем временем пришла колдунья и навела на царицу порчу: сделалась Аленушка больная, да такая худая да бледная. На царском дворе все приуныло; цветы в саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть.

Царь воротился и спрашивает царицу:

— Али ты чем нездорова?

— Да, хвораю, — говорит царица. На дру-

гой день царь опять поехал на охоту. Аленушка лежит больная; приходит к ней колдунья и говорит:

— Хочешь, я тебя вылечу? Выходи к такому-то морю столько-то зорь и пей там воду.

Царица послушалась и в сумерках пошла к морю, а колдунья уж дожидается, схватила ее, навязала ей на шею камень и бросила в море.

Аленушка пошла на дно; козленочек прибежал и горькогорько заплакал. А колдунья оборотилась царицею и пошла во дворец.

Царь приехал и обрадовался, что царица опять стала здорова. Собрали на стол и сели обедать.

— А где же козленочек? — спрашивает царь.

— Не надо его, — говорит колдунья, — я не велела пускать; от него так и несет козлятиной!

На другой день, только царь уехал на охоту, колдунья козленочка била-била, колотила-колотила и грозит ему:

— Вот воротится царь, я попрошу тебя зарезать.

Приехал царь; колдунья так и пристаёт к нему:

— Прикажи да прикажи зарезать козленочка; он мне надоел, опротивел совсем!

Царю жалко было козленочка, да делать нечего — она так пристаёт, так упрашивает, что царь наконец согласился и позволил его зарезать.

Видит козленочек: уж начали точить на

него ножи булатные, заплакал он, побежал к царю и просится:

— Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать.

Царь пустил его. Вот козленочек прибежал к морю, стал на берегу и жалобно закричал:

*Аленушка, сестрица моя!
Выплывь, выплывь на бережок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!*

Она ему отвечает:

*Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!*

Козленочек заплакал и воротился назад. Посеред дня опять просится у царя:

— Царь! Пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать.

Царь пустил его. Вот козленочек прибежал к морю и жалобно закричал:

*Аленушка, сестрица моя!
Выплывь, выплывь на бережок.*

*Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!*

Она ему отвечает:

*Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!*

Козленочек заплакал и воротился домой.

Царь и думает: что бы это значило, козленочек все бегаёт на́ море?

Вот попросился козленочек в третий раз:

— Царь! Пусти меня на́ море сходить, водички испить, кишочки всполоскать.

Царь отпустил его и сам пошел за ним следом; приходит к морю и слышит — козленочек вызывает сестрицу:

*Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!*

Она ему отвечает:

*Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!*

Козленочек опять зачал вызывать сестрицу. Аленушка всплыла кверху и показалась над водой. Царь ухватил ее, сорвал с шеи камень и вытащил Аленушку на берег, да и спрашивает: как это сталося?

Она ему все рассказала. Царь обрадовался, козленочек тоже — так и прыгает, в саду все зазеленело и зацвело.

А колдунью приказал царь казнить: разло-

жили на дворе костер* дров и сожгли ее.

После того царь с царицей и с козленочком стали жить да поживать да добра наживать и по-прежнему вместе и пили и ели.

Царевна сера утица

Жил царь с царицею, у них были дети: сын да дочь; сына звали Дмитрий-царевич, а дочь — Марья-царевна. Были приставлены к царевне и няньки и мамки, ни одна не могла ее укачать-убаюкать. Только брат и умел это сделать: бывало, придет к ее кроватке и начнет припевать:

— Баю-баюшки, сестрица! Баю-баюшки,

родная! Вырастешь большая, отдам тебя замуж за Ивана-царевича.

Она закрывает глазки и заснет.

Прошло несколько лет, собрался Дмитрий-царевич и поехал в гости к Ивану-царевичу; прогостил там три месяца — много играли, много гуляли; стал уезжать и зовет к себе Ивана-царевича.

— Хорошо, — говорит, — приеду!

Воротился домой, взял портрет своей сестры и повесил над своею постелью, и так хороша была царевна, что все бы смотрел на ее портрет: глаз оторвать невозможно!

Нежданно-негаданно приезжает Иван-царевич к Дмитрию-царевичу, входит в его комнату, а он спит себе крепким сном. Увидел Иван-царевич портрет Марьи-царевны — и в ту ж минуту влюбился в нее, выхватил свой меч и занес на ее брата. Бог не попустил греха, словно что толкнуло Дмитрия-царевича — миг проснулся и спрашивает:

— Что ты делать хочешь?

— Хочу тебя убить!

— За что, Иван-царевич?

— Ведь это портрет твоей невесты?

— Нет, моей сестры Марьи-царевны.

— Ах, что же ты мне об ней не сказывал! Я теперь жить без нее не могу.

— Ну что ж! Женись на сестре, будем братьями.

Иван-царевич бросился обнимать Дмитрия-царевича. Тут они и поладили, по рукам ударили.

Иван-царевич домой уехал — к свадьбе готовиться, а Дмитрий-царевич стал собираться с своею сестрицею в путь-дорогу, к жениху в гости. Снарядили два корабля: в одном брат плывет, в другом сестра плывет, а при ней нянька с дочкою.

Вот как выехали корабли посеред моря синего, нянька и говорит Марье-царевне:

— Скинь с себя драгоценное платье да ложись на перину — тебе спокойней будет!

Царевна скинула платье, и только легла на перину — нянька ударила ее слегка по белому телу, и сделалась Марья-царевна серой утицею, взвилась-полетела с корабля на синем море. А нянька нарядила свою дочь в царевнино платье, сидят обе да величаются.

Приехали в землю Ивана-царевича; он тот-

час выбежал навстречу и портрет Марьи-царевны с собой захватил; смотрит, а невеста далеко на тот портрет не похожа! Разгневался на Дмитрия-царевича, велел посадить его в темницу, в день давать ему по куску черствого хлеба да по стакану воды; кругом были часовые приставлены, и наказано им настрого никого не пускать к заключеннику.

Приходит время к полуночи, стала сера утица с моря подыматься, полетела к родимому братцу — все царство собой осияла: крыльями машет, а с них словно жар сыпется! Подлетела к темнице да прямо в окошечко, крылышки на гвоздик повесила, а сама к брату пошла:

— Родимый мой братец, Дмитрий-царевич! Тебе тошно в темнице сидеть, по стакану воды пить, по куску хлеба есть; а мне, братец, тошнее того по синю морю плавать! Сгубила нас злая нянюшка, скинула с меня драгоценное платье — нарядила в него свою дочку.

Братец с сестрицею поплакали, погоревали вместе; ранним утром улетела сера утица на сине море.

Докладывают Ивану-царевичу:

— Так и так, прилетала к заключеннику сера утица — все царство собой осияла!

Приказал он, чтоб сейчас дали ему знать, как скоро та утица опять прилетит.

Вот подходит время к полуночи; вдруг море заколыхалось, поднялась с него сера утица, полетела — все царство собой осветила, крыльшками машет, а с них словно жар сыпется. Прилетела к темнице, крыльшки свои на окне оставила, а сама к брату пошла.

Тотчас же разбудили Ивана-царевича; он побежал к темнице, смотрит: на окне лежат крыльшки, взял и велел их на огне спалить, а сам приложил ухо да слушает — про что говорят братец с сестрицею.

— Родимый мой братец! — говорит Марья-царевна. — Тебе тошно в темнице сидеть, по стакану воды пить, по куску хлеба есть; а мне тошнее того по синю морю плавать! Сгубила нас злая нянюшка, скинула с меня драгоценное платье — нарядила в него свою дочку... Ах, братец, что-то гарью пахнет!

— Нет, сестрица! Я ничего не слышу.

Иван-царевич отворил темницу, входит туда — Марья-царевна в ту ж минуту броси-

лась к окошечку, видит: крылышки ее до по-
ловины обожжены; тут ухватил ее Иван-царе-

вич за белые руки, а она стала оборачиваться разными гадами. Иван-царевич не пугается, из рук ее не пушает...

Вот, наконец, она веретеном обратилась; царевич переломил веретено надвое, один конец бросил вперед, а другой назад и говорит:

— Стань передо мной красна девица, а за мной белая береза!

Стала позади его белая береза, а перед ним явилась Марья-царевна во всей своей красоте.

Иван-царевич выпросил себе прощение у Дмитрия-царевича, и все трое во дворец пошли; а на другой день была свадьба: Иван-царевич женился на Марье-царевне; гости долго пировали, веселились, прохлаждались.

А няньку с дочкою отослали в такое место, чтоб об них ни слуху ни духу не было!

Белая уточка

Один князь женился на прекрасной княж-
не, и не успел еще на нее наглядеться, не
успел с нею наговориться, не успел ее наслу-
шаться, а уж надо было им расставаться, надо
было ему ехать в дальний путь, покидать же-

ну на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть.

Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал* не покидать высокая терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться*, худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить.

Князь уехал; она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось — такая простая, сердечная!

— Что, — говорит, — ты скучаешь? Хоть бы на Божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила*.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: «По саду походить не беда», — и пошла.

В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

— Что, — говорит женщина, — день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная — так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

— Нет, нет, не хочу! — а там подумала: «Ведь искупаться не беда!»

Скинула сарафанчик и прыгнула в воду.

Только окунулась, женщинка ударила ее по спине:

— Плыви ты, — говорит, — белою уточкой!
И поплыла княгиня белою уточкой.

Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя.

Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек, двух хороших, а третьего заморышка, и деточки ее вышли — ребяточки.

Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

— Ох, не ходите туда, дети! — говорила мать.

Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше, и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела; вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули, — а заморышка, чтоб не застудить, приказала (им) мать в пазушке носить — заморышек-то и не спит, все слышит, все видит.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

— Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые*, котлы высят* кипучие, ножи точат булатные!

— Не спят!

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь:

— Спите, детки, или нет?

Заморышек опять говорит то же:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

«Что же это все один голос?» — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мертвой рукою* — и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток; детки нейдут. Зачуяло ее сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор.

На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки*, лежали братцы рядышком.

Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

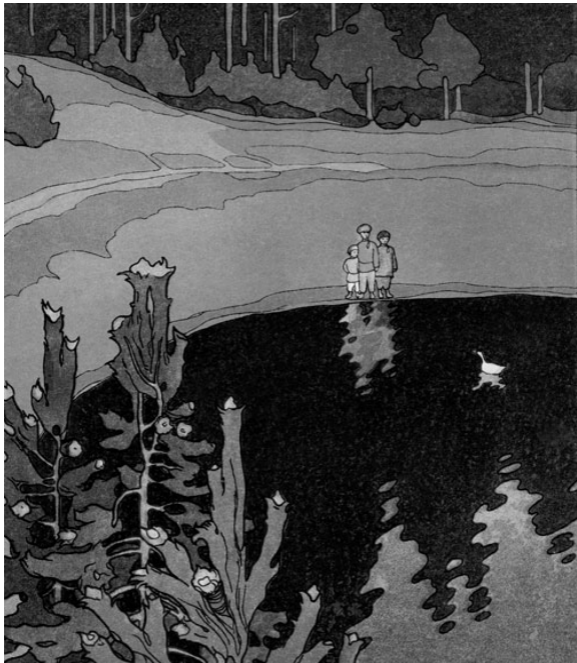
*Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпаивала,
Темную ночь недосыпала,
Сладок кус не доедала!*

— Жена, слышишь небывалое? Утка приготавливает.

— Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!

Ее прогонят, она облетит да опять к деткам:

*Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,*

*Змея лютая, подколотная;
Отняла у вас отца рѳдного,
Отца рѳдного — моего мужа,
Потопила нас в быстрой речень-
ке,*

*Обратила нас в белых уток,
А сама живет — величается!*

«Эге!» — подумал князь и закричал:

— Поймайте мне белую уточку! Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; выбежал князь сам, она к нему на руки пала.

Взял он ее за крылышко и говорит:

— Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!

Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой — говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили.

И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога — там стала кочерга, где рука — там грабли, где голова — там куст да колода; налетели птицы — мясо поклевали, поднялись ветры — кости разметали, и не осталось от ней ни следа,

ни памяти!

Арысь-поле

У старика была дочь красавица, жил он с нею тихо и мирно, пока не женился на другой бабе, а та баба была злая ведьма. Не возлюбила она падчерицу, пристала к стари-

ку:

— Прогони ее из дому, чтоб я ее и в глаза не видала.

Старик взял да и выдал свою дочку замуж за хорошего человека; живет она с мужем да радуется и родила ему мальчика.

А ведьма еще пуще злится, зависть ей покоя не дает; улучила она время, обратила свою падчерицу зверем Арысь-поле и выгнала в дремучий лес, а в падчерицыно платье нарядила свою родную дочь и подставила ее вместо настоящей жены.

Так все хитро сделала, что ни муж, ни люди — никто обмана не видит. Только старая мамка одна и смекнула, а сказать боится. С того самого дня, как только ребенок проголодается, мамка понесет его к лесу и запоет:

*Арысь-поле! Дитя кричит,
Дитя кричит, пить-есть хочет.*

Арысь-поле прибежит, сбросит свою шкурку под колоду, возьмет мальчика, накормит; после наденет опять шкурку и уйдет в лес.

«Куда это мамка с ребенком ходит?» — думает отец. Стал за нею присматривать; уви-

дал, как Арысь-поле прибежала, сбросила с себя шкурку и стала кормить малютку.

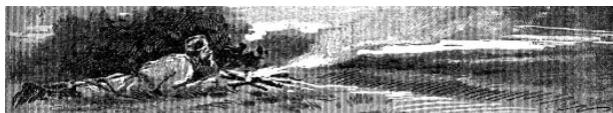
Он подкрался из-за кустов, схватил шкурку и спалил ее.

— Ах, что-то дымом пахнет; никак моя шкурка горит! — говорит Арысь-поле.

— Нет, — отвечает мамка, — это, верно, дровосеки лес подожгли.

Шкурка сторела, Арысь-поле приняла прежний вид и рассказала все своему мужу.

Тотчас собрались люди, схватили ведьму и сожгли ее вместе с ее дочерью.

Царевна-лягушка

В старые годы, в старо-прежни, у одного царя было три сына — все они на возрасте. Царь и говорит:

— Дети! Сделайте себе по самострелу и стреляйте: кака женщина принесет стрелу, та и невеста; ежели никто не принесет, тому, значит, не жениться.

Большой сын стрелил, принесла стрелу княжеска дочь; средний стрелил, стрелу принесла генеральска дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрелу из болота лягуша в зубах. Те братья были веселы и радостны, а

Иван-царевич призадумался, заплакал:

— Как я стану жить с лягушей? Век жить —
не реку перебрести или не поле перейти!

Поплакал-поплакал, да нечего делать — взял в жены лягушу. Их всех обвенчали по ихнему там обряду; лягушу держали на блюде.

Вот живут они. Царь захотел одиножды посмотреть от невесток дары, котора из них лучше мастерица. Отдал приказ. Иван-царевич опять призадумался, плачет:

— Чего у меня сделает лягуша! Все станут смеяться.

Лягуша ползат по полу, только квакат.

Как уснул Иван-царевич, она вышла на улицу, сбросила кожух*, сделалась красной девицей и крикнула:

— Няньки-маньки*! Сделайте то-то!

Няньки-маньки тотчас принесли рубашку самой лучшей работы. Она взяла ее, свернула и положила возле Ивана-царевича, а сама обернулась опять лягушей, будто ни в чем не бывала! Иван-царевич проснулся, обрадовался, взял рубашку и понес к царю. Царь принял ее, посмотрел:

— Ну, вот это рубашка — во Христов день* надевать!

Середний брат принес рубашку; царь сказал:

— Только в баню в ней ходить!

А у большого брата взял рубашку и сказал:

— В черной* избе ее носить!

Разошлись царски дети; двое-то и судят между собой:

— Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича, она не лягуша, а кака-нибудь хитра*!

Царь дает опять приказанье, чтоб снохи состряпали хлеба и принесли ему напоказ, котора лучше стряпат? Те невестки сперва смеялись над лягушей, а теперь, как пришло время, они и послали горнишну подсматривать, как она станет стряпать.

Лягуша смекнула это, взяла, замесила квашню, скатала, печь сверху выдолбила да прямо туда квашню и опрокинула. Горнишна увидела, побежала, сказала своим барыням, царским невесткам, и те так же сделали.

А лягуша хитрая только их провела, тотчас тесто из печи выгребла, все очистила, замазала, будто ни в чем не бывала, а сама вышла на крыльцо, вывернулась из кожуха и крикнула:

— Няньки-маньки! Состряпайте сейчас же

мне хлебов таких, каки мой батюшка по воскресеньям да по праздникам только ел.

Няньки-маньки тотчас притазили хлеба. Она взяла его, положила возле Ивана-царевича, а сама сделалась лягушей.

Иван-царевич проснулся, взял хлеб и понес к отцу. Отец в то время принимал хлебы от больших братовей; их жены как попускали в печь хлебы так же, как лягуша, — у них и вышло кули-мули.

Царь наперво принял хлеб от большого сына, посмотрел и отослал на кухню; от среднего принял, туда же послал. Дошла очередь до Ивана-царевича; он подал свой хлеб. Отец принял, посмотрел и говорит:

— Вот это хлеб — во Христов день есть! Не такой, как у больших снох, с закалой*!

После того вздумалось царю сделать бал, посмотреть своих сношек, котора лучше пляшет? Собрались все гости и снохи, кроме Ивана-царевича; он задумался: «Куда я с лягушей поеду?» И заплакал навзрыд наш Иван-царевич.

Лягуша и говорит ему:

— Не плачь, Иван-царевич! Ступай на бал. Я через час буду.

Иван-царевич немного обрадовался, как услышал, что лягуша бает*; уехал, а лягуша пошла, сбросила с себя кожух, оделась чудо как!

Приезжает на бал; Иван-царевич обрадовался, и все руками схлопали: кака красавица!

Начали закусывать; царевна огложет коску*, да и в рукав, выпьет чего — остатки в другой рукав. Те снохи видят, чего она делат, и они тоже кости кладут к себе в рукава, пьют чего — остатки льют в рукава.

Дошла очередь танцевать; царь посылает бóльших снох, а они ссылаются на лягушу. Та тотчас подхватила Ивана-царевича и пошла; уж она плясала-плясала, вертелась-вертелась — всем на диво! Махнула правой рукой — стали леса и воды, махнула левой — стали летать разные птицы. Все изумились. Отплясала — ничего не стало.

Други снохи пошли плясать, так же хотели: котора правой рукой ни махнет, у той кости-та и полетят, да в людей, из левого рукава вода разбрызжет — тоже в людей. Царю не понравилось, закричал:

— Будет, будет!

Снохи перестали.

Бал был на отходе. Иван-царевич поехал наперед, нашел там где-то женин кожух, взял

его да и сжег.

Та приезжат, хватилась кожуха: нет! — сожжен.

Легла спать с Иваном-царевичем; перед утром и говорит ему:

— Ну, Иван-царевич, немного ты не потерпел; твоя бы я была, а теперь Бог знат. Прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве.

И не стало царевны.

Вот год прошел, Иван-царевич тоскует о жене; на другой год собрался, выпросил у отца, у матери благословенье и пошел.

Идет долго уж, вдруг попадаетя ему избушка — к лесу передом, к нему задом. Он и говорит:

— Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, — к лесу задом, а ко мне передом.

Избушка перевернулась. Вошел в избу; сидит старуха и говорит:

— Фу-фу! Русской коски слыхом было не слышать и видом не видать, нынче русска коска сама на двор пришла! Куда ты, Иван-царевич, пошел?

— Прежде, старуха, напой-накорми, потом вести расспроси.

Старуха напоила-накормила и спать положила. Иван-царевич говорит ей:

— Баушка! Вот я пошел доставать Елену Прекрасну.

— Ой, дитяtko, как ты долго (не бывал)! Она с первых-то годов часто тебя поминала, а теперь уж не помнит, да и у меня давно не бывала. Ступай вперед к средней сестре, та

больше знат.

Иван-царевич поутру отправился, дошел до избушки и говорит:

— Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, — к лесу задом, а ко мне передом.

Избушка перевернулась. Он вошел в нее, видит — сидит старуха и говорит:

— Фу-фу! Русской коски слыхом было не слышать и видом не видать, а нынче русска коска сама на двор пришла! Куда, Иван-царевич, пошел?

— Да вот, баушка, доступать* Елену Прекрасну.

— Ой, Иван-царевич, — сказала старуха, — как ты долго! Она уж стала забывать тебя, выходит замуж за другого: скоро свадьба! Живет теперь у большой сестры, ступай туда да смотри ты: как станешь подходить — у нее узнают, Елена обернется веретешком*, а платье на ней будет золотом. Моя сестра золото станет вить; как совет веретешко, и положит в ящик, и ящик запрет, ты найди ключ, отвори ящик, веретешко переломи, кончик брось назад, а корешок перед себя: она и очутится перед тобой.

Пошел Иван-царевич, дошел до этой старухи, зашел в избу; та вьет золото, свила его веретешко и положила в ящик, заперла и ключ куда-то положила. Он взял ключ, отворил ящик, вынул веретешко и переломил по ска-

занному, как по писаному, кончик бросил за себя, а корешок перед себя. Вдруг и очутилась Елена Прекрасна, начала здороваться:

— Ой, да как ты долго, Иван-царевич? Я чуть за другого не ушла.

А тому жениху надо скоро быть. Елена Прекрасна взяла ковер-самолет у старухи, села на него, и понеслись, как птица полетели.

Жених-от за ними вдруг и приехал, узнал, что они уехали; был тоже хитрый! Он ступай-ка за ними в погоню, гнал-гнал, только сажон* десять не догнал: они на ковре влетели в Русь, а ему нельзя как-то в Русь-то, воротился; а те прилетели домой, все обрадовались, стали жить да быть да животы* наживать — на славу всем людям.

Царевна-змея

Ехал казак путем-дорогою и заехал в дремучий лес; в том лесу на прогалинке стоит

стог сена. Остановился казак отдохнуть немножко, лег около стога и закурил трубку; курил, курил и не видал, как заронил искру в сено.

После отдыха сел на коня и тронулся в путь; не успел и десяти шагов сделать, как вспыхнуло пламя и весь лес осветило. Казак оглянулся, смотрит: стог сена горит, а в огне стоит красная дэвица и говорит громким голосом:

— Казак, добрый человек! Избавь меня от смерти.

— Как же тебя избавить? Кругом пламя, нет к тебе подступу.

— Сунь в огонь свою пику; я по ней выберусь.

Казак сунул пику в огонь, а сам от великого жару назад отвернулся. Тотчас красная дэвица оборотилась змеею, влезла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокруг шеи три раза и взяла свой хвост в зубы. Казак испугался, не придумает, что ему делать и как ему быть.

Провещала змея человеческим голосом:

— Не бойся, добрый мóлодец! Носи меня на

шее семь лет да разыскивай оловянное царство, а приедешь в то царство — останься и проживи там еще семь лет безвыходно. Сослужишь эту службу, счастлив будешь!

Поехал казак разыскивать оловянное царство.

Много ушло времени, много воды утекло, на исходе седьмого года добрался до круглой горы; на той горе стоит оловянный замок, кругом замка высокая белокаменная стена. Поскакал на гору, перед ним стена раздвинулась, и въехал он на широкий двор. В ту же минуту сорвалась с его шеи змея, ударилась, о сырую землю, обернулась душой-девицей и с глаз пропала — словно ее не было.

Казак поставил своего доброго коня на конюшню, вошел во дворец и стал осматривать комнаты. Всюду зеркала, серебро да бархат, а нигде не видать ни одной души человеческой. «Эх, — думает казак, — куда я заехал? Кто меня кормить и поить будет? Видно, пришлось помирать голодною смертью!»

Только подумал, глядь — перед ним стол накрыт, на столе и пить и есть — всего вдоволь; он закусил и выпил, подкрепил свои си-

лы и вздумал пойти на коня посмотреть. Приходит в конюшню — конь стоит в стойле да овес уплетает.

— Ну, это дело хорошее: можно, значит, без нужды прожить.

Долго-долго оставался казак в оловянном замке, и взяла его скука смертная: шутка ли — завсегда один-одинешенек! Не с кем и словечка перекинуть. С горя напился он пьян, и вздумалось ему ехать на вольный свет; только куда ни бросится — везде стены высокие, нет ни входу, ни выходу. За досаду то ему показалось, схватил добрый молодец палку, вошел во дворец и давай зеркала и стекла бить, бархат рвать, стулья ломать, серебро швырять: «Авось-де хозяин выйдет да на волю выпустит!» Нет, никто не является.

Лег казак спать; на другой день проснулся, погулял-походил и вздумал закусить; туда-сюда смотрит — нет ему ничего! «Эх, — думает, — сама себя раба бьет, коль нечисто жнет! Вот набедокурил вчера, а теперь голодай!» Только покаялся, как сейчас и еда и питье — все готово!

Прошло дня три; проснувшись поутру,

смотрит казак в окно — у крыльца стоит его добрый конь оседланный. Что бы такое значило? Умылся, оделся, Богу помолился, взял свою длинную пику и вышел на широкий двор. Вдруг откуда ни взялась — явилась красная дѣвица:

— Здравствуй, добрый мѳлодец! Семь лет окончилось — избавил ты меня от конечной гибели. Знай же: я королевская дочь; любил меня Кощей Бессмертный, унес от отца, от матери, хотел взять за себя замуж, да я над ним насмеялася; вот он озлобился и оборотил меня лютой змеею. Спасибо тебе за долгую службу! Теперь поедем к моему отцу; станет он награждать тебя золотой казной и камнями самоцветными, ты ничего не бери, а прося себе бочонок, что в подвале стоит.

— А что за корысть в нем?

— Покатишь бочонок в правую сторону — тотчас дворец явится, покатишь в левую — дворец пропадет.

— Хорошо, — сказал казак.

Сел на коня, посадил с собой и прекрасную королевну; высокие стены сами перед ним пораздвинулись, и поехал он в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли — приезжает в сказанное королевство. Король увидал свою дочь, возрадовался, начал благодарствовать и дает казаку полны мешки золота и жемчугу.

Отвечает добрый мóлодец:

— Не надо мне ни злата, ни жемчугу; дай мне на память тот бочонок, что в подвале стоит.

— Много хочешь, брат! Ну, да делать нечего: дочь мне всего дороже! За нее и бочонка не жаль; бери с Богом.

Казак взял королевский подарок и отправился по белу свету странствовать.

Ехал-ехал, попадается ему навстречу древний старичок. Просит старик:

— Накорми меня, добрый молодец!

Казак соскочил с лошади, отвязал бочонок, покатил его вправо — в ту ж минуту чудный дворец явился.

Взошли они оба в расписные палаты и сели за накрытый стол.

— Эй, слуги мои верные! — закричал казак. — Накормите-напоите моего гостя.

Не успел вымолвить — несут слуги целого быка и три котла пива. Начал старик уписы-

вать да похваливать; съел целого быка и выпил три котла пива, крякнул и говорит:

— Маловато, да делать нечего! Спасибо за хлеб за соль.

Вышли из дворца; казак покатил свой бочонок в левую сторону — и дворца как не бывало.

— Давай поменяемся, — говорит старик казаку, — я тебе меч отдам, а ты мне бочонок.

— А что толку в мече?

— Да ведь это меч-саморуб; только стоит махнуть — хоть какая будь сила несметная, всю побьет! Вон видишь — лес растет; хочешь — пробу сделаю?

Тут старик вынул свой меч, махнул им и говорит:

— Ступай, меч-саморуб, поруби дремучий лес!

Меч полетел и ну деревья рубить да в сажени класть; порубил и назад к хозяину воротился.

Казак не стал долго раздумывать, отдал старику бочонок, а себе взял меч-саморуб; махнул мечом и убил старика до смерти. После привязал бочонок к седлу, сел на коня и

вздумал к королю вернуться. А под стольный город того короля подошел сильный неприятель; казак увидал рать-силу несметную, махнул на нее мечом:

— Меч-саморуб! Сослужи-ка службу, поруби войско вражее.

Полетели головы, полилася кровь, и часу не прошло, как все поле трупами покрылося.

Король выехал казаку навстречу, обнял его, поцеловал и тут же решил выдать за него замуж прекрасную королевну.

Свадьба была богатая; на той свадьбе и я был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было.

Окаменелое царство

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был солдат; служил он долго и беспорочно, царскую службу знал хорошо, на смотры, на ученья приходил чист и исправен. Стал последний год дослуживать — как на беду, невзлюбило его начальство, не только большое, да и малое: то и дело под палками отдувайся!

Тяжело солдату, и задумал он бежать; ранец через плечо, ружье на плечо и начал прощаться с товарищами, а те его спрашивать:

— Куда идешь? Аль батальонный требует?

— Не спрашивайте, братцы! Подтяните-ка ранец покрепче да лихом не поминайте!

И пошел он, добрый молодец, куда глаза глядят.

Много ли, мало ли шел — пробрался в иное государство, усмотрел часового и спрашивает:

— Нельзя ли где отдых взять?

Часовой сказал ефрейтору, ефрейтор офицеру, офицер генералу, генерал доложил про него самому королю. Король приказал по-

звать того служивого перед свои светлые очи.

Вот явился солдат, как следует — при форме, сделал ружьем на караул и стал как вкопанный. Говорит ему король:

— Скажи мне по совести, откуда и куда идешь?

— Ваше королевское величество, не велите казнить, велите слово вымолвить.

Признался во всем королю по совести и стал на службу проситься.

— Хорошо, — сказал король, — наймись у меня сад караулить; у меня теперь в саду неблагополучно — кто-то ломает мои любимые деревья, так ты постарайся — сбереги его, а за труд дам тебе плату немалую.

Солдат согласился, стал в саду караул держать.

Год и два служит — все у него исправно; вот и третий год на исходе, пошел однажды сад оглядывать и видит — половина что ни есть лучших деревьев поломаны.

«Боже мой! — думает сам с собою. — Вот какая беда приключилась! Как заметит это король, сейчас велит схватить меня и повесить».

Взял ружье в руки, прислонился к дереву и крепко-крепко призадумался.

Вдруг послышался треск и шум, очнулся добрый молодец, глядь — прилетела в сад огромная, страшная птица и ну валять деревья. Солдат выстрелил в нее из ружья, убить не убил, а только ранил ее в правое крыло; выпало из того крыла три пера, а сама птица наутек пустилась. Солдат за нею; ноги у птицы быстрые, скорехонько добежала она до провалища и скрылась из глаз.

Солдат не убоился и вслед за нею кинулся в то провалище, упал в глубокую-глубокую пропасть, отшиб себе все печенки и целые сутки лежал без памяти.

После опомнился, встал, осмотрелся, — что же? — и под землей такой же свет. «Стало быть, — думает, — и здесь есть люди!»

Шел-шел, перед ним большой город, у ворот караульня, при ней часовой; стал его спрашивать — часовой молчит, не движется; взял его за руку — а он совсем каменный!

Взошел солдат в караульню — народу много, и стоят и сидят, только все окаменелые; пустился бродить по улицам — везде то же са-

мое: нет ни единой живой души человеческой, всё как есть камень! Вот и дворец расписной, вырезной, марш туда, смотрит — комнаты богатые, на столах закуски и напитки всякие, а кругом тихо и пусто.

Солдат закусил, выпил, сел было отдохнуть, и послышалось ему — словно кто к крыльцу подъехал; он схватил ружье и стал у дверей.

Входит в палату прекрасная царевна с мамками, с няньками; солдат отдал ей честь, а она ему ласково поклонилась.

— Здравствуй, служивый! Расскажи, — говорит, — какими судьбами ты сюда попал?

Солдат начал рассказывать:

— Нанялся-де я царский сад караулить, и повадилась туда большая птица летать да деревья ломать; вот я подстерег ее, выстрелил из ружья и выбил у ней из крыла три пера; бросился за ней в погоню и очутился здесь.

— Эта птица — моя родная сестра: много она творит всякого зла и на мое царство беду наслала — весь народ мой окаменила. Слушай же: вот тебе книжка, становись вот тут и читай ее с вечера до тех пор, пока петухи не

запоют. Какие бы страсти тебе ни казались, ты знай свое — читай книжку да держи ее крепче, чтоб не вырвали; не то жив не будешь! Если простиошь три ночи, то выйду за тебя замуж.

— Ладно! — отвечал солдат.

Только стемнело, взял он книжку и начал читать.

Вдруг застучало, загремело — явилось во дворец целое войско, подступили к солдату его прежние начальники, и бранят его, и грозят за побег смертью; вот уж и ружья заряжают, прицеливаются... Но солдат на то не смотрит, книгу из рук не выпускает, знай себе читает.

Закричали петухи — и все разом сгнуло!

На другую ночь страшней было, а третью и того пуще: прибежали палачи с пилами, топорами, молотами, хотят ему кости дробить, жилы тянуть, на огне его жечь, а сами только и думают, как бы книгу из рук выхватить. Такие страсти были, что едва солдат выдержал.

Запели петухи — и демонское наваждение сгнуло! В тот самый час все царство ожило, по улицам и в домах народ засуетился, во дво-

рец явилась царица с генералами, со свитой, и стали все благодарствовать солдату и величать его своим государем. На другой день женился он на прекрасной царице и зажил с нею в любви и радости.

Неумойка

Отслужил солдат три войны, не выслужил и выеденного яйца, и отпустили его в чи-

стю*. Вот он вышел на дорогу, шел-шел, пристал* и сел у озера; сидит да думу думает: «Куда теперь мне деваться, чем прокормиться?.. К черту, что ли, в работники наняться!» Только вымолвил эти речи, а чертенок тут как тут — стоит перед ним, кланяется:

— Здорово, служба!

— Тебе что надо?

— Да не сам ли ты захотел к нам в работники наняться? Что ж, служивый, наймись! Жалованье большое дадим.

— А какова работа?

— Работа легкая: только пятнадцать лет не бриться, не стричься, соплей не сморкать, нос не утирать и одежды не переменять!

— Ладно, — говорит солдат, — я возьмусь за эту работу, но с тем уговором, чтобы все мне было готово, чего душа пожелает!

— Уж это как водится! Будь спокоен, за нами помешки не будет.

— Ну так по рукам! Сейчас же перенеси меня в большой столичный город да кучу денег притащи; ты ведь сам знаешь, что этого добра у солдата без малого ничего!

Чертенок бросился в озеро, притащил кучу

денег и мигом перенес солдата в большой город; перенес — и был таков!

— Вот на дурака напал! — говорит солдат. — Еще не служил, не работал, а деньги взял.

Нанял себе квартиру, не стрижется, не бреется, носа не утирает, одежды не переменяет, живет — богатеет; до того разбогател, что некуда стало денег девать. Что делать с серебром да с золотом?

— Дай-ка, — вздумал он, — начну помогать бедным; пусть за мою душу молятся.

Начал солдат раздавать деньги бедным, и направо дает, и налево дает — а денег у него не только не убывает, а еще прибавляется. Пошла об нем слава по всему царству, по всем людям.

Вот так-то жил солдат лет четырнадцать; на пятнадцатом году не хватило у царя казны; велел он позвать к себе этого солдата. Приходит к нему солдат небритый, немытый, нечесаный, сопли не вытерты, одежда не переменена.

— Здравия желаю, ваше величество!

— Послушай, служивый! Ты, говорят, всем

людям добро делаешь; дай мне хоть займы денег. У меня на жалованье войскам не хватает. Если дашь, сейчас тебя генералом пожалую.

— Нет, ваше величество, я генералом быть не желаю; а коли хочешь жаловать, отдай за меня одну из своих дочерей, и бери тогда казны, сколько надобно.

Тут король призадумался; и дочерей жалко, и без денег обойтись нельзя.

— Ну, — говорит, — хорошо; прикажи списать с себя портрет, я его дочерям покажу — которая за тебя пойдет?

Солдат повернулся, велел списать с себя портрет — точь-в-точь как он есть, и послал его к царю.

У того царя было три дочери, призвал их отец, показывает солдатский портрет старшей:

— Пойдешь ли за него замуж? Он меня из великой нужды выведет.

Царевна видит, что нарисовано страшилище, волоса всклокочены, ногти не выстрижены, сопли не вытерты!

— Не хочу! — говорит. — Я лучше за черта

пойду!

А черт откуда взялся — стоит позади с пером да с бумагой, услышал это и записал ее душу. Спрашивает отец среднюю дочь:

— Пойдешь за солдата замуж?

— Как же! Я лучше в девках посижу, лучше с чертом повяжуся*, чем за него идти!

Черт записал и другую душу. Спрашивает отец у меньшей дочери; она ему отвечает:

— Видно, судьба моя такова! Иду за него замуж, а там что Бог даст!

Царь обрадовался, послал сказать солдату, чтоб к венцу готовился, и отправил к нему двенадцать подвод за золотом. Солдат потребовал к себе чертенка:

— Вот двенадцать подвод — чтобы сейчас все были золотом насыпаны!

Чертенок побежал в озеро, и пошла у нечистых работа: кто мешок тащит, кто два; живой рукой насыпали воза и отправили к царю во дворец.

Царь поправился и начал звать к себе солдата почитай каждый день, сажал с собою за единый стол, вместе с ним и пил и ел.

Вот, пока готовились они к свадьбе, про-

шло как раз пятнадцать лет: кончился срок солдатской службы. Зовет он чертенка и говорит:

— Ну, служба моя покончилась: сделай теперь меня молодцом.

Чертенок изрубил его на мелкие части, бросил в котел и давай варить; сварил, вынул и собрал все воедино как следует: косточка в косточку, суставчик в суставчик, жилка в жилку; потом взбрызнул мертвой и живой водою — и солдат встал таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать.

Обвенчался он с младшею царевною, и стали они жить-поживать, добра наживать; я на свадьбе был, мед-пиво пил, было у них вино — выпивал его по самое дно!

Прибежал чертенок в озеро; потребовал его дедушка к отчету:

— Что, как солдат?

— Отслужил свой срок верно и честно, ни разу не брился, не стригся, соплей не утирал, одежды не переменял.

Рассердился на него дедушка:

— В пятнадцать лет, — говорит, — не мог соблазнить ты солдата! Что даром денег по-

трачено, какой же ты черт после этого? — и приказал бросить его в смолу кипучую.

— Постой, дедушка! — отвечает внучек. — За солдатскую душу у меня две записаны.

— Как так?

— Да вот как: задумал солдат на царевне жениться, так старшая да средняя сказали отцу, что лучше за черта пойдут замуж, чем за солдата! Стало быть, они — наши!

Дедушка оправил* чертенка и велел его отпустить: знает-де свое дело!

Верлиока

Жили-были дед да баба, а у них были две внучки-сиротки — такие хорошенькие да смиренные, что дед с бабушкой не могли ими нарадоваться. Вот раз дед вздумал посеять горох; посеял — вырос горох, зацвел. Дед глядит на него, да и думает: «Теперь буду целую зиму есть пироги с горохом».

Как назло деду, воробьи и напали на горох. Дед видит, что худо, и послал младшую внучку прогонять воробьев. Внучка села возле гороха, машет хворостиной да приговари-

вает:

— Кишь, кишь, воробьи! Не ешьте дедова гороху!

Только слышит: в лесу шумит, трещит — идет Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в поларшина*, на голове щетина, на одной ноге — в деревянном сапоге, костылем подпирается, сам страшно ухмыляется.

У Верлиоки была уже такая натура: завидит человека, да еще смиренного, не утерпит, чтобы дружбу не показать, бока не поломать; не было спуску от него ни старому, ни малому, ни тихому, ни удалому. Увидел Верлиока дедову внучку — такая хорошенькая, ну как не затрогать ее? Да той, видно, не понравились его игрушки: может быть, и обругала его — не знаю; только Верлиока сразу убил ее костылем.

Дед ждал-ждал — нет внучки, послал за нею старшую. Верлиока и ту прибрал.

Дед ждет-пождет — и той нет! — и говорит жене:

— Да что они там опозднились*? Пожалуй, с парубками* развозились, как трещотки тре-

щат, а воробьи горох лущат. Иди-ка ты, старуха, да скорей тащи их за ухо.

Старуха с печки сползла, в углу палочку взяла, за порог перевалилась, да и домой не воротилась. Вестимо, как увидела внучек да потом Верлиоку, догадалась, что это его работа; с жалости так и вцепилась ему в волосы. А нашему забияке то и на руку...

Дед ждет внучек да старуху — не дождется; нет как нет! Дед и говорит сам себе:

— Да что за лукавый! Не приглянулся ли и жене парень чернявый? Сказано: от нашего ребра* не ждать нам добра; а баба все баба, хоть и стара!

Вот так мудро размысливши, встал он из-за стола, надел шубку, закурил трубку, помолился Богу, да и поплелся в дорогу.

Приходит к гороху, глядит: лежат его ненаглядные внучки — точно спят; только у одной кровь, как та алая лента, полосой на лбу видна, а у другой на белой шейке пять синих пальцев так и оттиснулись. А старуха так изувечена, что и узнать нельзя. Дед зарыдал не на шутку, целовал их, миловал да слезно приговаривал.

И долго бы проплакал, да слышит: в лесу шумит, трещит — идет Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина, на голове щетина, на одной ноге — в деревянном сапоге, костылем подпирается, сам страшно ухмыляется. Схватил деда и давай бить; насилу бедный вырвался да убежал домой.

Прибежал, сел на лавку, отдохнул и говорит:

— Эге, над нами строить штуки! Постой, брат, у самих есть руки... Языком хоть что рассуждай, а рукам воли не давай. Мы и сами с усами! Задел рукой, поплатишься головой. Видно тебя, Верлиока, не учили сызмала половице: делай добро — не кайся, а делай зло — сподевайся*! Взял лычко, отдай ремешок!

Долго рассуждал дед сам с собою, а наконец, наговорившись досыта, взял железный костыль и отправился бить Верлиоку.

Идет-идет и видит ставок*, а на ставке сидит куцый селезень. Увидал деда селезень и кричит:

— Так, так, так! Ведь я угадал, что тебя сю-

да поджидал. Здоров, дед, на сто лет!

— Здорово, селезень! Отчего же ты меня поджидал?

— Да знал, что ты за старуху да за внучек пойдешь к Верлиоке на расправу.

— А тебе кто сказал?

— Кума сказала.

— А кума почему знает?

— Кума все знает, что на свете делается; да другой раз еще дело и не сделалось, а кума куме уж о том на ухо шепчет, а нашепчутся две кумы — весь мир узнает.

— Смотри, какое диво! — говорит дед.

— Не диво, а правда! Да такая правда, что бывает не только с нашим братом, а водится и промеж старшими.

— Вот что! — молвил дед и рот разинул; а потом, опомнившись, снял шапку, поклонился куцему селезню и говорит: — А вы, добродю*, знаете Верлиоку?

— Как, как, как не знать! Знаю я его, кривого.

Селезень поворотил голову на сторону (сбоку они лучше видят), прищурил глаз, поглядел на деда, да и говорит:

— Эге! С кем не случается беда? Век живи, век учись, а все дурнем умрешь. Так, так, так!

Поправил крылья, повертел задом и стал учить деда:

— Слушай, дедушка, да учись, как на свете жить! Раз как-то вот тут на берегу начал Верлиока бить какого-то горемыку. А в те поры была у меня за каждым словом поговорка: ах, ах, ах! Верлиока потешается, а я сижу в воде, да так себе и кричу: ах, ах, ах!.. Вот он, управившись по-своему с горемыкою, подбежал ко мне да, не говоря худого слова, хватить меня за хвост! Да не на таковского напал, только хвост у него в руках остался. Оно хоть хвост и невелик, а все-таки жаль его... Кому свое добро не дорого? Говорят же: всякой птице свой хвост ближе к телу. Верлиока пошел домой, да и говорит дорогою: «Постой же! Научу я тебя, как за других заступаться». Вот я и взялся за ум и с той поры — кто бы что ни делал, не кричу: ах, ах, ах! — а все придакиваю: так, так, так! Что же? И житье стало лучше, и почету от людей больше. Все говорят: «Вот селезень — хоть куцый, да умный!»

— Так не можешь ли ты, добродеею, пока-

зять мне, где живет Верлиока?

— Так, так, так!

Селезень вылез из воды и, переваливаясь с боку на бок, словно купчиха, пошел по берегу, а дед за ним.

Идут-идут, а на дороге лежит бечевочка* и говорит:

— Здравствуй, дедушка, умная головушка!

— Здравствуй, бечевочка!

— Как живешь? Куда идешь?

— Живу и так и сяк; а иду к Верлиоке на расправу; старуху задушил, двух внучек убил, а внучки были такие хорошие — на славу!

— Я твоих внучек знала, старуху поважала*; возьми и меня на подмогу!

Дед подумал: «Может, пригодится связать Верлиоку!» — и отвечал:

— Полезай, когда знаешь дорогу.

Вевочка и поползла за ними, словно змея.

Идут-идут, на дороге лежит колотушка, да и говорит:

— Здравствуй, дедушка, умная головушка!

— Здравствуй, колотушка!

— Как живешь? Куда идешь?

— Живу и так и сяк; а иду к Верлиоке на расправу. Подумай: старуху задушил, двух внучек убил, а внучки были на славу.

— Возьми меня на подмогу!

— Ступай, когда знаешь дорогу.

А сам думает: «Колотушка и впрямь поможет».

Колотушка поднялась, уперлась ручкой о землю и прыгнула.

Пошли опять. Идут-идут, а на дороге лежит желудь и пищит:

— Здравствуй, дед долгоногий!

— Здравствуй, желудь дубовый!

— Куда это так шагаешь?

— Иду Верлиоку бить, когда его знаешь.

— Как не знать! Пора уж с ним расплатиться; возьми и меня на подмогу.

— Да чем ты поможешь?

— Не плюй, дед, в колодезь — достанется водицы напиться; синица не велика птица, да все поле спалила. А еще говорят: мал золотник, да дорог; велика Федора, да дура!

Дед подумал: «А пускай его! Чем больше народу, тем лучше», — и говорит:

— Плетись позади!

Какое — плетись! Желудь так и скачет впереди всех.

Вот и пришли они в густой, дремучий лес, а в том лесу стоит избушка. Глядят — в избушке никого нет. Огонь давно погас, а на шестке стоит кулиш*. Желудь не промах — вскочил в кулиш, веревочка растянулась на пороге, колотушку положил дед на полку, селезня посадил на печку, а сам стал за дверью.

Пришел Верлиока, кинул дрова на землю и стал поправлять в печке. Желудь, сидя в кулише, затянул песню:

— Пи... пи... пи! Пришли Верлиоку бить!

— Цыц, кулиш! В ведро вылью, — крикнул Верлиока.

А желудь не слушает его, знай свое пищит. Верлиока рассердился, схватил горшок да бух кулиш в ведро. Желудь как выскочит из ведра, щелк Верлиоку прямо в глаз, выбил и последний.

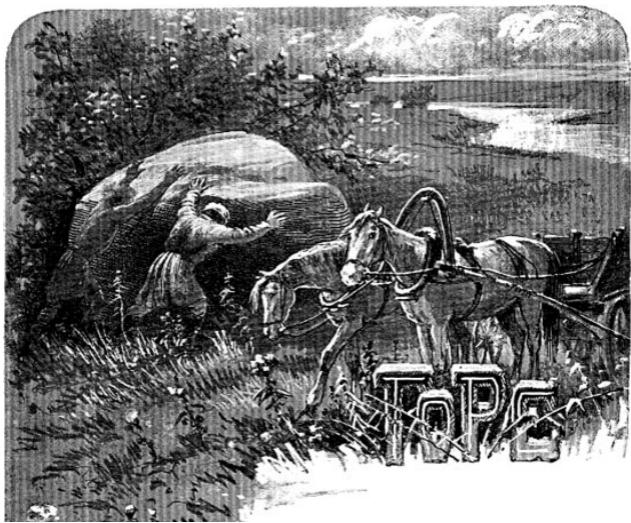
Верлиока кинулся было наутек, да не тут-то было — веревочка перецепила его, и Верлиока упал. Колотушка с полки, а дед из-за дверей, и давай его потчевать; а селезень за печкой сидит да приговаривает:

— Так, так, так!

Не помогли Верлиоке ни его сила, ни его отвага. Вот вам сказка, а мне бубликов вязка.

Горе

В одной деревушке жили два мужика, два родные брата: один был бедный, другой богатый. Богач переехал на житье в город, выстроил себе большой дом и записался в купцы; а у бедного иной раз нет ни куска хлеба, а ребятинки — мал мала меньше — плачут да есть просят. С утра до вечера бьется мужик

как рыба об лед, а все ничего нет.

Говорит он снова* своей жене:

— Дай-ка пойду в город, попрошу у брата: не поможет ли чем?

Пришел к богатому:

— Ах, братец родимый! Помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дети без хлеба сидят, по целым дням голодают.

— Проработай у меня эту неделю, тогда и помогу!

Что делать?

Принялся бедный за работу: и двор чистит, и лошадей холит, и воду возит, и дрова рубит. Через неделю дает ему богатый одну ковригу хлеба:

— Вот тебе за труды!

— И за то спасибо! — сказал бедный, поклонился и хотел было домой идти.

— Постой! Приходи-ка завтра ко мне в гости и жену приводи: ведь завтра мои именины.

— Эх, братец, куда мне? Сам знаешь: к тебе придут купцы в сапогах да в шубах, а я в лаптях хожу да в худеньком сером кафтанишке.

— Ничего, приходи! И тебе будет место.

— Хорошо, братец, приду.

Воротился бедный домой, отдал жене ковригу и говорит:

— Слушай, жена! Назавтрее нас с тобой в гости звали.

— Как — в гости? Кто звал?

— Брат; он завтра именинник.

— Ну что ж, пойдём.

Наутро встали и пошли в город, пришли к богатому, поздравили его и уселись на лавку. За столом уж много именитых гостей сидело; всех их угощает хозяин на славу, а про бедного брата и его жену и думать забыл — ничего им не даёт; они сидят да только посматривают, как другие пьют да едят.

Кончился обед; стали гости из-за стола вылазить да хозяина с хозяйюшкой благодарить, и бедный тоже — поднялся с лавки и кланяется брату в пояс. Гости поехали домой пьяные, веселые, шумят, песни поют.

А бедный идет назад с пустым брюхом.

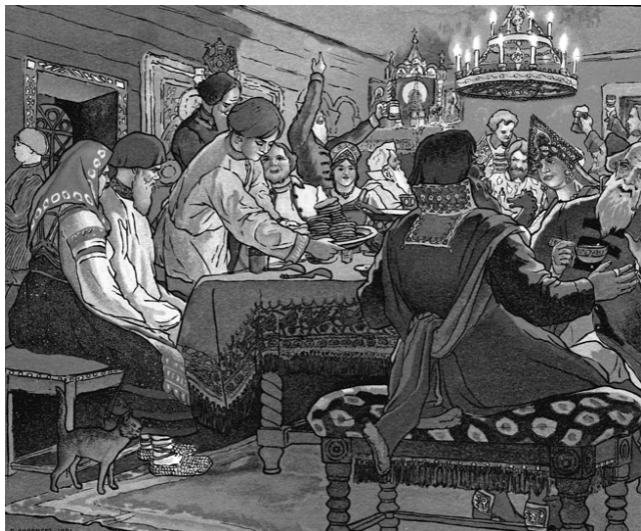
— Давай-ка, — говорит жене, — и мы запоём песню!

— Эх ты, дурак! Люди поют оттого, что сладко поели да много выпили; а ты с чего петь вздумал?

— Ну, все-таки у брата на именинах был; без песен мне стыдно идти. Как я запою, так всякий подумает, что и меня угостили...

— Ну, пой, коли хочешь, а я не стану!

Мужик запел песню, и послышалось ему

два голоса; он перестал и спрашивает жену:

— Это ты мне подсобляла петь тоненьким голоском?

— Что с тобой? Я вовсе и не думала.

— Так кто же?

— Не знаю! — сказала баба. — А ну, запой, я послушаю.

Он опять запел; поет-то один, а слышно два голоса; остановился и спрашивает:

— Это ты, Горе, петъ пособляешь?

Горе отозвалось:

— Да, хозяин! Это я пособляю.

— Ну, Горе, пойдѣмъ с нами вместе.

— Пойдемъ, хозяин! Я теперь от тебя не отстану.

Пришел мужик домой, а Горе зовет его в кабак. Тот говорит:

— У меня денег нет!

— Ох ты, мужичок! Да на что тебе деньги? Видишь, на тебе полушубок надет, а на что он? Скоро лето будет, все равно носить не станешь! Пойдем в кабак, да полушубок побоку...

Мужик и Горе пошли в кабак и пропили полушубок. На другой день Горе заохало, с похмелья голова болит, и опять зовет хозяина винца испить.

— Денег нет, — говорит мужик.

— Да на что нам деньги? Возьми сани да телегу — с нас и довольно!

Нечего делать, не отбиться мужику от Гора: взял он сани и телегу, потащил в кабак и пропил вместе с Горем.

Наутро Горе еще больше заохало, зовет хозяина опохмелиться; мужик пропил и борону

и соху.

Месяца не прошло, как он все спустил; да-же избу свою соседу заложил, а деньги в ка-бак снес.

Горе опять пристаёт к нему:

— Пойдем да пойдем в кабак!

— Нет, Горе! Воля твоя, а больше тащить нечего.

— Как — нечего? У твоей жены два сарафа-на: один оставь, а другой пропить надобно.

Мужик взял сарафан, пропил и думает: «Вот когда чист! Ни кола, ни двора, ни на се-бе, ни на жене!»

Поутру проснулось Горе, видит, что у му-жика нечего больше взять, и говорит:

— Хозяин!

— Что, Горе?

— А вот что: ступай к соседу, попроси у него пару волов с телегою.

Пошел мужик к соседу:

— Дай, — просит, — на времечко пару во-лов с телегою; я на тебя хоть неделю за то проработаю.

— На что тебе?

— В лес за дровами съездить.

— Ну, возьми; только не велик воз накладывай.

— И, что ты, кормилец!

Привел пару волов, сел вместе с Горем на телегу и поехал в чистое поле.

— Хозяин, — спрашивает Горе, — знаешь ли ты на этом поле большой камень?

— Как не знать!

— А когда знаешь, поезжай прямо к нему.

Приехали они на то место, остановились и вылезли из телеги.

Горе велит мужику поднимать камень; мужик поднимает, Горе пособляет; вот подняли, а под камнем яма — полна золотом насыпана.

— Ну, что глядишь? — сказывает Горе мужику. — Таскай скорей в телегу.

Мужик принялся за работу и насыпал телегу золотом, все из ямы повыбрал до последнего червонца; видит, что уж больше ничего не осталось, и говорит:

— Посмотри-ка, Горе, никак, там еще деньги остались?

Горе наклонилось:

— Где? Я что-то не вижу!

— Да вон в углу светятся!

— Нет, не вижу.

— Полезай в яму, так и увидишь.

Горе полезло в яму; только что опустилось туда, а мужик и накрыл его камнем.

— Вот этак-то лучше будет! — сказал мужик. — Не то коли взять тебя с собою, так ты, Горе горемычное, хоть не скоро, а все же пропьешь и эти деньги!

Приехал мужик домой, свалил деньги в подвал, волов отвел к соседу и стал думать,

как бы себя устроить. Купил лесу, выстроил большие хоромы и зажил вдвое богаче своего брата.

Долго ли, коротко ли — поехал он в город просить своего брата с женой к себе на именины.

— Вот что выдумал! — сказал ему богатый брат. — У самого есть нечего, а ты еще именины справляешь!

— Ну, когда-то было нечего есть, а теперь, слава Богу, имею не меньше твоего; приезжай — увидишь.

— Ладно, приеду!

На другой день богатый брат собрался с женою, и поехали на именины; смотрят, а у бедного-то голыша хоромы новые, высокие, не у всякого купца такие есть! Мужик угостил их, употчевал всякими наедками, напоил всякими медами и винами. Спрашивает богатый у брата:

— Скажи, пожалуйста, какими судьбами разбогател ты?

Мужик рассказал ему по чистой совести, как привязалось к нему Горю горемычное, как пропил он с Горем в кабаке все свое добро до

последней нитки: только и осталось, что душа в теле; как Горе указало ему клад в чистом поле, как он забрал этот клад да от Горя избавился.

Завистно стало богатому: «Дай, — думает, — поеду в чистое поле, подниму камень да выпущу Горе — пусть оно дотла разорит брата, чтоб не смел передо мной своим богатством чваниться».

Отпустил свою жену домой, а сам в поле погнал; подъехал к большому камню, своро-

тил его в сторону и наклоняется посмотреть, что там под камнем? Не успел порядком головы нагнуть — а уж Горе выскочило и уселось ему на шею.

— А, — кричит, — ты хотел меня здесь умирить! Нет, теперь я от тебя ни за что не отстану.

— Послушай, Горе! — сказал купец. — Все не я засадил тебя под камень...

— А кто же, как не ты?

— Это мой брат тебя засадил, а я нарочно пришел, чтоб тебя выпустить.

— Нет, врешь! Один раз обманул, в другой не обманешь!

Крепко насело Горе богатому купцу на шею; привез он его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе уж с утра за свое принимается; каждый день зовет купца опохмелиться; много добра в кабак ушло.

«Этак несходно жить! — думает про себя купец. — Кажись, довольно потешил я Горе; пора б и расстаться с ним, да как?»

Думал-думал и выдумал: пошел на широкий двор, обтесал два дубовых клина, взял новое колесо и накрепко вбил клин с одного

конца во втулку. Приходит к Горю:

— Что ты, Горе, все на боку лежишь?

— А что ж мне больше делать?

— Что делать! Пойдем на двор в гулючки* играть.

А Горе и радо; вышли на двор. Сперва купец спрятался — Горе сейчас его нашло, после того черед Горю прятаться.

— Ну, — говорит, — меня не скоро найдешь! Я хоть в какую щель забьюсь!

— Куда тебе! — отвечает купец. — Ты в это колесо не влезешь, а то — в щель!

— В колесо не влезу? Смотри-ка, еще как спрячусь!

Влезло Горе в колесо; купец взял да и с другого конца забил во втулку дубовый клин, поднял колесо и забросил его вместе с Горем в реку. Горе потонуло, а купец стал жить по-старому, по-прежнему.

**Словарь
малоупотребительных и
областных слов**

А

Ажно — так что.

Аршин — старинная мера длины чуть больше 70 см.

Б

Балагта (от слова «балахтина» — болото) — живущая в болоте.

Баять, пробаять — говорить, сказать.

Бердо — род гребня в домашнем ткацком станке.

Бечевочка — веревочка.

Бирюк — волк.

Бознать — Бог знает.

Большой — здесь: старший.

Братим — побратим.

Брехать — лаять.

Буковище — место под мельничным колесом.

Бурмистр — приказчик, староста.

В

Ватажиться — знаться, общаться, дружить, вести знакомство.

Вачеги — суконные или шерстяные рука-

вицы, обшитые сверху кожей.

Ведать — знать, ведаться — знаться.

Вельми — очень, весьма.

Веретешко — веретено.

Веря — столб, на который навешивались ворота.

Встрел — встретил; встретить — встретить.

В те поры — тогда.

В чистую — то есть в отставку.

Высить — здесь: высоко подвешивать.

Г

Гвоздить — крепко бить.

Гой есте (от слова «гоить» — исцелять, жить) — пожелание здоровья, соответствующее сегодняшнему: «Будьте здоровы!»

Горазд — умеет.

Гузать — мешкать, трусить, отказываться.

Гулючки — прятки.

Гумно, гуменце — место, где молотят, а также — сарай для хранения снопов.

Д

Добродей — сударь.

Доступать — добывать, доходить.

Ж

Жерновцы — небольшая меленка, два камня-диска, между которыми зерно смалывается в муку.

Жесточь — жестокость, суровость.

Живот — жизнь.

Живот — достаток, имущество, домашний скот.

З

Забунчать — зажужжать.

Задирка — задержка.

Закала — непропеченное место в хлебе.

Заповедовать — приказывать, наказывать, велеть.

Запростать — здесь: занять под что-либо.

Зарыдать — вспыхнуть, затрещать.

Заставка — заслон, щит для задерживания воды у мельницы.

Зауторы, уторы — нарез, место в обручной посуде, куда вставлено дно.

Зыбка — люлька, колыбель.

И

Имение — здесь: добыча, имущество.

Именитый — здесь: богатый.

Испакоститъ — здесь: съесть, задушить, погубить.

Испариться — выпариться.

К

Казна — встречается в значении: деньги, достояние, имущество.

Калиновый (об огне) — здесь: яркий, жаркий.

Киса — мешок.

Клеть — чулан, отдельная комната.

Клушка — курица, наседка.

Кожух — здесь: кожа.

Колдаш (калдаш) — палка с шишкой на конце.

Колобок — сдобная, пресная лепешка.

Корец — ковш.

Корище — кореньище.

Короб, коробья — лукошко, корзина; здесь: ящик с замком для поклажи.

Коска — кость, косточка.

Костер — поленница, сложенные в клетку дрова.

Кочет, кочеток — петух.

Кочок — кочка.

Кросна — домашний ткацкий станок.

Крутиться — здесь: собраться делать.

Крутое крутище — почти отвесная круча,
яр.

Кукова — палка с загнутым концом.

Кулиш — пшенная каша.

Кут, кутничек — угол в избе, прилавок,
ларь, в котором зимой держали кур.

Л

Ладонь — ток, ровное, очищенное от травы
место, где молотят.

Ледаций — плохой, негодный.

Листвицы — листья.

Лощина — лог, овраг с отлогими склонами.

Лытать — отлынивать, уклоняться от дела.

М

Маклак — посредник при сделке; плут.

Мерёжка — здесь: паутина.

Мертвая рука — существовало поверье,
что рука мертвеца наводит на спящих непро-
будный сон.

Мизгирь — паук.

Мир — крестьянская община.

Мрасище — негодяй.

Муравейничек — мелкой породы медведь, любитель разгрести муравейники и лакомиться муравьиными яйцами.

Н

На верх — на чердак.

Наместо — вместо.

Неможить — занемочь, заболеть.

Ниже́ — ни даже, и не, нисколько.

Николи — никогда.

Новина — новая пашня на месте срубленного и выкорчеванного леса.

Носило, носилы — жерди для перенесения сена.

Няньки-маньки — мамки.

О

Обротать — надеть узду; здесь: железную цепь.

Однава — один раз, однажды, как-то.

Озойливо — здесь: пристально.

Опара — кислое тесто.

Опоздниться — опоздать.

Оправил — здесь: смягчился, снял вину.

Орехи — здесь: пули.

Ослобонить — освободить.

Отжить — здесь: отогнать, отвадить.

От нашего ребра — по библейскому сказанию, Бог сотворил женщину из ребра первого человека Адама.

П

Палая — издохшая.

Падла — падаль.

Парубки — парни.

Пласточки — в словосочетании «как пласточки» — то есть лежать пластом, во всю длину, без чувств, не шевелясь.

Поважать — уважать, почитать.

Повязаться — связаться.

Поглянуться — понравиться.

Полон — плен.

Попихается — гребет.

Порадеть — поусердствовать; здесь: много поесть.

Поробить — здесь: погнуться, поддаться.

По трюю — по три раза.

Потуль — до тех пор, до того времени.

Принада — ловушка.

Пристать — остановиться.

Просвирня — женщина при церкви, которая пекла просвиры — хлебцы особой формы.

Простудить — здесь: прохладиться, подышать свежим воздухом.

Пряжить — жарить в масле.

Пудовка — пудовая мера веса.

Пузырь — здесь: птичий зоб.

Пялечко, пяла — пяльцы.

Р

Развод — здесь: военный парад, движение войска.

Робить — работать.

Рогач — ухват.

Ряда — договор, условие; рядить — договориться, условиться.

С

Сажень — древнерусская мера длины, расстояние размаха рук от кончиков пальцев одной руки до кончиков пальцев другой.

Свертень (о зайце) — скачущий не прямым

путем, петляющий.

Себя не опознать — не помнить себя; здесь: позариться.

Сиротать — жить сиротой, сиротствовать.

Сквозь строй — за провинность виновного вели сквозь строй, и каждый солдат бил палкой или тростью.

Скинуться — оборотиться, превратиться.

Скирд, скирда — кладь сена или хлеба.

Скрутиться, крутиться — собираться что-нибудь делать.

Соморота — срам.

Со страстей — со страху.

Сподеваться — ждать расплаты.

Сродники — родственники.

Ставок — пруд.

Станово становище — укромное место, приют в лесу.

Строка — овод; так называют и слепня; строка некошна — нечистая, вражья, сатанинская, дьявольская.

Сусек — ларь, в котором хранят муку, зерно.

Тенеты — устройство для ловли, сеть.

Теплина — огонь.

То — тут, тогда.

Тоня — здесь: улов.

Тукнуть — стукнуть, пришибить.

Тя — тебя.

У

Угомон — покой.

Ужли — разве.

Урочное время — назначенный срок.

Урочный день — назначенный день, когда
кончается срок.

Устьецо — наружное отверстие в русской
печи.

Х

Хитра — чародейка.

Хлюст — три карты одной масти.

Хмыстень (о мыши) — проворная, быстрая.

Хорт — борзая собака.

Христов день — праздник.

Хусточка — кусок холста, платок.

Ц

Целковик — рубль.

Цеп — палка-держалка с билом на конце, орудие для ручной молотьбы.

Ч

Черная изба — без трубы; дым выходил через отверстие — окошечко.

Черная (о рубахе) — грубая, будничная, рабочая.

Чернушка — полевой дикий горох.

Чумичка — поваренка, ковш, большая ложка; здесь: повар.

Ш

Шаловая — глупая.

Ширинка — полотенце, платок.

Шкодливый — от слова «школа» — вред, убыток.

Щ

Ща — еще.

Ю

Юныш — юноша.

Я

Яко — как.

Яр — крутой берег, обрыв.

Яруга — крутой овраг.

Примечания

Толкование слов отмеченных звездочкой смотрите в конце книги в разделе «Словарь малоупотребительных и областных слов».

[^^^]